

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2026

Том 26

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия
Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Научный журнал
2026 Том 26

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Буняев М. Б., Антипова Е. А. Специфика концептуального различия сельского и городского в горизонте стадияльного подхода 120

Пасхальская Ю. В. Трансдисциплинарный подход в процессе научных революций 127

Яковлева В. Р. Социокультурные основания советского общества в контексте теории секуляризации 131

Кострицкая Т. А. Что «всеобщего» во «всеобщем законе»? Этика И. Канта как наследие андроцентристской традиции и основание справедливого сообщества 135

Сердешнов Е. М., Ломако О. М. Коммуникативное содержание хореографии как единство социального и экзистенциального 140

Креписов К. М. Риски искажения природы нормы в современном социуме 146

Мамедов А. А. Религиозные убеждения как форма социального знания в постсекулярном обществе: эклектизация традиций 151

Психология

Аксеновская Л. Н. Сотеринг: психотехнология управления личной эффективностью военнослужащего в сложных условиях деятельности 155

Кондрашихина О. А., Терентьева А. И. Личностные предикторы эмоционального выгорания специалистов ИТ-сферы 166

Лебедева В. Е. Нарративная типология стратегий управления стигматизированной идентичностью на материале сказок О. Уайльда 174

Ярошенко Е. И. Карьерные ориентации сотрудников уголовно-исполнительной системы: региональный аспект 179

Левит С. В., Фролова С. В. Духовная приверженность личности семейным ценностям: на основе теоретического анализа положений философской психологии С. Л. Франка 185

Педагогика

Воронина Д. К. Способы активации зоны ближайшего развития в методике обучения иностранному языку 191

Борисова М. В., Иванова Н. В. Содержательные компоненты подготовки будущих педагогов дошкольного образования к реализации персонифицированного методического сопровождения воспитателей дошкольных образовательных организаций 197

Затонская А. В. Проектная работа как эффективный инструмент оценки промежуточной успеваемости студентов-картографов (на примере гражданско-патриотического проекта «Школьные атласы Луганской и Донецкой народных республик: 80 лет Великой Победы») 204

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7). Журнал входит в ЕГПНИ (Белый список), DOAJ

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.05.2026.

Подписано в свет 01.06.2026.

Выход в свет 01.06.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 11,14 (12,0).

Тираж 100 экз. Заказ 38-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегия серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Bunyaev M. B., Antipova E. A.**
About conceptual distinction between rural and urban in the context of stadial theory 120
- Paskhalskaya Yu. V.**
Transdisciplinary approach in the process of scientific revolutions 127
- Yakovleva V. R.**
The socio-cultural foundations of Soviet society in the context of secularization theory 131
- Kostritskaya T. A.**
What is “universal” in the “universal law”?
I. Kant’s ethics as a legacy of the androcentric tradition and the foundation of a just community 135
- Serdeshnov E. M., Lomako O. M.**
The communicative essence of choreography as a unity of social and existential dimensions 140
- Krepisov K. M.**
Risks of distortion of the nature of the norm in modern society 146
- Mamedov A. A.**
Religious beliefs as a form of social knowledge in a post-secular society: Eclectization of traditions 151

Psychology

- Aksenovskaya L. N.**
Sotering: Psychotechnology of military personnel’s personal efficiency management 155
- Kondrashikhina O. A., Terentyeva A. I.**
Personality predictors of burnout in IT professionals 166
- Lebedeva V. E.**
A narrative typology of stigmatized identity management strategies in Oscar Wilde’s fairy tales 174
- Yaroshenko E. I.**
Career orientations of penal system employees: A regional aspect 179
- Levit S. V., Frolova S. V.**
A person’s spiritual commitment to family values: Based on a theoretical analysis of the provisions of S. L. Frank’s philosophical psychology 185

Pedagogy

- Voronina D. K.**
Methods and techniques to activate the zone of proximal development in foreign language teaching 191
- Borisova M. V., Ivanova N. V.**
Content components of training future teachers of preschool education for the implementation of personalized methodological support for teachers of preschool educational organizations 197
- Zatonskaya A. V.**
Project work as an effective tool for assessing the intermediate academic performance of student cartographers (the case of the civil-patriotic project “School atlases of the Lugansk and Donetsk People’s Republics: 80 years of the Great Victory”) 204

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ:
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Гущин Ян Денисович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)

Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, доктор искусствоведения, профессор (Саратов, Россия)

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)

Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)

Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)

Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)

Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор, профессор ПАО (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yan D. Guchshin (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)

Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)

Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)

Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)

Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)

Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)

Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)

Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)

Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)

Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)

Irina V. Steklova (Saratov, Russia)

Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)

Vladimir B. Ustyantsev (Saratov, Russia)

Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)

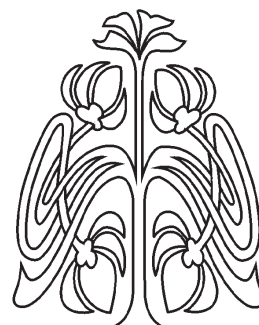
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)

Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)

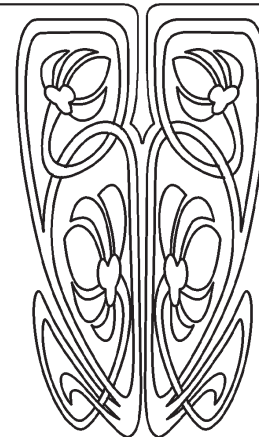
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)

Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)

Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

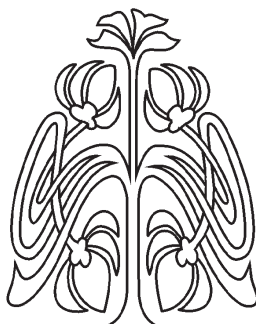
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 120–126

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 120–126

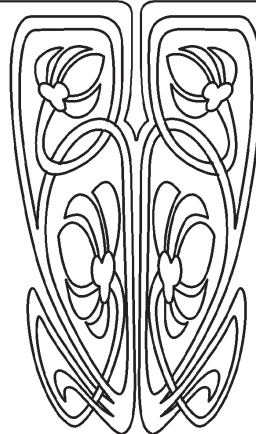
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>

EDN: CFWEJI

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 008+316.42

Специфика концептуального различения сельского и городского в горизонте стадиального подхода

М. Б. Буняев, Е. А. Антипова ✉

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина зд. 4, стр. 3

Буняев Максим Борисович, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, cat.petrulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

Аннотация. Введение. Центральной темой статьи является различение понятий сельского и городского в картине мира российской цивилизации через обращение к концепции Э. Тоффлера. **Теоретический анализ.** Стадиальный подход рассматривает сельские и городские формы человеческого поселения как ступени, по которым человечество восходит от дикости к цивилизации. В рамках данной концепции село и город – это не только способы устойчивого пространственного размещения человека, но и значимые этапы развития форм человеческих поселений. В условиях аграрной цивилизации основным видом пространственного размещения человечества было проживание в небольших (относительно общей численности населения) поселениях, окруженных тем количеством возделываемой земли, которое необходимо для выживания социума. На этом раннем этапе город и село не противопоставлялись друг другу, а являлись единым административно-территориальным образованием. Индустриальное общество создало город как особое искусственное пространство и вывело его на передовые позиции, что заложило основы для сущностного различения сельских и городских поселений. С наступлением Третьей волны возникают новые формы «городов и сел будущего»: экопоселения, наукограды etc. **Заключение.** Каждая из трех волн оказала существенное влияние на способы размещения человека в пространстве.

Ключевые слова: село, город, топос, российская цивилизация, стадиальный подход, Э. Тоффлер

Для цитирования: Буняев М. Б., Антипова Е. А. Специфика концептуального различения сельского и городского в горизонте стадиального подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 120–126. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>, EDN: CFWEJI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About conceptual distinction between rural and urban in the context of stadial theory

M. B. Bunyaev, E. A. Antipova ✉

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Maxim B. Bunyaev, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

Ekaterina A. Antipova, cat.petrunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

Abstract. Introduction. The main topic of the article is conceptual difference between rural (village&hamlet) and urban (town&city) in the world-view of Russian civilization through referring to Alvin Toffler's conception of The Third Wave. **Theoretical review.** In the horizons of stadial theory rural and urban are forms of settlement and they are the stages of ascending from savagery to civilization. Village and town are not only stable space locations for a human being, but also the stages of essential evolution of settlements. The main and typical form of spatial distribution of peoples of agricultural civilization is dwelling in compact settlements, surrounded by vital necessary amount of cultivated land. At this early stage of civilization urban and rural were not related as contradicting concepts. They were a single entity as inhabited districts. The industrial society created city as a special artificial space that must be brought to the forefront. This act became the foundation for conceptual and essential difference between town and village. With the advent of the Third Wave, new forms of settlements are emerging, which are currently presented as pilot projects of "cities and villages of the future". **Conclusion.** Each of the three Waves has had a significant impact on the ways to accommodate a human being in a space.

Keywords: village, city, town, hamlet, topos, Russian civilization, stadial approach, Alvin Toffler

For citation: Bunyaev M. B., Antipova E. A. About conceptual distinction between rural and urban in the context of stadial theory. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 120–126 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>, EDN: CFWEJ1

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Село и город – древнейшие способы устойчивого пространственного размещения человека. Их облик обусловлен своеобразием практик конкретной хозяйственной деятельности и связанными с ними мировоззренческими представлениями. Они являются местами сосредоточения средств и результатов освоения человеком среды обитания. Осмысление концептов села и города является необходимым для процесса становления цивилизационной идентичности. Прояснение же специфики концептуального различия сельского и городского в горизонте стадиального подхода позволяет выявить в динамике характерные особенности способов пространственного размещения человека.

Теоретический анализ

В рамках концепции Э. Тоффлера, разрабатываемой в книге «Третья волна», история всего человечества делится на три крупных исторических периода – три волны – которые фиксируют не только изменение «базисных» способов производства, но и трансформацию «надстроечных» особенностей восприятия человеком реальности, в том числе таких ка-

тегорий, как пространство и время. В Первую волну основным видом пространственного размещения человечества было проживание в небольших поселениях, что было обусловлено необходимостью участия в возделывании земли большей части населения. Данная ситуация сформировала цивилизацию аграрного типа, для которой было свойственно рассеяние людей по большой территории и проживание их в компактных микросообществах с сильными внутренними социальными связями. Наряду с этим для периода Первой волны характерна низкая степень социальной мобильности и ориентация жизненных и производственных ритмов людей на природные циклы. Концепция Трех волн, согласно постклассическому в своей рациональности замыслу Э. Тоффлера, не столько предзадает историческому процессу строгую формационную структурность, сколько указывает на схожесть последовательностей событий, происходящих в сосуществующих во времени многообразных человеческих общностях.

В данном исследовании предпринят подход к раскрытию своеобразия опыта российской цивилизации через призму концепции волн. Узким и собственным предметом исследования является концепт населённого пункта – городского и сельского.

Проясняя взаимоотношение сельского и городского в структуре российской цивилизации на этапе существования аграрного общества Первой волны, мы нуждаемся в выявлении точки их концептуального различия. Где и когда становится возможным уверенно сказать «город – не село» и дать некоторое положительное определение каждому из этих понятий? Так, Б. Н. Миронов замечает: «... поселения, называемые в России городами, существуют более 1000 лет, но поселения, которые можно считать городами в современном смысле – центрами культуры, промышленности, торговли, услуг, финансов и информации, появились сравнительно недавно – лет 300» [1, с. 789]. А. В. Куза, анализируя историографию проблемы возникновения русских городов, указывает на многообразие значений понятия «древнерусский город», которое может означать любое укрепленное поселение, выполняющее роль торгового, ремесленного, культового, административного, оборонного центра [2]. Столь же многообразны оказываются и пути возникновения города: синойки античного образца, ставка вождя, феодальный двор, место сбора дани, торговая фактория, ремесленный центр etc. Вместе с тем общим местом для исследователей оказывается замечание об отсутствии в аграрном обществе «резкой грани между городом и деревней» [1, с. 804] и образовании сельским и городским «в значительной мере единого административного, социального, экономического и культурного пространства» [1, с. 790]. Город хотя и представлял собой особое сущее, отличное от села, селу не противопоставлялся. Дифференциация начинается, по мнению Б. Н. Миронова, в середине XVII в. и завершается к 1860-м гг., что связано со становлением индустриального общества. По мере изменения структуры производительного труда и возникновения сопутствующих ему новых типов общественных отношений происходит стремительное разложение традиционного хозяйственного уклада, носящего до середины XVII в. преимущественно аграрный характер (в свою очередь, специфицированный в городах за счёт наличия у них функций административных и торгово-ремесленных центров). Повышается интенсивность перетока сельского населения в город, что влечёт за собой не только и даже не столько смену типа хозяйственной деятельности, сколько перемену

способа вовлечённости – семейно-общинный труд сменяется вовлечением отделённого от общины индивида в массовое капиталистическое (но всё ещё аграрное в своей основе!) производство. Наряду с этим часть сёл превращается в полнофункциональные города, но сохраняет административно-правовой статус села из-за его преимуществ. Именно в этот период в отечественном общественном сознании формируется образ города модерна. Этот передовой и даже в сущностном отношении новый город воплощает в себе черты будущей высшей промышленной (ср. с лат. *providentia* и древнегреч. *προμηθής*) реальности, для которой замкнутое на самом себе аграрное село становится пройденным этапом. Отметим, что в эту же эпоху в общественном сознании (на отечественной почве – конец XVIII – начало XIX в.) дозревает различие государственного (телеологического политического) и народного (автохтонного этнического). «Первое из них возникло позже второго и постепенно начало представлять собой институализированную структуру», второе же (народное), в свою очередь, стало выражать «изначальный субстрат» [3, с. 57]. Поворот же к индустриальности с очевидностью являет нам то обстоятельство, что «государство возникает отнюдь не только на основе этноса, оно имеет другую природу и склонно к использованию всего, до чего оно может дотянуться в своих собственных интересах» [3, с. 57], и, как следствие, преобразует поселения аграрного типа под нужды «новой реальности». Таким образом, различающее противопоставление села и города является следствием модернизации экономики и переходом от цивилизации Первой волны к цивилизации Второй волны.

Во Вторую волну город занимает ведущее положение среди способов размещения людей в пространстве. Он выходит на передовые позиции в ходе этапа индустриализации с ее основополагающими принципами: *стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации и централизации* [4, 5]. Село же, являясь продуктом Первой волны и аграрной цивилизации, закономерно начинает отставать от ритма мировой истории. В то время, когда города испытали на себе действие принципа *стандартизации* процессов производства и потребления, село сохранило свою самобытность и неповторимость. В аграрной сфере преоблада-

ющее значение все еще имело «местное знание», учитывающее нюансы ведения хозяйства в конкретной местности: особенности почвы, погодноклиматические условия, специфику флоры и фауны. В селах отсутствовала строгая *специализация* и *стандартизация* видов деятельности – каждый житель был «мастером на все руки» и в своей прикладной деятельности руководствовался синкретичным и традиционным местным знанием. Наряду с этим для него поле было не столько пространством, отмеченным на карте как место выращивания монокультуры, сколько источником сопутствующих благ: соломы, дико произрастающих грибов, ягод [6, с. 76].

Село не коснулось и принцип *синхронизации*, который был свойствен для города с его работающей в слаженном графике «с девяти до пяти» промышленностью. Время, отмеряемое механическими часами, практически бесполезно в сельской местности. Возделывание природы требует не механистической точности, а умения подстраиваться под природные ритмы. Природа является мерой жизненной необходимости, определяющей уместность и своевременность действия. Индустриальный город, напротив, «живёт» в едином ритме с фабриками и заводами – производится в качестве среды их функционирования. Смена времен года перестает играть для него определяющую роль, так как на первый план выходит социальный запрос. Наряду с этим для функционирования промышленности необходима концентрация ресурсов и людей в одном месте – в городе, который становится подлинным центром жизни цивилизации. На этапе Второй волны город из «большой деревни» превращается в особое спроектированное существо: с железобетонными высотками, магистралями, метрополитеном, искусственными насаждениями и духом городской жизни. Село же остается наследием аграрной цивилизации, законсервированным во времени осколком, и именно поэтому в период индустриальной цивилизации возникают проекты его модернизации под требования нового времени.

Обращаясь к советскому опыту, укажем на проекты 30-х гг. XX в. по трансформации села и превращении его в передовую и прогрессивную «сельскохозяйственную фабрику». Заменяя села и деревни колхозами и совхозами, советское государство учреждало сообщества, которые должны были «действовать как заво-

ды, выполняя государственные заказы по зерну и другим сельскохозяйственным продуктам» [6, с. 331]. Это был способ планомерного превращения отсталой и несвоевременной сельской местности с ее неподконтрольными в полной мере государству практиками ведения хозяйства в слаженный, унифицированный, специализированный и стандартизированный по городскому образцу механизм. В знаковом учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.) отмечалось, что значимую роль в сельском хозяйстве должно играть «не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы» [7, с. 298], а также, что этот путь ориентирован на построение светлого будущего, которое приведет к «уничтожению последних корней [sic!] капитализма в стране, к завершению победы социализма в сельском хозяйстве» [7, с. 314]. Оценивая произошедшие в стране изменения, И. В. Сталин отмечал, что Советский Союз «из страны темной, неграмотной и некультурной ... становится – страной грамотной и культурной» [8, с. 553]. На смену отсталому селу царской России приходит передовой советский «социалистический сектор сельского хозяйства» [7, с. 298]. В городах страны Советов фабрики производят машины, в селе «фабрики» производят хлеб. Цивилизация будущего представлялась полностью подконтрольным воле человека механизмом: природа обуздана обществом, нет места случаю и царит организующий и стандартизирующий всё порядок, установленный сверху, из центра.

Проекты Второй волны модернизации села были в равной степени и проектами его производства – переопределения уже имеющейся сущности. Села должны были, с одной стороны, вернуться в русло мировой истории – обогатиться передовыми достижениями науки и техники. С другой же – село надлежало *сделать* подконтрольным государству, прозрачным для руководящих структур и пригодным к целевому использованию. И пусть результаты этого преобразования и оказались отличными от запланированных, сама успешность перемены бесспорна. Промышленное общество, одержимое поиском пути для окончательной трансформации природного в искусственное, сельского – в городское и жаждущее полной победы модернистского проекта индустриального будущего, создало условия для глобальных перемены в жизни человечества. Наступила эпоха Третьей

волны, которая, по мнению Э. Тоффлера, должна породить новый вариант пространственного размещения людей: городская концентрация будет соседствовать с «рассеянием» по пригородам, возрастет «стремление к частной жизни» и возродится «привлекательность малых городов и деревенской жизни» [4, с. 334].

В российских условиях заданное Третьей волной переосмысление способов размещения человека в пространстве происходит в рамках проектов «поселений будущего»: техно- и экоселений, IT-деревень, наукоградов, «умных городов» etc. Подобные инициативы становятся возможными в силу того, что информационное общество трансформирует и дополняет основополагающие принципы цивилизации Второй волны. Так, *концентрация* людей в пространстве для выполнения *специализированных* социально значимых задач реализуется в проектах технопоселений и наукоградов. Например, г. Иннополис (Республика Татарстан) – «высокотехнологичный город будущего», основные объекты социальной инфраструктуры которого находятся в «шаговой доступности», а местные жители проживают преимущественно в многоквартирных домах [9]. Иннополис – это место концентрации IT-специалистов, а также пространство для апробации новых технологий: беспилотное такси, доставка еды роверами, дронопорт, мониторящий городскую среду, и т.д. [10]. Этот «умный» город насыщен технологиями и вписан в окружающую природную среду. Вместе с тем Иннополис, согласно своему замыслу, чужд «мегаполитизму». Топология «города будущего» предполагает всестороннюю обозримость из каждой точки, принадлежащей к данному связанному множеству. Данная установка видится родственной античному идеалу полиса-сообщества, пространственная граница которого определяется возможностью увидеть город целиком, а численность населения которого ограничена возможностью установления прямой связи между всеми совместно действующими лицами.

Цифровая и технологическая трансформация, являющаяся одной из примет наступления Третьей волны, порождает проекты переосмысления и переизобретения практик сельской и деревенской жизни. О процессе кажущейся деурбанизации – переселении людей из мегаполисов, говорит Б. Н. Миронов, отмечая, что «наметилось движение горожан в

сельскую местность <...> как фермеров, предпринимателей, деловых людей, желающих возродить и изменить деревню» [1, с. 860]. Пунктом назначения и обетованной землёй этого исхода становятся экоселения. Интересна позиция М. Я. Лемешева, предлагающего проект будущего российского села, состоящего из 100 деревянных частных домов, в каждом из которых проживает трёхпоколенная семья. Жители такого поселения, по мнению автора, должны быть заняты в сфере сельского хозяйства [11]. Отметим, что условием возможности кажущейся реставрации традиционного уклада является чрезвычайно развитие производительных сил общества – всепроникающая технологическая революция. В самом деле, если мышление Второй волны – просвещения и модерна, полагает общество фабрикой по целенаправленному преобразованию природы, то Третья волна производит *саму природу*.

Обращаясь к существующим в России «сёлам будущего» – экоселениям, констатируем, что они представляют собой населенные пункты численностью несколько десятков жителей, являющихся не единой соседской общиной, а союзом «отдельных семей (домохозяйств), экономически независимых друг от друга, с общей территорией проживания, соседской взаимопомощью и общей идеологией» [12, с. 68]. Каждое из экоселений обладает своей спецификой. Общей чертой, объединяющей их воедино, является претензия на альтернативу жизни в индустриальном городе. Так, в экоселениях реализуется возможность (вос)создать доцифровую коммуникативную среду, в которой долгое общение воспринимается, как и раньше, в качестве признака «социальной устойчивости, социализации, определенной стабильности» [13, с. 387] и противопоставляется нынешнему формату, ориентированному на удобство и доступность социальных сетей, делающих доминантными краткосрочные контакты и рецессивным долгое взаимодействие индивидов.

Заключение

Каждая из трех волн оказала существенное влияние на формы размещения человека в пространстве. В Первую волну возникают первые оседлые поселения – села и города – жители которых преимущественно заняты в сфере

сельского хозяйства. На этом этапе город и село являлись единым административно-территориальным образованием и не противопоставлялись друг другу в силу схожего хозяйственно-бытового уклад жизни.

Во Вторую волну город активно преобразуется в особое искусственное пространство, подчиненное нуждам индустриального сектора, что, с одной стороны, вывело его на передовые позиции, а с другой – заложило основы для существенного отделения от села. «Сердцем» города становится промышленное предприятие, ради обеспечения нужд которого преобразуется вся инфраструктура и выстраивается особый режим жизни населения. Город функционирует как единый механизм, село же живет в природных ритмах.

Третья волна привносит новые веяния в практики пространственного размещения человека. Наряду с высокотехнологичными «умными» городами, создающими полностью искусственную среду, возникают «традиционные» села, ориентированные на создание природы, пригодной для установления гармонии с человеком. Эти типы населенных пунктов, хоть и отсылают к селам Первой и городам Второй волны, сущностно ими не являются, так как пронизаны информационными технологиями, диктующими особый образ жизни населения и, как следствие, задающими специфику пространственного размещения людей.

Список литературы

1. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
2. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с.
3. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML
4. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
5. Антипова Е. А. Музей как социальный феномен: структура и динамика. Саратов : Саратовский источник, 2022. 195 с.
6. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.
7. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б), одобрен ЦК ВКП(б). М. : Изд-во «Правда», 1938. 352 с.
8. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 655 с.
9. Ишкинева Ф. Ф., Озерова К. А., Ишкинева Г. Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 143–157. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.719>
10. О городе // Иннополис : [сайт]. URL: <https://innopolis.ru/ru/city> (дата обращения: 11.06.2025).
11. Лемешев М. Я. Образ будущего российского села // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 83–91.
12. Задорин И. В., Мальцева Д. В., Хомякова А. П., Шубина Л. В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осозанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64–77.
13. Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

References

1. Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From tradition to modernity : in 3 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014. 896 p. (in Russian).
2. Kuza A. V. *Malye goroda Drevney Rusi* [Small towns of Ancient Rus']. Moscow, Nauka, 1989. 168 p. (in Russian).
3. Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryzanov A. V. The state and ethnic identity: Confrontation or alliance? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML
4. Toffler A. *The Third Wave*. New York, Morrow, 1980. 544 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, 1999. 784 p.)
5. Antipova E. A. *Muzey kak sotsial'nyy fenomen: struktura i dinamika* [Museum as a social phenomenon: Structure and dynamics]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2022. 195 p. (in Russian).
6. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, London, Yale University Press, 1998. 464 p. (Russ. ed.: Moscow, Universitetskaya kniga, 2005. 576 p.)

7. *Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs*. Pod red. komissii TsK VKP(b), odobren TsK VKP(b) [The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. Ed. by the Commission of the Central Committee of the CPSU(b), approved by the Central Committee of the CPSU(b)]. Moscow, Pravda, 1938. 352 p. (in Russian).
8. Stalin I. V. *Voprosy leninizma*. Izd. 10-e [Questions of Leninism. 10th ed.]. Moscow, Partizdat TsK VKP(b), 1935. 655 p. (in Russian).
9. Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F. The image of the "Smart City" Innopolis: Concepts and everyday life. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 143–157 (in Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.719>
10. About the city. *Innopolis*. Site. Available at: <https://innopolis.ru/ru/city> (accessed June 11, 2025) (in Russian).
11. Lemeshev M. Ya. The image of the future Russian village. *Economics of Contemporary Russia*, 2015, no. 4 (71), pp. 83–91 (in Russian). EDN: VBNTZP
12. Zadorin I. V., Mal'tseva D. V., Homyakova A. P., Shubina L. V. Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal emigration or deliberate transfer to the future. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 2014, no. 2, pp. 64–77 (in Russian).
13. Listvina E. V. Modern socio-cultural communications: transformations in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

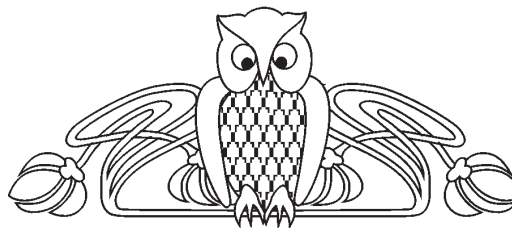
Поступила в редакцию 14.06.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 14.06.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 127–130
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 127–130
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-127-130>, EDN: FMAYMW

Научная статья
УДК 001:1

Трансдисциплинарный подход в процессе научных революций

Ю. В. Пасхальская

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Россия, 660037, Красноярский край, г. Красноярск, пр. им. газ. «Красноярский рабочий», д. 31

Пасхальская Юлия Валерьевна, ассистент кафедры рекламы и культурологии, lost2338@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9178-6218>, SPIN-код: 7982-9170

Аннотация. Введение. Выдвигается гипотеза о том, что в дополнение к научным революциям, описанным Т. Куном, в настоящее время происходят трансдисциплинарные научные революции, детерминированные сменой когнитивных стратегий и трансформацией коммуникативных практик. Они происходят незаметно, зачастую одновременно в разных областях науки. **Теоретический анализ.** Суть «беззвучных» революций заключается в том, что новый стиль мыслительной деятельности и новая конфигурация дискурсивных практик активно распространяются в поле науки и культуры за счёт выработки особых стратегий мышления, которые допускают синтез ранее разрозненных исследований и форм интеллектуальной активности в некое интегральное единство. Образ «постнормальности» как эмпирического феномена требует признания того, что смешение фактов и ценностей происходит в сфере научных исследований независимо от осознанности участников данного процесса. Меняются формы когнитивной деятельности, неразрывно встроенные в повседневность цифрового общества, ориентированного на трансдисциплинарность. **Заключение.** Исследования науки и технологий показывают, что наука является культурной и встроена в социальные практики. Переход к «постнормальности» приводит к созданию принципиально иных эвристических стратегий и ментальных конструкций и, соответственно, иных типов научных утверждений.

Ключевые слова: эвристическая стратегия, научные революции, социальная философия, трансдисциплинарность

Для цитирования: Пасхальская Ю. В. Трансдисциплинарный подход в процессе научных революций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 127–130. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-127-130>, EDN: FMAYMW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transdisciplinary approach in the process of scientific revolutions

Yu. V. Paskhalskaya

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, 31 pr. im. gas. "Krasnoyarskiy rabochiy", Krasnoyarsk 660037, Russia

Yu. V. Paskhalskaya, lost2338@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9178-6218>, Article, SPIN-code: 7982-9170

Abstract. Introduction. This article puts forward a hypothesis that, in addition to the scientific revolutions described by T. Kuhn, there are transdisciplinary scientific revolutions currently taking place, determined by a change in cognitive strategies and the transformation of communicative practices. They occur unnoticed, often simultaneously in different fields of science. **Theoretical analysis.** The essence of "silent" revolutions is that a new style of mental activity and a new configuration of discursive practices are actively spreading in the field of science and culture due to the development of special thinking strategies that allow the synthesis of previously disparate studies and forms of intellectual activity into a certain integral unity. The image of "postnormality" as an empirical phenomenon requires recognition that the mixing of facts and values occurs in the field of scientific research regardless of the awareness of the participants in this process. The forms of a cognitive activity that are inextricably embedded in the everyday life of a digital society oriented toward transdisciplinarity are changing. **Conclusion.** Studies in science and technologies show that science is cultural and embedded in social practices. The transition to "postnormality" leads to the creation of fundamentally different heuristic strategies and mental constructs, and, accordingly, to different types of scientific statements.

Keywords: heuristic strategy, scientific revolutions, social philosophy, transdisciplinarity

For citation: Paskhalskaya Yu. V. Transdisciplinary approach in the process of scientific revolutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 127–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-127-130>, EDN: FMAYMW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что социальная динамика постнормальной эпохи характеризуется высокой степенью неопределенности фактической информации, а также тенденциями к оспариванию легитимности и достоверности данных. В этом контексте процессы принятия решений зачастую сопровождаются неоднозначностью и множественностью возможных интерпретаций. В настоящее время феномен трансдисциплинарности активно изучается с помощью анализа развития эпистемологической роли науки и распространения научного знания, ориентированного на вовлечение широкой аудитории в прагматический контекст исследований. Цель исследования заключается в выявлении роли и значения трансдисциплинарного подхода в процессе осуществления научных революций, определении перспектив и механизмов его использования в процессе преодоления кризисных явлений современной науки, выражающихся в воспроизводстве псевдонаучных и околонаучных идей. В этом случае необходимо определить перспективы развития трансдисциплинарной методологии как важного фактора успеха научных исследований в эпоху динамичных революционных преобразований в науке.

Теоретический анализ

Предметный анализ компонентов трансдисциплинарного знания закономерно обуславливает необходимость рассмотрения проблемы демаркации научного знания, а также его дифференциации от иных форм знания, обобщенно определяемых как «социальное знание». Интенсивное взаимодействие научного и социального знания приводит к формированию специфической междисциплинарной области в науке [1]. Постиндустриальные теории, концептуализирующие позднесовременные общества как общества знания, последовательно акцентируют роль науки как ключевого института, осуществляющего производство знания в современной общественной системе [2]. Однако этот социальный институт тесно связан с обществом в целом, оказывая влияние на сферу управления за счет формирования научно обоснованной базы решений для политических элит, а также на уровень повседневной жизни, где наука значительно меняет и структурирует

бытовую сферу жизни человека. Вместе с тем связи между наукой и обществом не исчерпываются лишь институциональными структурами. Их основу составляют также и неформальные, широкие социальные сети, способствующие обмену знаниями и распространению научных идей в социуме [3]. И. Т. Касавин рассматривал данный аспект, связанный с социальной детерминацией многообразия предметов научных исследований. По его мнению, сегодня «возникает возможность понять теоретическую науку как универсальный культурный синтез и социокультурный проект» [3, 4]. В таком случае эволюция научного знания непрерывно связана с течением социальной динамики, что интерпретируется как всеобщий вектор развития человечества. Н. В. Гришечкина и В. Б. Устьянцев рассматривают проблему стремления к интеграции разных областей современной науки как «форму социального консенсуса» [5], что способствует усилению трансдисциплинарности научного знания, объединяя науку и ежедневный бытовой контекст сетевого общества.

К концу второго десятилетия XXI в. представления о предмете социальной философии приобретают более детализированный и конкретизированный характер. А. В. Павлов выдвигает тезис о валюативности социальной философии, подчёркивая её способность к формированию оценочных суждений на основе анализа объективной социальной логики и учёта значимости человеческого измерения в социальной реальности [6]. В таком контексте трансдисциплинарность выступает уже как самостоятельная социальная проблема, её анализ всегда оказывается зависящим от конкретных нормативных предпосылок и эмпирических примеров. Согласно позиции И. Н. Сиземской, специфическим содержанием социальной философии становится «социальная эпистемология, отвечающая на вопрос о возможностях и способах адекватного понимания социальной реальности» [7, с. 123]. Г. Г. Небратенко и А. Н. Бурлуцкий анализируют явления, происходящие в социальной философии как связанные с четвертой промышленной революцией, отмечая её трансформационное влияние на механизмы производства, распространение и дистрибуцию социального и научного знания [8]. В. А. Бажанов и А. Г. Краева подчеркивают, что по своей природе трансдисциплинарность открыта и представляет собой динамическое трансформирующееся явление [9].

Обсуждение проблемы

В связи с недавним осмыслением феномена трансдисциплинарности сегодня особенно важно понять, относится ли данное явление исключительно к неклассической или постнеклассической науке. Для оценки явления необходимо прежде всего уточнить сами понятия «нормальная наука», «научная парадигма» и «трансдисциплинарность», а также установить, чем они принципиально отличаются.

Нормальную науку Т. Кун определяет как исследования, опирающиеся на одно или несколько прошлых научных достижений [10]. В период «нормальной науки» господствует одна научная парадигма, которая позволяет решать задачи определенным научным методом, находясь на пути к «положительной эвристике». Положительные эвристики предполагают доступность (использование научной информации, которая легко вспоминается, для принятия решений), репрезентативность (суждение о вероятности явления по его сходству с типичным представителем категории). Например, если новая теория напоминает уже подтвержденную, учёный может предположить её правильность и определенный научный метод.

Совокупность фундаментальных теоретических положений, принципов и концепций, которые являются неприкосновенными и основополагающими в рамках данной научной парадигмы, является «ядром науки». Это те идеи, которые ученые считают самыми важными и непреложными, и их изменение или оспаривание обычно требует революционного сдвига в научной картине мира. Любой кризис в науке начинается с сомнения в действующей парадигме. На этом этапе термины «революция» и «экстраординарная наука» становятся практически тождественными. Несмотря на наличие обширной литературы в области исследований науки и технологий, которая освещает науку как процесс и культуру, а также как совместное производство знаний с участием общественности и политических структур, отмечается, что указанные идеи зачастую остаются неизвестными ученым, руководящим исследовательскими проектами. Например, культурологи и историки науки изучают, как новые научные парадигмы влияют на общественное сознание, философские концепты и социальные практики. Исследователи, такие как Бруно Латур (акторно-

сетевая теория), указывают на необходимость учета как научных, так и социальных акторов в формировании знаний, что тесно связано с трансдисциплинарным мышлением. Нормативная точка зрения на постнормальную науку последнего десятилетия расширяет границы традиционной науки и уделяет больше внимания актуальности, чем истине.

Научные революции по Томасу Куну, с точки зрения их восприятия, выглядят «громко»: концептуальные основы устоявшихся дисциплин рушатся, уходят в сторону «отрицательной эвристики», в итоге возникают новые фундаментальные теории. В отличие от научных, трансдисциплинарные революции являются «беззвучными» и практически не замечаются научным сообществом и сообществом вне официальной науки. Такая беззвучная революция строится постепенно на выходах за пределы «ядра науки» во многих областях одновременно, например, в социологии и культурологии, когда результаты исследований нужны сразу «здесь и сейчас». Тогда из вкраплений «быстрых» фрагментарных результатов выявляется картина «преднаучной революции». Таким образом, парадигмальное разнообразие не является аномальным течением событий в процессе научных революций.

Заключение

Проблема восприятия научных и околонаучных идей является междисциплинарной и достаточно проработанной в отдельных направлениях – психологическом, социологическом, философском и коммуникационном. В результате данного процесса границы науки становятся менее четкими. Вместе с тем остаются нерешёнными вопросы интеграции этих подходов и разработки комплексных моделей, описывающих динамику формирования научных и околонаучных убеждений в современном обществе. Однако процессы, посредством которых производятся основанные на опыте знания, обычно не имеют систематических, формализующих методологий, требующихся для производства научных знаний [11]. Следовательно, эти знания не вписываются в рамки формальных, авторизованных знаний, на которых основано управление политикой. В рамках данной парадигмы исследования выступают в качестве пространства для представ-

ления доказательств и взаимного обучения, где допускается интеграция различных типов знаний и методов познания, что обеспечивает конструктивный выход из кризисов.

Список литературы

1. Морозова О. Ю. Экономика знаний в обществе знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 29–37. EDN: BBFMOZ
2. Кульжанова Г. Т. Социально-философский подход к концептуализации общества знания // Chronos. Общественные науки. 2021. Т. 6, № 2 (22). С. 41–45. <https://doi.org/10.52013/2712-9705-22-2-9>, EDN: XMEEEH
3. Касавин И. Т. Социальная философия науки: идея и проект // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 42, № 4. С. 5–19. EDN: TEZBOL
4. Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17. <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
5. Гришечкина Н. В., Устьянцев В. Б. Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA
6. Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 149–172. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-149-172>
7. Сиземская И. Н. О предмете социальной философии // Философские науки. 2018. № 6. С. 123–127. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-6-123-127>
8. Небратенко Г. Г., Бурлуцкий А. Н. Четвертая промышленная революция как предмет социальной философии: критический анализ // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 116–121. EDN: ZUDLBF
9. Бажанов В. А., Краева А. Г. Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2. С. 91–107. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.1>
10. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
11. Nogueira L. A., Bjørkan M., Dale B. Conducting research in a post-normal paradigm: Practical guidance for applying co-production of knowledge // *Frontiers in Environmental Science*. 2021. Vol. 9. Art. 699397. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2021.699397>

References

1. Morozova O. Yu. Knowledge economy in a knowledge society. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2 (52), pp. 29–37 (in Russian). EDN: BBFMOZ
2. Kulzhanova G. T. Socio-philosophical approach to the conceptualization of the knowledge society. *Chronos. Social Sciences*, 2021, vol. 6, no. 2 (22), pp. 41–45 (in Russian). <https://doi.org/10.52013/2712-9705-22-2-9>, EDN: XMEEEH
3. Kasavin I. T. A social philosophy of science: Idea and project. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 5–19 (in Russian). EDN: TEZBOL
4. Kasavin I. T. Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
5. Grishechkina N. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 133–136 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA
6. Pavlov A. V. The parallaxes of the fox: Towards definition of the subject and status of social philosophy. *Russian Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 149–172 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-149-172>
7. Sizemskaya I. N. On the subject of social philosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2018, no. 6, pp. 123–127 (in Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-6-123-127>
8. Nebratenko G. G., Burluckiy A. N. The fourth industrial revolution as a subject of social Philosophy: A critical analysis. *Philosophy of Law*, 2020, no. 1 (92), pp. 116–121 (in Russian). EDN: ZUDLBF
9. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. The phenomenon of transdisciplinary cognitive revolution. *Liberal Arts in Russia*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 91–107 (in Russian). <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.1>
10. Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, University of Chicago Press, 1970. 196 p. (Russ. ed.: Moscow, Progress, 1975. 288 p.).
11. Nogueira L. A., Bjørkan M., Dale B. Conducting research in a post-normal paradigm: Practical guidance for applying co-production of knowledge. *Frontiers in Environmental Science*, 2021, vol. 9, art. 699397. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2021.699397>

Поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 131–134
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 131–134
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

Научная статья
УДК [316.722+316.75](47+57)

Социокультурные основания советского общества в контексте теории секуляризации

В. Р. Яковлева

Общecerковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

Яковлева Валерия Руслановна, аспирант, ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению социокультурных оснований советского общества сквозь призму современной теории секуляризации. Ставится задача избежать упрощенного, «черно-белого» и монистического взгляда на советское наследие. **Теоретический анализ.** В качестве теоретической основы применяется современная многомерная теория секуляризации, исследующая не исчезновение религии, а трансформацию роли «священного» в современных обществах. В рамках этого подхода выделяются два ключевых, функционально связанных, но генетически независимых основания советского общества: марксистская идеология, рассматриваемая как «трансцендентное» (трансцендирующее революционное действие), и русская высокая классическая культура как «священное». Советская идеология использовала культуру для легитимации и формирования «нового человека», однако культура в целом сохраняла автономию. Это различие объясняет, почему современная ностальгия направлена преимущественно на культурные формы, а не на идеологические доктрины. **Заключение.** Исследование выявляет двойственность советского наследия, подчеркивая независимость советской культуры от коммунистической идеологии. Такой дифференцированный подход позволяет сформировать более взвешенное отношение к советскому прошлому, отказавшись от идеологического монизма, и способствует продуктивному использованию лучших образцов советской культуры в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: советское общество, теория секуляризации, священное, трансцендентное, культура, идеология

Для цитирования: Яковлева В. Р. Социокультурные основания советского общества в контексте теории секуляризации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 131–134. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The socio-cultural foundations of Soviet society in the context of secularization theory

V. R. Yakovleva

Ss Cyril and Methodius Institute for Post-Graduate Studies, 4/2, bld. 1 Pyatnitskaya St., Moscow 115035, Russia

Valeria R. Yakovleva, ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

Abstract. Introduction. This article examines the socio-cultural foundations of Soviet society through the theoretical lens of modern secularization studies. Its central aim is to challenge reductive and monistic interpretations of the Soviet heritage. **Theoretical analysis.** The analysis employs a contemporary, multidimensional theory of secularization, which posits a transformation, rather than a mere decline, of the religion in modern societies. From this perspective, the study identifies two functionally interconnected, yet genetically distinct, foundational pillars of the Soviet project: Marxist ideology, conceptualized as a “transcendent” force driving revolutionary action, and Russian high classical culture, which served as a repository of the “sacred”. The argument demonstrates that while the regime instrumentalized classical culture for legitimation and social engineering, the cultural sphere maintained a significant degree of autonomy. **Conclusion.** The research reveals the duality of the Soviet heritage, emphasizing the independence of Soviet culture from communist ideology. Such a differentiated approach allows for a more balanced attitude towards the Soviet past, moving away from ideological monism, and facilitates the productive use of the best examples of Soviet culture in contemporary socio-cultural space.

Keywords: Soviet society, theory of secularization, the sacred, the transcendent, culture, ideology

For citation: Yakovleva V. R. The socio-cultural foundations of Soviet society in the context of secularization theory. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 131–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном российском обществе по мере развития массовой потребительской культуры, обуславливающей снижение значимости духовных ценностей, нарастает ностальгия по советской эпохе. Форма и содержание произведений советской культуры, многие праздничные традиции и ритуалы уже не получают пренебрежительного наименования «совок», а становятся привлекательными элементами социально-культурной жизни, особенно в рамках воспитательной работы с детьми и молодежью. Это переосмысление советского прошлого и его культурной ценности для настоящего во многом обусловлено тем, что в последние десятилетия не были предложены сопоставимые достижения в культурной жизни и экономическом развитии. Переоценка советского опыта коснулась также его идеологического содержания. Неоспоримые достижения СССР в науке, технике и культуре, его геополитический престиж используются в качестве довода в пользу истинности коммунистической идеологии. Так, в сборнике статей «Православный социализм» [1] авторы неоднократно ссылаются на примеры советского воспитания, этики самопожертвования, коллективизма и т.д. в качестве обоснования своего тезиса о сущностном сродстве христианства и коммунизма, при этом факты гонений на Русскую Православную церковь объясняются либо временным влиянием ленинизма, либо виной самой Церкви, не поддержавшей в 1917 году монархию.

Подобные попытки переоценки советского общества и его наследия рисуют черно-белую картину истории, предлагая непримиримые оппозиции (если не коммунизм, то капитализм), либо социокультурный монизм (советский коммунизм – это лишь одно из проявлений паттернов российской цивилизации). В этом отношении более взвешенным выглядит предлагаемый М. А. Шаткиным и М. О. Орловым подход, выделяющий несколько разных измерений историко-культурного наследия [2]. С точки зрения данного подхода следует, в частности, проводить различие между унаследованным от Советского Союза (например, социальная и материальная инфраструктура) и тем, что СССР мог оставить в качестве своего уникального «завещанного» (например, советская форма власти). Однако для использования данного

подхода необходимо выделять различные социокультурные основания советского общества, что позволило бы дифференцировать разные типы наследия этой эпохи.

С учетом того, что СССР был неразрывно связан с коммунистической идеологией, которая сегодня интерпретируется как претендующая на религиозное значение система ценностей [1], представляется оправданным рассмотреть социокультурные основания советского общества с точки зрения теории секуляризации, раскрывающей меняющуюся роль религиозных и квазирелигиозных феноменов в современном обществе.

Теоретический анализ

Особенностью текущего этапа развития теории секуляризации является отход от прежних линейных интерпретаций процесса снижения роли религии в обществе. Согласно последним, западные общества последовательно прошли путь от религиозных сообществ к секулярным и затем постсекулярным. Современные подходы рассматривают секуляризацию как многомерный и разнонаправленный процесс трансформации (а не снижения) роли религии (а точнее, священного) в разных сферах общества. Так, М. Burchardt [3] указывает, что классические теории секуляризации были сосредоточены на идеологических, политических и мировоззренческих аспектах, но при этом игнорировали материальные объекты и практики, которые обозначают и закрепляют границы между светским и религиозным. Автор подчеркивает, что интеграция религиозных объектов в культурное наследие сопровождается процессом их трансформации в «секулярное священное» [3, р. 374]. Н. Joas также обращает внимание на священное. В частности, он критикует Ч. Тейлора за то, что последний рассматривал секуляризацию исключительно в терминах снижения значения трансцендентного, и вместо этого, опираясь на идеи Э. Дюркгейма, предлагает фокусироваться на священном как основном содержательном элементе религиозного опыта [4, р. 151]. Blankholm [5] исследует парадокс светскости, заключающийся в том, что попытки утверждения атеистического мировоззрения неуклонно воспроизводят институциональные формы и ритуальные практики религиозных движений. Автор поднимает вопросы, требующие отдель-

ного социально-философского осмысления: где пролегает грань между универсальными социальными связями и теми, которые отражают специфику религиозного опыта? [5, р. 17, 59, 71].

На наш взгляд, поворот в современных исследованиях секуляризации в сторону воплощенного в материальных объектах священного (которое может быть как религиозным, так и светским) не означает отказа от рассмотрения идеологических и мировоззренческих аспектов данного феномена. Возможно, следующим этапом развития этой теории станет новый теоретический синтез, где трансформация как убеждений и взглядов, так и повседневных социо-материальных практик будет рассматриваться в их сложной взаимообуславливающей связи. Такой синтез позволит рассматривать различные явления, связанные, с одной стороны, с верой в трансцендентное и, с другой стороны, с религиозными и светскими ритуалами и священными объектами в релевантных их значению контекстах. Это, в свою очередь, поможет избежать смешения понятий и станет основой для определения точного статуса социокультурных явлений.

Применение подобной комплексной версии теории секуляризации к советскому обществу позволит избежать как крайностей, так и монистического взгляда на исследуемую эпоху через поиск какого-то единого социокультурного основания. Опираясь на работы S. E. Hanson [6] и К. Кларк [7], можно выделить два ключевых социокультурных основания советского общества. Во-первых, это марксистско-ленинская идея трансцендентного (не являющегося следствием эволюционного развития) и трансцендирующего (отрицающего текущее положение дел) революционного действия. В своей книге Hanson подробно анализирует, как разные поколения советской власти искали способ поддерживать революционное действие под контролем коммунистической партии, пока в период Перестройки к власти не пришли управленцы, питавшие надежду на то, что советский народ готов стать источником спонтанного преобразующего действия, если ему не будет мешать партия. Во-вторых, это высокая (классическая) русская культура, которая в 1930-е гг. вытеснила прежние попытки создания пролетарской культуры. Кларк показывает, как высокая культура, опирающаяся на романтические традиции и тесно связанная с

общеευропейскими тенденциями, заняла место «священного» в социокультурном пространстве советского общества [7, с. 177, 388 сл.].

Таким образом, советское общество имело два независимых по своему происхождению основания, которые, тем не менее, функционально были связаны между собой. Коммунистическая идеология использовала классическую русскую культуру в качестве собственной легитимации, а также в качестве инструмента формирования «нового советского человека», чьей отличительной характеристикой становился не революционный порыв, а общая «культурность». Русская культура приобрела широкие возможности для своей трансляции как внутри России, так и за рубежом, при этом сохраняя определенную автономию, несмотря на спорадические кампании властей против «формализма» и «авангардизма». Другими словами, высокая культура стала «священным», которое служило опорой для «трансцендентного», не будучи онтологически (в том числе генетически) связанным с ним. Соответственно, попытки рассмотрения советской идеологии как квазирелигиозного культа должны учитывать не только почитание живых и мертвых партийных вождей, но также священный статус культуры и квазижреческий статус советской творческой интеллигенции.

В то же время попытка советской власти присвоить себе русскую классическую культуру, в том числе через интерпретацию писателей, поэтов, художников, композиторов XIX века в качестве «предтеч» революционного движения и критиков царизма, привела к тому, что воспитание детей и молодежи на ценностном и эстетическом основании высокой культуры стало восприниматься в качестве «советского воспитания». Соответственно, достижения русской культуры советского периода также приобрели статус достижений советского строя, которые доказывали его правоту и преимущества. Сегодня неоспоримые факты создания в советскую эпоху общенациональной системы патриотического и культурного воспитания, которое транслировало традиционные духовные ценности самопожертвования, бескорыстного служения Родине, взаимопомощи, уважения и т.д., а также эстетические ценности классической культуры интерпретируются в качестве прямого результата действия коммунистической идеологии. Как следует из

вышесказанного, в этом выводе кроется ошибка смешения коммунистической идеологии и основанной на русской классической традиции советской культуры.

Применение теории секуляризации к советской и постсоветским эпохам помогает пролить новый свет на их социокультурную специфику. Исчезновение трансцендентного (коммунистической идеологии) не означало деструкции священного (советской культуры), которая имела отдельный от трансцендентного источник. Поэтому характерная для многих современных жителей России ностальгия по советской культуре не тождественна ностальгии по советской идеологии, в том числе ее атеистическим интенциям.

Заключение

Рассмотрение социокультурных оснований советского общества в контексте теории секуляризации позволяет выявить двойственный характер этих оснований и избежать необоснованного монизма. Отрицание коммунистической идеологии не означает отрицания советской культуры, а любовь к культурному наследию советского времени не равнозначна ностальгии по социалистической экономике. Обращаясь к упомянутой ранее концепции наследия [2], можно утверждать, что тем «завещанным» советской эпохи, которое мы имеем право и даже обязаны хранить, является сама практика о сохранении, распространении и развитии высокой русской культуры, основанной на вечных ценностях справедливости, гармонии, саморазвитии и т.д. В то же время коммунистическая идеология, которая не имела прямых генетических связей (в ту или иную сторону) с русской культурой, хотя и использовала последнюю в качестве инструмента своей легитимации, может быть отнесена к категории наследия как «последствия». Дифференциация этих двух измерений советского наследия может внести вклад в формирование более взвешенного отношения к советскому прошлому и более широкого использования лучших образцов советской культуры в современном российском обществе.

Поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 12.03.2026

Список литературы

1. Православный социализм / под ред. Н. В. Сомина. СПб. : Алетея, 2025. 486 с.
2. Шаткин М. А., Орлов М. О. Этнокультурная традиция как наследие: реконцептуализация в условиях современности // Россия и современный мир. 2024. № 4 (125). С. 190–204. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>, EDN: IIVBWI
3. Burchardt M. Material secularities // *Secular Studies*. 2025. Vol. 7, iss. 2. P. 371–376. <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10083>
4. Joas H. *Under the Spell of Freedom: Theory of Religion after Hegel and Nietzsche*. New York : Oxford University Press, 2024. 485 p.
5. Blankholm J. *The Secular Paradox: On the Religiosity of the Not Religious*. New York : NYU Press, 2022. 297 p.
6. Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1997. 257 p.
7. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.

References

1. Somin N. V., ed. *Pravoslavnyy sotsializm* [Orthodox socialism]. St. Petersburg, Aleteiya, 2025. 486 p. (in Russian).
2. Shatkin M. A., Orlov M. O. Ethnocultural tradition as heritage: The modern reconceptualization. *Russia and the Contemporary World*, 2024, no. 4 (125), pp. 190–204 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>, EDN: IIVBWI
3. Burchardt M. Material secularities. *Secular Studies*, 2025, vol. 7, iss. 2, pp. 371–376. <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10083>
4. Joas H. *Under the Spell of Freedom: Theory of Religion after Hegel and Nietzsche*. New York, Oxford University Press, 2024. 485 p.
5. Blankholm J. *The Secular Paradox: On the Religiosity of the Not Religious*. New York, NYU Press, 2022. 297 p.
6. Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1997. 257 p.
7. Clark K. *Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet culture, 1931–1941*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2011. 420 p. (Russ. ed.: Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 520 p.)

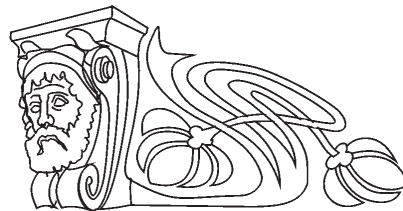

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 135–139
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 135–139
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

Научная статья
УДК 14(430)(09)+929Кант

Что «всеобщего» во «всеобщем законе»? Этика И. Канта как наследие андроцентристской традиции и основание справедливого сообщества

Т. А. Кострицкая

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Кострицкая Таиса Андреевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии, taisakostrikskaya@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Аннотация. Введение. И. Кант представляет собой в высшей степени актуального мыслителя, поэтому исследование его философии на предмет андроцентризма способно высветить основания этических противоречий, характерных и для современной эпохи. Цель исследования – определить в какой степени причастность андроцентристской традиции обусловила этику И. Канта и ответить на вопрос о том, может ли она все еще служить основанием универсальной рациональной теории справедливого общества.

Теоретический анализ. В результате анализа проявлений андроцентризма в обосновании и применении И. Кантом категорического императива было обнаружено, что философ воспроизводит раскол действительности на два мира, в результате которого конкретные человеческие взаимоотношения оказываются незначимыми для конституирования сообщества автономных индивидов. Иллюзия их автономии покоится на исключении из сообщества тех, от кого они зависят в своей жизнедеятельности. Однако это исключение, будучи сопряжено с логическими противоречиями, оказалось возможным потому, что императив необходимо заключает в себе имплицитный идеал общественного устройства. **Заключение.** Трансформация этого идеала необходима для развития этики должностования, изначально направленной на утверждение лучшей действительности, и достижения ею подлинной всеобщности.

Ключевые слова: категорический императив, андроцентризм, публичное, приватное, этика заботы, деонтология

Благодарности. Исследование выполнено при грантовой поддержке Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Факультет гуманитарных и социальных наук) в рамках инициативного проекта НИР «Идеологический капитал как новый “перформанс” идеологии в современном российском обществе» № 100941-0-000.

Для цитирования: Кострицкая Т. А. Что «всеобщего» во «всеобщем законе»? Этика И. Канта как наследие андроцентристской традиции и основание справедливого сообщества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 135–139. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

What is “universal” in the “universal law”? I. Kant’s ethics as a legacy of the androcentric tradition and the foundation of a just community

T. A. Kostrikskaya

Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Taisa A. Kostrikskaya, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Abstract. Introduction. I. Kant is a highly relevant thinker, therefore, a study of his philosophy on the subject of androcentrism is able to highlight the foundations of the modern era ethical contradictions. The purpose of the study is to find out to what extent the involvement of the androcentric tradition determined the ethics of I. Kant and to answer the question of whether it can still serve as the basis for a universal rational theory of a just society. **Theoretical analysis.** As a result of the analysis of the manifestations of androcentrism in the justification and application of the categorical imperative by Kant it has been discovered that the philosopher reproduces the split of reality into two worlds, as a result of which specific human relationships turn out to be insignificant for the constitution of a community of autonomous individuals. The illusion of their autonomy rests on the exclusion from the community of those on whom they depend for their lives. However, this exception, being fraught with logical contradictions, turned out to be possible because the imperative necessarily implies an implicit ideal of a social structure. **Conclusion.** The transformation of this ideal is necessary for the development of duty ethics, which is initially aimed at affirming a better reality and achieving its true universality. **Keywords:** categorical imperative, androcentrism, public, private, ethics of care, deontology

Acknowledgements: This research was supported by a grant from Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Faculty of Humanities and Social Sciences) as part of the funded R&D project "Ideological Capital as a New 'Performance' of Ideology in Modern Russian Society" No. 100941-0-000.

For citation: Kostritskaya T. A. What is "universal" in the "universal law"? I. Kant's ethics as a legacy of the androcentric tradition and the foundation of a just community. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 135–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Андроцентризм присутствует в философской традиции, в значительной степени определяя ее основания и служа препятствием на пути схватывания всеобщего, поэтому этика Канта, развиваемая в рамках этой традиции и кладущая в свое основание всеобщий закон, заслуживает особенного внимания с перспективы критики андроцентризма.

В настоящее время остается неразрешенным конфликт между релятивистскими и отстаиваемыми абстрактными принципами этическими концепциями [1], а также противостояние между «беспристрастной моралью» и этикой заботы (С. Gilligan, V. Held [2, 3]; апологию И. Канта в этом отношении можно найти в работах М. Baron, С. Stark, М. Bramer, S. Sedgwick [4–7] и др.). Обращение к концепции И. Канта, являющегося представителем морального универсализма, представляется особенно важным для преодоления противоречий, лежащих в основе этих дискуссий. Тем более, что андроцентризм и такие его проявления, как абстрагирование с идеализацией (О. О'Нил), лежат у истоков этих противоречий.

И. Кант является частью андроцентристской традиции, но в какой степени эта традиция обусловила видение им всеобщего закона и императива, предписывающего следование ему? Что остается от нравственного закона, если убрать все то, что укоренено в характерных особенностях андроцентристской идеологии? Подходит ли оставшееся для построения универсальной рациональной неандроцентристской этики? Ответы на эти вопросы и являются целью настоящего исследования. В основе его методологии лежит сопоставление обоснования и применения категорического императива И. Кантом с патриархатными кодами, определяющими специфику андроцентристской традиции¹.

¹ Для подробного анализа андроцентристской традиции с перспективы лежащих в ее основе патриархатных кодов см.: *Кострицкая Т. А.* Андроцентристские теории общества: социально-философская реконструкция : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2023. 254 с.

Теоретический анализ

В отношении категорического императива самыми важными для обозначенных вопросов представляются два аспекта: его обоснование и практическое применение самим И. Кантом.

Первое в целом укоренено в специфике андроцентристской традиции. В ее основе лежит патриархатная концепция рождения, присваивающая женскую способность рождения мужчинам. Она присутствует как в западной, так и в восточной мысли, но именно первой принадлежит главный инструмент ее рационального утверждения: раскол действительности на два мира, которым она обязана Платону. Мир совершенный и несовершенный, материальный, его копия, представляющую собой лишь видимость. Именно на эту традицию опирался Кант, конструируя разум как таковой посредством воссоздания дихотомии двух миров, в его версии: мира интеллигибельного и чувственно-воспринимаемого. Первый при этом определяется в основном негативно: законы разума являются таковыми, потому что доходят до сознания непосредственно, а не через органы чувств [8, с. 231]. Желания и стремления при этом являются частью чувственно-воспринимаемого мира: разум может вызывать желание, заставляющее следовать категорическому императиву [9, с. 242], но это односторонняя связь. Хорошие поступки, совершенные благодаря желанию, случайны и не имеют моральной ценности. Разум автономен именно потому, что не зависит от природы, представленной царством необходимости, в котором нет места свободе.

Хельга Варден отмечает, что в соответствии с видением Канта мы «развиваем, трансформируем и интегрируем нашу животную и человеческую природу посредством саморефлексии: мы учимся чувствовать, описывать и развивать наши эмоциональные переживания, а также рационально выбирать собственные цели в сочетании с этими переживаниями» [10, р. 390]. Действительно, «животная» часть человеческой природы в концепции Канта не изолирована и

не отделена от человеческой, но развивается в единстве с последней. Однако фундаментальность данного противопоставления отчасти предопределяет низкую оценку кантовской этикой межличностных взаимоотношений: не личный опыт человеческих отношений объединяет людей, а причастность к универсальному разуму каждого в отдельности.

Именно эта оценка является главным объектом критики И. Канта этикой заботы. Однако важно отметить, что этика Канта вполне допускает, как доказывает М. Вегнер [6], интерпретацию отношений между людьми как морально значимых (особенно это касается формулировки императива о человеке как цели). Тем не менее, в самом ее основании лежит безусловная ценность одной личности, а точнее, ее рационального «Я». Расколотый мир раскалывает и человека. Все то, что делает человеческое общество обществом, т.е. конкретные связи между людьми, не входит в интеллигибельный мир и не является частью основания морали. Это мораль «изолированного индивида», связанного с другими через общий тождественный интерес, а не живые человеческие отношения.

Границы практического применения нравственного закона наглядно демонстрирует сам И. Кант. Несмотря на то, что в упоминаемом выше противостоянии философ представляет сторону «беспристрастной морали», он показывает отсутствие беспристрастности, когда в духе самого банального андроцентризма мыслит человечество как совокупность мужчин. Одним из самых поверхностных свидетельств тому является определение человека как «гражданина мира» [11, с. 139] с одновременным исключением женщин из граждан [12, с. 182]. Женщины исключены и должны подчиняться мужчинам, потому что не способны следовать «всеобщему» закону в силу склонностей. Сам Кант пишет о том, что некоторые женщины хотели бы быть мужчинами, потому что желают свободы (точнее, их «склонности» имели бы в этом случае больше свободы), но ни один мужчина не хотел бы быть женщиной [11, с. 345–346]. Эта непоследовательность очевидна и может говорить даже в пользу категорического императива при условии признания ее как таковой. Не удивительно, что именно в этом русле развивалась аргументация сторонниц и сторонников всеобщих гражданских прав (Олимпия де Гуж, Теодор Готтлиб фон Гиппель). Важным здесь является

скудное обоснование неравенства в форме двойных стандартов, которому категорический императив никак не воспрепятствовал потому, что не определяет содержание «всеобщего» и «человечества».

Однако в свете исследований договорных оснований современного либерального общества [13] вышеописанное предстает куда большим, нежели предвзятостью. Т. Сан указывает на то, что одной из главных претензий этики заботы к кантовской деонтологии является слишком большое значение, придаваемое разуму и *единству* в сравнении с социальным и эмоциональным компонентами морали [14, р. 1203]. Единство является крайне значимым для патриархатной публичной сферы, которая образует сообщество, господствующее над теми, кто из него исключен. От успеха процесса исключения зависит благосостояние всего гражданского «братства». Ложь плоха не просто потому, что вредит доверию, но потому, что без доверия невозможно единство, являющееся основой сообщества граждан. Для Канта как для договорного теоретика утрата единства и доверия среди граждан недопустима, поэтому его собственное применение категорического императива абсолютно последовательно. Исключенные же, будучи разобщены и заключены в приватные сферы граждан, никак не заинтересованы в единстве этого сообщества, поэтому они не будут следовать «всеобщему» закону гражданского братства.

Конечно, И. Кант сохраняет противоречие «сексуального договора» (К. Пейтмэн), характерное для всех договорных теоретиков, а именно логическое противоречие между утверждением о том, что женщины лишены способностей, необходимых для заключения договоров, но при этом могут заключать брачный договор. Тем самым одновременно признается и отрицается то, что женщины являются личностями [13, р. 168]. Это говорит в пользу категорического императива, который обнаруживает построения самого Канта как противоречащие его морали.

Тем не менее, критерий логического противоречия оставляет весьма большой разброс в отношении конкретного поступка. Т. Сан [14, р. 1204] приводит пример врача, вынужденного принимать решения за пациента, который не может сделать это самостоятельно, указывая на то, что этика заботы в этой ситуации призывает

ет обратить внимание на окружение пациента и его психологическое состояние. Последнее вполне соответствует и логике категорического императива, однако отношение, не учитывающее ни того, ни другого, тоже может ей соответствовать, не порождая при этом логических противоречий.

Критика этики заботы обращает внимание на то, что акцент кантианской этики на нейтральности может привести к игнорированию дискриминации исторически исключенных из моральной теории групп. Однако в данном отношении, как показывает О. О'Neill, проблема заключается в отсутствии подлинной нейтральности, которая подменяется абстрагированием с идеализацией [1, р. 446], когда под индивидами мыслятся, скажем, автономные «граждане мира», а не все люди. Прочтение Канта без такого абстрагирования и обнаруживает противоречие сексуального договора в его теории.

Вышесказанное говорит о том, что всеобщий закон все еще может служить направляющим лучом для моральной теории. Однако сам по себе он недостаточен для понимания того, что представляет собой «всеобщее»: императив всегда действует в совокупности с имплицитными представлениями о том, каким должно быть общество.

Категорический императив вовсе не исключает значимость любви и сострадания: ничто не мешает поставить их на место «братского» договора, сохранив при этом критерий согласованности, хотя и не в форме единства. Так, можно признать любовь и сострадание универсальными ценностями, поскольку те, кто их не разделяют, вредны для сообщества, основанного на межличностных связях, а не иерархии. В этом случае поступать нужно будет так, как было бы нормой поступать именно в такого рода обществе. И в этом случае имело бы место раскрытие всех достоинств этики должностования: этики, которая требует действия, направленного на утверждение лучшей действительности. Всеобщее в таком случае оказывается не тождественным у всех граждан разумом, но тем, что соединяет всех воедино, в единое сообщество. Сообщество, в которое оказываются включены даже те, кто не разделяют универсальных ценностей, поскольку это не является основанием для лишения «мирового» гражданства.

Разум вовсе не должен быть отделен от чувственно-воспринимаемого мира, различные типы рациональности возможны именно потому, что такое разделение неосуществимо. Однако это не означает, что вместе с тем он не может заключать в себе универсальные черты, в конце концов факт человеческой взаимозависимости также универсален, в отличие от кажущейся автономии идеализированного индивида. А то что исключение Кантом из граждан женщин противоречит его же императиву, говорит о том, что ориентация на всеобщее действительно может служить ориентиром этической теории, включающей всех на одних и тех же основаниях.

Заключение

Таким образом, вызванные андроцентризмом черты категорического императива, хотя и укоренены в самых основаниях философии И. Канта, вовсе не являются настолько непреодолимыми, насколько это может показаться с перспективы этики заботы. Императив сам по себе не исключает эмоциональные привязанности, заботу и сострадание и потому, будучи поставлен на отличной от оригинальной почве, может послужить основанием подлинно универсальной этики, направленной на утверждение лучшего общества.

Список литературы

1. O'Neill O. Justice, gender and international boundaries // *British Journal of Political Science*. 1990. Vol. 2, iss. 4. P. 439–459. <https://doi.org/10.1017/S0007123400005937>
2. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2003. 184 p.
3. Held V. The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. New York : Oxford University Press, 2006. 211 p.
4. Baron M. Kantian ethics almost without apology. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1995. 264 p.
5. Stark C. Decision procedures, standards of rightness, and impartiality // *Noûs*. 1997. Vol. 31, № 4. P. 478–495. URL: <https://www.jstor.org/stable/2216169>
6. Bramer M. The importance of personal relationships in Kantian moral theory: A reply to care Ethics // *Hypatia*. 2010. Vol. 25, iss. 1. P. 121–139. <https://doi.org/10.1111/J.1527-2001.2009.01087.X>
7. Sedgwick S. Can Kant's Ethics survive the feminist critique? // *Feminist Interpretations of Immanuel Kant* / ed. by R. M. Schott. University Park : Pennsylvania State University Press, 1997. P. 77–100.

8. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. Основоположения метафизики нравов. М. : ЧОРО, 1994. 629 с.
9. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
10. Varden H. Kant on universality and accommodating differences (religious, racial, sexual, gendered) // *The Kantian Mind* / ed. by S. Baiasu, M. Timmons. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2024. P. 387–397.
11. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. С. 349–587.
12. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М. : ЧОРО, 1994. С. 158–204.
13. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
14. Sun T. Feminist ethics: Reinterpreting Kantian deontology through gender perspectives // *International Journal of Religion*. 2024. Vol. 5, № 10. P. 5199–5210. <https://doi.org/10.61707/0j319h23>
5. Stark C. Decision procedures, standards of rightness, and impartiality. *Nous*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 478–495. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2216169>
6. Bramer M. The importance of personal relationships in Kantian moral theory: A reply to care Ethics. *Hypatia*, 2010, vol. 25, iss. 1, pp. 121–139. <https://doi.org/10.1111/J.1527-2001.2009.01087.X>
7. Sedgwick S. Can Kant's Ethics survive the feminist critique? In: Schott R. M., ed. *Feminist Interpretations of Immanuel Kant*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1997, pp. 77–100.
8. Кант И. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 4. Osnovopolozheniya metafiziki npravov* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 4. Fundamentals of Moral Metaphysics]. Moscow, ChORO, 1994. 629 p. (in Russian).
9. Кант И. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 3. Kritika chistogo razuma* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason]. Moscow, ChORO, 1994. 741 p. (in Russian).
10. Varden H. Kant on universality and accommodating differences (religious, racial, sexual, gendered). In: Baiasu S., Timmons M., eds. *The Kantian Mind*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2024, pp. 387–397.
11. Кант И. Anthropology from a pragmatic point of view. In: *Soch. v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl', 1966, vol. 6, pp. 349–587 (in Russian).
12. Кант И. On the Common Saying: That May Be True in Theory, but It Is of No Use in Practice. In: *Sobr. soch.: v 8 t. T. 8* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 8]. Moscow, ChORO, 1994, pp. 158–204 (in Russian).
13. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford, Stanford University Press, 1988. 264 p.
14. Sun T. Feminist ethics: Reinterpreting Kantian deontology through gender perspectives. *International Journal of Religion*, 2024, vol. 5, no. 10, pp. 5199–5210. <https://doi.org/10.61707/0j319h23>

References

Поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
 The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 140–145

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 140–145

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-140-145>, EDN: IFIWDO

Научная статья

УДК 792.8:[1: 316]

Коммуникативное содержание хореографии как единство социального и экзистенциального

Е. М. Сердешнов, О. М. Ломако ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сердешнов Евгений Михайлович, соискатель кафедры теоретической и социальной философии, serdeshnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0048-3684>

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Аннотация. Введение. Исследуется хореография как многомерный феномен, синтезирующий социальные и экзистенциальные аспекты человеческого бытия. Рассматривается танец не только как последовательность движений, но и как сложный коммуникативный акт, соединяющий индивидуальное самовыражение с коллективным опытом. **Теоретический анализ.** Социальное измерение хореографии анализируется через призму передачи культурных кодов, ритуалов и формирования групповой идентичности. Параллельно исследуется экзистенциальная составляющая танца, где акцент делается на проблемах аутентичности, свободы выбора и телесного бытия в мире. Методологическую основу работы составляют концепции экзистенциализма (Хайдеггер, Сартр) и теории коммуникации (Хабермас). Дополнительно в анализ включены концепция культурного капитала Бурдьё и материалистическая концепция Маркса, в контексте которой хореография является продуктом доминирующих экономических условий. **Эмпирический анализ.** Социально-философское осмысление хореографии предлагает новый взгляд на танец как интегральный антропологический опыт в его единстве социальных и телесных практик. Особое внимание уделяется диалектике взаимодействия между индивидуальным и коллективным началом в танцевальной практике. **Заключение.** Делается вывод о том, что хореография выступает уникальным коммуникативным пространством, где личное экзистенциальное переживание обретает социальную значимость, а коллективные формы наполняются индивидуальным содержанием.

Ключевые слова: хореография, экзистенциальная философия, социальная коммуникация, телесность, танец и общество, аутентичность, свобода выбора, коллективная идентичность, философия движения, культурные коды

Для цитирования: Сердешнов Е. М., Ломако О. М. Коммуникативное содержание хореографии как единство социального и экзистенциального // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 140–145. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-140-145>, EDN: IFIWDO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The communicative essence of choreography as a unity of social and existential dimensions

E. M. Serdeshnov, O. M. Lomako ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeny M. Serdeshnov, serdeshnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0048-3684>

Olga M. Lomako, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Abstract. Introduction. The article explores choreography as a multidimensional phenomenon that synthesizes the social and existential aspects of human existence. The authors view dance not merely as a sequence of movements but as a complex communicative act that connects individual self-expression with collective experience. **Theoretical analysis.** The social dimension of choreography is analyzed through the lens of transmitting cultural codes, rituals, and the formation of group identity. Simultaneously, the existential component of dance is examined, with emphasis on issues of authenticity, freedom of choice, and bodily being in the world. The methodological foundation of the work is based on the concepts of existentialism (Heidegger, Sartre) and communication theory (Habermas). Additionally, the analysis incorporates Bourdieu's concept of cultural capital and Marx's materialist concept, in the context of which choreography is seen as a product of dominant economic conditions. **Empirical analysis.** The socio-philosophical understanding of choreography offers a new perspective on dance as an integral anthropological experience in the unity of its social and bodily practices. Particular attention is paid to the dialectics of interaction between the individual

and collective elements in dance practice. **Conclusion.** The conclusion is drawn that choreography serves as a unique communicative space where personal existential experience gains social significance, and collective forms are filled with individual content.

Keywords: choreography, existential philosophy, social communication, corporeality, dance and society, authenticity, freedom of choice, collective identity, philosophy of movement, cultural codes

For citation: Serdeshnov E. M., Lomako O. M. The communicative essence of choreography as a unity of social and existential dimensions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 140–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-140-145>, EDN: IFIWDO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Хореография как искусство тела и движения представляет собой не просто последовательность выполнения определённых па или поз, но глубокий коммуникативный процесс, объединяющий социальные взаимодействия и экзистенциальные переживания. В ракурсе социальной философии коммуникативное содержание хореографии можно рассматривать как механизм, через который индивид (танцовщик) выражает свою сущность в контексте коллективного бытия. Социальный аспект подразумевает передачу культурных норм, ритуалов и символов, создавая рамки для коллективной идентичности и солидарности. Экзистенциальный аспект, напротив, фокусируется на индивидуальном существовании, мире тела и бытии в мире, акцентируя внимание на аутентичности и личном выборе в условиях неопределённости.

Рассмотрим, как хореография служит единством этих двух измерений, опираясь на философские традиции экзистенциализма (Хайдеггер, Сартр), теорий коммуникации (Хабермас, Бурдьё) и феноменологии (Мерло-Понти). Единица анализа – танец как невербальный язык, где тело становится медиатором между социумом и индивидом.

Коммуникативное содержание хореографии раскрывается через призму диалектики: социальное не подавляет экзистенцию, а обогащает её, позволяя индивиду воплотить себя в коллективе. Это единство актуально в эпоху виртуальной коммуникации, где танец напоминает о телесной природе бытия.

Теоретический анализ

Социальное измерение хореографии

В рамках социальной философии хореография может рассматриваться как механизм передачи и воспроизводства культурных значений. Танец, как правило, встроен в коллективные

практики: от ритуальных плясок древних обществ до современных балетных постановок, а также современной молодёжной субкультуры.

Социальная философия подчёркивает роль коммуникации в формировании общности. Хореография в этом контексте выступает как невербальный язык, через который общество транслирует ценности, идентичность и коллективный опыт. Это не просто эстетическое действие, а социальный механизм, интегрирующий индивида в культурные нарративы. Классические примеры включают народные танцы, такие как русские хороводы или ритуальные пляски в африканских и индейских культурах, где движение синхронизирует участников в единое целое, укрепляя социальные связи и передавая мифологические смыслы.

Первым универсальным коммуникативным средством, обеспечивающим трансляцию и аккумуляцию культурных кодов, был ритуальный танец, возвращающий и реактуализирующий социальный опыт первичной формы солидарности [1].

Эмиль Дюркгейм подчёркивал, что через синхронные движения, ритуалы и общие действия возникает коммуникативная солидарность. В его работах ритуалы рассматриваются как источник коллективного сознания и социальной солидарности, где особое внимание уделяется синхронности коллективных действий. В работе «Элементарные формы религиозной жизни» он подчёркивает, что коллективное чувство находит выражение лишь через упорядоченные, ритмичные действия, что порождает песни и танцы как форму согласованного коллективного поведения [2]. Это иллюстрируется в хороводе, где круговое движение символизирует единство сообщества, а ритм – общий пульс жизни. Аналогично в работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм говорит о механической солидарности, подкреплённой общими ритуалами. Механическая солидарность возникает при полном подчинении индивида через коллективные чувства – универсальные и устой-

чивые, которые подавляют индивидуальное сознание и создают сакральные связи [3].

Таким образом, хореография в народных традициях служит коммуникативным мостом, связывающим прошлое с настоящим и укрепляющим групповую идентичность.

Юрген Хабермас расширяет этот взгляд, рассматривая коммуникацию как социальное действие, направленное на достижение взаимопонимания и рационального консенсуса. В хореографии это проявляется как диалог между участниками и зрителями. Хабермас отмечает, что «понятие коммуникативной деятельности относится к интеракции по меньшей мере двух субъектов» [4, с. 108], в которой участвующие скоординированно и консенсусно преследуют свои индивидуальные цели. Причем, эта координация осуществляется посредством достижения согласия.

Вполне конкретное воплощение теорий Э. Дюркгейма и Ю. Хабермаса можно проследить в творчестве танцовщицы и хореографа Мэри Вигман. Её хореографическая постановка «Хроника» (1929–1930) представляет собой уникальный случай, где дюркгеймовская концепция механической солидарности материализуется через хореографию: обезличенная синхронность движений становится метафорой социального принуждения. В то же время в соответствии с теорией Хабермаса этот танец Н. Зушке рассматривает как попытку установить новый тип коммуникации – где тело заменяет слово в условиях распада языковых конвенций. Хореографический язык «Хроники» Вигман основан на принципе трансформации индивидуальных телесностей в коллективное целое, танцевальная форма отказывается от классических канонов в пользу ритуальной выразительности, где подчинение тела становится художественным воплощением механизмов социального принуждения [5].

Другой аспект – концепция Пьера Бурдьё о культурном капитале. Хореография выступает как форма символического капитала, где через владение танцевальными навыками отличается социальный статус. Бурдьё вводит понятие «габитус» как систему телесных диспозиций, усвоенных из социальной среды, что позволяет углубить понимание социальной дисциплины в танце. Классический балет с его иерархией и возвышенностью воплощает аристократический идеал. Бурдьё отмечает, что габитус, выступая как система телесных схем, организует практическое освоение социального мира, который,

в свою очередь, организован по тем же самым категориям [6]. В балете эта структура «навязывает» дисциплину: артисты исполняют движения, отражающие классовый порядок, где индивидуальные импровизации подавляются строгим канонem. Дополняя это, Бурдьё характеризует культурный капитал, где социальные нормы определяют экзистенциальные возможности: культурный капитал, распределённый неравномерно среди социальных классов, формирует пространство общения, создавая символические преграды и поддерживая отношения господства [7].

В контексте танца это видно в том, как классический балет социализирует исполнителей в элитарный нарратив, но рискуя символическим насилием – когда индивидуальность растворяется в коллективе, усиливая социальные неравенства.

Марксистская теория исходит из материалистического понимания истории, где общество делится на базис (экономические отношения производства) и надстройку (культурные, идеологические и политические институты, включая искусство). Как отмечал Маркс, «способ производства... обуславливает духовные процессы жизни» [8, с. 7]. В марксистской традиции это трактуется как зависимость искусства от доминирующих производственных отношений: «Буржуазная свобода искусства есть замаскированная зависимость от денежного мешка» [9, с. 111]. В контексте хореографии это означает, что танец не существует в вакууме, а является продуктом доминирующих экономических условий. Движение тела в танце символизирует классовые структуры: элитарные формы танца, такие как классический балет, часто ассоциируются с аристократией и буржуазией, подчеркивая идеалы дисциплины, грации и контроля, которые соответствуют капиталистическим ценностям контроля над рабочей силой. Напротив, народные танцы, возникшие в рабочей среде, могут выражать солидарность и сопротивление, отражая коллективный опыт труда и эксплуатации.

Таким образом, хореографию и танец следует рассматривать как мощную форму коллективной коммуникации, которая не только отражает, но и активно формирует социальные связи. Через синхронные движения, ритуалы и габитус они способствуют возникновению солидарности и взаимопонимания (как подчёркивают Дюркгейм и Хабермас), одновременно накладывая социальную дисциплину и рискуя

символическим доминированием (по Бурдье). Таким образом, хореография становится способом интегрировать индивида в культурные нарративы, но требует критического осмысления для баланса между коллективным благом и индивидуальной свободой.

Экзистенциальный аспект хореографии

Если социальный аспект хореографии раскрывает ее роль в формировании коллективной идентичности, ритуалов и общественных норм, то экзистенциальное измерение обращено к внутреннему миру человека – к вопросам бытия, свободы, подлинности и конечности бытия. Танец становится не просто движением тела, но способом выражения глубинных переживаний, поиска смысла и преодоления экзистенциальной тревоги.

С этой позиции рассмотрим танец как воплощение свободы и аутентичности, как экзистенциальный акт. Экзистенциальная философия (Сартр, Камю, Ясперс) подчеркивает, что человек обретает себя в действии. Хореография, особенно импровизационная, становится пространством свободного выбора, где танцор не просто следует заданным формам, но творит себя через движение.

В философии Ж.-П. Сартра тело рассматривается как сложная и противоречивая реальность, как «живая и инертная данность», как «страсть», через которую человек включается в полный опасностей мир, и при этом оно не может быть инструментом для трансцендирования. «Я есть моё тело, поскольку я есть выбор: тело есть инструмент или точка зрения, но потому, что оно есть чистая фактичность» [10, с. 403]. Философ утверждает, что человек «осуждён быть свободным» – он не может не выбирать, и даже отказ от выбора есть выбор [10, с. 622]. Исходя из концепции Сартра, свобода, действие и танец есть не что иное, как экзистенциальный акт. В хореографии это проявляется особенно ярко: каждый жест, поворот или пауза – это акт воли и самоутверждение.

Один из крупнейших хореографов прошлого столетия Морис Бежар считал, что тело – наш первый и последний инструмент выражения, в танце человек не лжет – он такой, каков есть. «Отметая фабулу, я приходил отнюдь не к абстракции, а соприкасался с плотской правдой, робостью, страхом, наслаждением, с очертаниями смерти» [11, с. 64]. В этом смысле танец близок к сартровской идее «бытия-для-себя» – он позволяет индивиду выйти за рамки социальных масок и обрести подлинность.

Также танец может рассматриваться как преодоление экзистенциального одиночества. М. Хайдеггер писал о «брошенности» человека в мир [12, с. 348], а М. Бубер – о диалогической природе человеческого существования [13, с. 39]. Хореография, даже в сольном исполнении, предполагает диалог с музыкой, пространством, зрителем или внутренним «Я». Парный или групповой танец (например, контактная импровизация) становится «актом со-бытия», где преодолевается экзистенциальное одиночество через физическое и эмоциональное единение.

В рамках экзистенциальной философии танец мог бы рассматриваться как переживание времени и конечности. Экзистенциалисты М. Хайдеггер [12, с. 328] и Ж.-П. Сартр [10, с. 137] говорят о темпоральности человеческого бытия. Танец – это искусство мгновения, где каждое движение одновременно исчезает и рождается заново. Он напоминает о хрупкости и мимолетности жизни, но также дает переживание «здесь и сейчас», что близко буддийским практикам осознанности.

В феноменологии Мориса Мерло-Понти тело – это воспринимающий инструмент, и хореография раскрывает эту идею [14, с. 111]. В танце тело не просто движется, а воспринимает и формирует реальность сквозь движение. В танцевальных импровизациях тело адаптируется к пространству, звуку, эмоциям, разворачивая экзистенциальный диалог. Движение в танце – это не механический акт, а феноменологическое погружение в пространство и время. В качестве примера можно привести абстрактные композиции Мерса Каннингема, где танцоры взаимодействуют с пространством как с экзистенциальным «здесь-бытием», выражая одиночество, тревогу или свободу через импровизацию. Каннингем отказывается от заранее заданного сюжета или эмоциональной драматургии в пользу чистого присутствия тела в пространстве [15].

Таким образом, хореография, рассмотренная через призму экзистенциальной философии, предстаёт как уникальная практика человеческого существования, где движение становится метафорой свободы и способом бытийного воплощения. Если социальный танец создаёт связи между людьми, то экзистенциальный танец устанавливает диалог человека с фундаментальными вопросами своего существования.

Следуя логике Ж.-П. Сартра, можно утверждать, что танец в его экзистенциальном из-

мерении – это не просто искусство, но способ «быть-в-мире», где каждое движение становится актом самоопределения. Хореография превращается в видимую форму экзистенциального выбора, где тело, лишённое нарративных условностей, демонстрирует чистую возможность человеческого существования. Этот подход открывает новые перспективы для понимания танца не только как исполнительского искусства, но и как философской практики, воплощающей парадоксальное единство спонтанности и осознанности, случайности и предназначения.

Единство социального и экзистенциального в хореографии

Между социальным и экзистенциальным измерениями хореографии существует диалектическая связь: танец одновременно утверждает индивидуальную свободу и вписывает её в коллективный контекст. С одной стороны, как показано ранее, движение может быть актом личного самоопределения – мгновенным воплощением экзистенциального выбора. С другой – даже самое авангардное или импровизационное исполнение неизбежно отсылает к культурным кодам, телесной памяти и разделяемым пространственным практикам. Например, contemporary dance, несмотря на акцент на индивидуальном выражении, опирается на язык, выработанный в рамках определённой традиции, а уличные танцы (такие, как Брейкданс, Крамп, Поппинг или Хаус), будучи формой личной импровизации, одновременно создают сообщество через общие ритмы и стилистику. Таким образом, хореография становится местом встречи внутреннего и внешнего: через индивидуальное тело танцор не только исследует границы собственного бытия, но и вступает в диалог с коллективной идентичностью, трансформируя её. Этот синтез позволяет рассматривать танец как универсальный феномен, в котором социальное и экзистенциальное не противостоят друг другу, а взаимно обогащаются – личное переживание обретает культурную значимость, а коллективный ритм наполняется живой, спонтанной энергией отдельного человека.

Заключение

Хореография, находясь на пересечении социального и экзистенциального измерений, предстает как уникальный феномен, в котором индивидуальное переживание бытия встречается с коллективным культурным опытом. Как

показало исследование, с одной стороны, танец выступает важнейшим механизмом социальной коммуникации – он кодирует культурные смыслы, формирует общие ритмы взаимодействия и конструирует групповую идентичность. С другой стороны, в хореографии раскрывается глубокая экзистенциальная природа человека – через движение происходит реализация свободы, утверждение аутентичности и преодоление экзистенциальной тревоги.

Анализ демонстрирует, что подлинное значение хореографии заключается именно в диалектическом единстве этих аспектов. Танец становится пространством, где социальные нормы не подавляют индивидуальность, а, напротив, дают ей форму для выражения, где личный выбор в движении одновременно участвует в создании коллективного смысла. Это единство особенно ярко проявляется в современных танцевальных практиках, сочетающих импровизационную свободу с укоренённостью в культурной традиции.

Таким образом, хореография может рассматриваться как особая антропологическая практика, в которой человек одновременно утверждает себя как уникальную личность и как часть социума. Это искусство движения оказывается не просто эстетическим феноменом, но важнейшим способом человеческого бытия-в-мире, объединяющим социальное и экзистенциальное, индивидуальное и коллективное, свободу и необходимость, мгновение и традицию. Подобное понимание открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований танца в философии, культурологии и социальных науках.

Список литературы

1. Сердешнов Е. М. Ритуальный характер танца в мифе как первичной форме бытия социальной памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 38–41. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2012-12-4-38-41>, EDN: PUWIYP
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Б. Гофмана, В. Г. Николаева. М. : Дело, 2018. 736 с. EDN: XYZJOP
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 432 с.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия : в 2 т. / пер. с нем. А. К. Судаков. М. : Весь мир, 2022. Т. 1. 880 с.

5. Зушке Н. Танец и институции: Хореография как социальная практика / пер. с нем. М. : РАТИ-ГИТИС, 2015. 194 с.
6. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с. EDN: QOGTMH
7. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. EDN: QOECDF
8. Маркс К. К критике политической экономии. М. : Госполитиздат, 1949. 270 с.
9. Лифшиц М. А. Ленин и вопросы искусства. М. : ИЗОГИЗ, 1938. 336 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М. : Республика, 2000. 672 с.
11. Бержар М. Мгновение в жизни другого / пер. с фр. Л. Зониной. М. : В/О Союзтеатр, 1989. 237 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. СПб. : Наука, 1997. 445 с.
13. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю. С. Тереньева. М. : Высшая школа, 1993. 175 с.
14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999. 608 с.
15. Cunningham M. Changes: Notes on Choreography / ed. by F. Starr. New York : Something Else Press, Inc., 1968. 188 p.
3. Durkheim E. *De la Division du Travail Social: Etude sur l'organisation des societes superieures*. Paris, F. Alcan, 1893. 471 p. (Russ. ed.: Moscow, Kanon, 1996. 432 p.).
4. Habermas Yu. *Theorie des kommunikativen Handelns: in 2 Bd.* Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. Bd. 1. 533 S. (Russ. ed.: Moscow, Ves' mir, 2022. 880 p.).
5. Zushke N. *Dance and Institutions: Choreography as a Social Practice*. Moscow, RATI-GITIS, 2015. 194 p. (in Russian).
6. Bourdieu P. *Le Sens Pratique*. Paris, Les Editions de Minuit, 1980. 475 p. (Russ. ed.: St. Petersburg, Aleteiya; Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., 2001. 562 p. EDN: QOGTMH).
7. Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1998. (Russ. ed.: Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg, Aleteiya, 2007. 288 p. EDN: QOECDF).
8. Marx K. *Toward a Critique of Political Economy*. Moscow, Gospolitizdat, 1949. 270 p. (in Russian).
9. Lifshits M. A. *Lenin i voprosy iskusstva* [Lenin and the Problems of Art]. Moscow, IZOGIZ, 1938. 336 p. (in Russian).
10. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, Éditions Gallimard, 1943. 736 p. (Russ. ed.: Moscow, Respublika, 2000. 672 p.).
11. Béjart M. *Mgnovenie v zhizni drugogo* [A moment in another's life]. Moscow, Main editorial board of theatrical literature of the All-Russian Union Theatre Society Publ., 1989. 237 p. (in Russian).
12. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, M. Niemeyer, 1993. 458 S. (Russ. ed.: St. Petersburg, Nauka, 1997. 445 p.).
13. Buber M. *Du und ich*. Berlin, Insel-Verlag, 1923. 144 S. (Russ. ed.: Moscow, Vysshaya shkola, 1993. 175 p.).
14. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, Gallimard, 1945. 556 p. (Russ. ed.: St. Petersburg, Yuventa, Nauka, 1999. 608 p.).
15. Cunningham M. *Changes: Notes on Choreography*. Ed. by F. Starr. New York, Something Else Press, Inc., 1968. 188 p.

References

1. Seredeshnov E. M. A ritual character of dance in the myth as a primary form of being social memory. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 38–41 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2012-12-4-38-41>, EDN: PUWIYP
2. Durkheim E. *Les Formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie*. Paris, F. Algan, 1912. 647 p. (Russ. ed.: Moscow, Delo, 2018. 736 p.).

Поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 28.10.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.03.2026

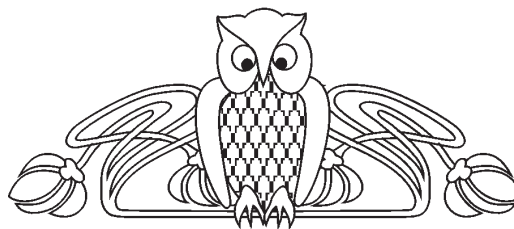

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 146–150
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 146–150
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

Научная статья
УДК 316.754:1

Риски искажения природы нормы в современном социуме

К. М. Креписов

Россия, 454071, г. Челябинск, ул. Первой пятилетки, д. 14-304

Креписов Константин Михайлович, кандидат философских наук, независимый исследователь, krepisov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6991-2935>

Аннотация. Введение. Предпринята попытка проследить процессы нормативного регулирования в современном обществе и его закономерности; исследована природа нормы и трансформации восприятия нормативного поля человеком; осуществлен анализ стереотипов нормы в структуре общественных отношений. **Теоретический анализ.** Методологическая база исследования опирается на действие принципа единства исторического и логического, структурирована в рамках принципа материалистического понимания истории. Анализ осуществлен при помощи методов социальной философии – герменевтического, историко-сравнительного, а также с учетом возможностей диалектики. В исследовании состояний социальной неопределенности и при обосновании статуса человека как человека нормы применяется принцип восхождения от абстрактного к конкретному. **Заключение.** Исследование причин и закономерностей трансформации нормативного регулирования позволяет сделать вывод, что норма в системе общественных отношений являет себя как необходимость в фиксации общественного отношения и как свобода через представление о ней в деятельности человека. Нарушение данного диалектического единства ведет к деструктивным явлениям в общественных процессах и служит онтологическим основанием расширения нормативного отчуждения человека. Фиксируемая мировоззрением человека норма формируется в процессах его самоопределения.

Ключевые слова: норма, деятельность, культура, человек, социум, свобода, отчуждение

Для цитирования: Креписов К. М. Риски искажения природы нормы в современном социуме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 146–150. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risks of distortion of the nature of the norm in modern society

K. M. Krepisov

14-304 First five-year plan St., Chelyabinsk 454071, Russia

Konstantin M. Krepisov, krepisov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6991-2935>

Abstract. Introduction. The authors of the article attempt to trace the processes of normative regulation in modern society and its patterns; the nature of the norm and the transformation of human perception of the normative field are investigated; the analysis of stereotypes of the norm in the structure of public relations is carried out. **Theoretical analysis.** The methodological basis of the research is based on the principle of the unity of historical and logical, structured within the framework of the principle of a materialistic understanding of history. The analysis is carried out using the methods of social philosophy – hermeneutical, historical and comparative, as well as taking into account the possibilities of dialectics. In the study of states of social uncertainty and in substantiating the status of a person as a person of the norm, the principle of ascending from the abstract to the concrete is applied. **Conclusion.** The study of the causes and patterns of transformation of regulatory control allows us to conclude that the norm in the system of public relations manifests itself as a need to fix public relations and as freedom through the representation of it in human activity. The violation of this dialectical unity leads to destructive phenomena in social processes and serves as an ontological basis for the expansion of the normative alienation of a person. The norm fixed by a person's worldview is formed in the processes of his or her self-determination.

Keywords: norm; activity, culture; person, society, freedom, alienation

For citation: Krepisov K. M. Risks of distortion of the nature of the norm in modern society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 146–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях геополитической нестабильности в мире проблемы политической сферы обретают особую актуальность. Следует констатировать, что человечество сегодня находится в перманентном состоянии войны, которое затрагивает не только сферу международного взаимодействия, но и внутренние отношения отдельных социумов. В частности, уже традиционно информационно-коммуникационная среда трактуется как поле боя, в том числе и за умы социальных субъектов. Эти процессы вступают в острый конфликт с ожиданием человека устойчивости социальной сферы. Социальное становится качественно размытым. В результате нарушается привычная нормативность на всех уровнях социального бытия, снижается эффективность нормативного управления [1].

В попытке восстановить упорядоченность общественных отношений и в конструировании собственного жизненного мира человек вынужденно становится человеком-нормой. Последнее означает, что у социального субъекта появляется новая сложная социальная функция – в рефлексиях традиционных норм, в попытках конструирования новых форм нормативности трансформирующихся общественных отношений каждый берет авторскую ответственность за ту или иную норму.

При этом в силу обозначенных причин норма как противоположность текучести начинается позиционироваться исключительно как запрет. Это выражается в том, что, например, даже история законов начинает трактоваться как исключительно как история власти. В свою очередь, отрыв принудительности от регулирования начинает формировать негативное отношение к норме. В частности, становится возможным допущение, что правовой закон может быть деконструирован [2]. Следствием становится возрастающая тенденция превращения свободы человека в симулякр. Стереотип нормы как комплекса простых правил поведения способствует формированию нигилистических стратегий в обществе, в том числе и террористических тенденций. В результате человечество попадает в некий нормативный герменевтический круг, последствия которого социально деструктивны. Фейки и дезинформация только расширяют деструктивное поле современной социальной нормативности.

Теоретический анализ

Сравнительный анализ современных исследований проблемы социальной нормативности позволяет сделать вывод о том, что решение сложившейся ситуации возможно возвращением норме ее объективного статуса. Именно норма лежит в основе адаптации человека к процессам социума. При этом норма объективно складывается и воспроизводится в пересечении субъективных волей человека. Показательно, что социальные и гуманитарные науки сегодня критикуют концепцию нормы как внешнего фактора регуляции поведения человека. В частности, в признании особого статуса политической нормы особо указывается, что политическое утверждение не может ограничиваться областью знания для субъекта. Его эффективность и даже легитимность во многом зависимы от выполнения функции понимания. Понимание следует считать нормой политического дискурса [3].

Вместе с тем современная политология не свободна от субъективистских концепций нормы. В частности, Р. М. Дворкин настаивает на том, что политическая норма основывается на принципе ограничения на одобрение. Действие этого принципа выводит саму легитимность политического института из степени одобрения тех, на кого распространяются соответствующие политические нормы, включая и тех, чьи ценности идут вразрез с данным политическим институтом [4]. При некоторой абсолютизации данного положения можно предположить тенденцию конвенциональной трактовки политических норм.

Основным риском сомнения в объективности закономерности нормы как регулятора выступает потеря человеком собственной осознанной воли. Ведомый статус коварен тем, что данная форма отказа от свободы всегда закамуфлирована, привлекательна видимым снижением степени ответственности. Складывается противоречивая ситуация, когда человек стремится избежать действия социальной манипуляции при одновременной готовности быть манипулируемым. В сфере общественного сознания институт блоггерства насаждает множество «моделей» успеха, биохаккинга. Потребляя такой контент, человек одновременно создает иллюзию некоторой новой нормативности и выражает готовность быть ведомым. В частности, молодые девушки типизируют свою внешность, принимая гламурные требования в

качестве нормы. В качестве причин таких поведенческих стратегий обозначают функционал идеологического воздействия, который сегодня расширяют до сферы информационного воздействия в целом. Но индоктринируемость как актуальный смертный грех имеет реальные корни в социальных взаимодействиях, а не вызвана простыми предпочтениями в информационном поле [5]. В основе такого поведения лежит фундаментальная замена процедуры понимания (т. е. обнаружения смысла происходящего) процедурой доверия. К. Лоренц указывает на значимость границ возможной достоверности процесса познания как объективного основания возможности попасть под действие той или иной доктрины. И это справедливо в отношении самой человеческой способности познавать. Однако в анализе структуры общественных взаимодействий эпистемологического объяснения недостаточно. Доверие как своеобразная новая норма встраивания в социальные отношения рождается вследствие попыток лишить норму объективного основания. Если норма исключительно субъективна, то одним из способов снизить ее принудительное давление и даже своеобразным образом обезопасить себя от ее функционала выступает принятие воли Другого в качестве некоторого непогрешимого фактора. В результате право сильного обретает новые формы (цит. по: [6]). Вне видимого насилия оно служит фактором порабощения. Особенно наглядно данные процессы разворачиваются в геополитической сфере, где самостоятельность решения уступает место процедуре принятия чьего-то мнения, даже в ущерб своему интересу. Это позволяет констатировать, например, что знание не может гарантировать ничего, тогда как понимание гарантирует все. Реальное нормативное регулирование требует от человека рефлексивной оценки причин и способности видеть, как эти причины подтверждают то, что он принимает в качестве нормы. В политике это приобретает особую значимость, так как политическая норма в противном случае становится бессмысленной. В частности, если избирательная компания строится только на доверии к чьему-то мнению, то ее политическая легитимность вызывает сомнение. Политическая норма работает только тогда, когда в акте голосования человек не только понимает причины своего действия, но и лонгирует действие этих норм

через понимание того, как эти причины обосновывают его выбор, детерминируя определенное ожидаемое социальное состояние [7, 8].

Сведение нормы к акту субъективных волеизъявлений не просто провоцирует рост политических безответственных утверждений. Норма проявляет себя не только в механизмах свободы, она объективирована в формах культуры, закрепляя собой результаты деятельности человека в целом. В логике социального развития данный факт отражает близость нормы и ценности [9]. Сложность аксиологической сферы общества в том, что сами ценности провоцируют оценочное отношение человека к происходящему. В условиях очень быстрой трансформации многих социальных процессов складывается объективная ситуация, когда соответствующие нормы не успевают за этими изменениями. В результате границы норм деструктивно нарушаются. Сегодня часто наблюдается смешение, например, правовой и моральной нормы, а сами ценности сводятся к простой оценке. И, например, закон, который фиксирует правовую норму начинает позиционироваться в дилемме «хороший-плохой». При этом оценка касается не правового акта, а непосредственно социальной практики. В результате откровенно деструктивные явления получают оправдание. Например, в делении насилия на «хорошее» и «плохое» [10].

В срезе современной политики сегодня закрепляется деление религиозного (незаконного) и нерелигиозного (законного) насилия. Тем самым в стремлении обуздать террор происходит оправдание войны. В самой юридической практике ориентация на «хорошие» законы не только расширяет сферу законов «на бумаге», но и приводит к нерациональному использованию экономических ресурсов. К сожалению, многие законы, ориентированные, например, на защиту здоровья, не воспроизводятся в повседневной жизни человека. Запрет на курение в общественных местах не снижает потребление табачных изделий. Человек парадоксально сочетает в себе следование принципам здорового питания и расслабление табачным дымом. Соответственно, экономические затраты на поддержание здоровья не снижаются. Можно констатировать и более глубокие последствия в самом социальном бытии: социальная закономерность все более обретает черты симулякра воли человека. Отчасти это объясняет и процесс разрастания

мифа в самых разных формах в жизни современного человека [11]. Миф питается своим сущностным основанием: закономерность, необходимость и норма синкретичны в истоке социальности. И вместе с тем мифологичность сознания современного человека в обратной связи вскрывает противоречия поля норм. В силу внутренних объективных закономерностей миф всегда настаивает на внутренней природе нормы. Обозначенная синкретичность нормы и закономерность в мифе не могут быть позиционированы в качестве внешней принудительной силы в отношении человека. Получается, что современный человек нормы своими действиями пытается воспроизводить ее как внешний фактор своего существования, тогда как объективно норма носит характер его родового свойства. Миф в культуре одним из первых закрепляет понимание человеком нормы в качестве осознанного механизма взаимодействия человека со средой и себе подобными. Отсюда норма не может быть семантически закрепленным правилом поведения. В норме человек снимает автономность Разума во взаимодействии с миром.

Норма как регулятор общественных отношений формируется в пересечении действий воле отдельных людей [12]. Действие нормы происходит через разрешение противоречия между тем, что есть, и ожиданием того, что должно быть, реализует свободу человека. Это объясняет общность механизма действия различных по содержанию конкретных социальных норм, которые объективируют состояние соответствующих форм общественных отношений. Как любая другая социальная закономерность она объективна, а субъективность ее оформления вторична. Субъективная сторона нормы – это раскрытие творческого потенциала человека, его способности быть выше наличной ситуации, его свободы. Субъективизм в отношении нормы косвенно рождает волюнтаризм. Последствия, к сожалению, в социальной практике весьма серьезны. Современная культура либо пытается сконструировать некие новые добродетели, создавая новые кодексы, например, в реформировании системы образования как эталоны поведения человека, либо вовсе отрицает такую черту человека [13]. А еще Платон предупреждал человечество о недопустимости отождествления знания и мнения [14]. Сведения нормы к мнению может рассматриваться в

качестве одной из причин жесткого политического режима. Помимо этого, лишение нормы объективного статуса косвенно возрождает метафизический принцип понимания свободы как познанной необходимости, что почти автоматически влечет превращение человека из цели в средство.

Заключение

Преодоление кризисного состояния современного человечества – процесс длительный и сложный. Во многом все зависит от рефлексивной способности человека и критического анализа происходящего. Одним из значимых моментов представляется корректное воссоздание нормативного регулирования общественных отношений. Социальная действительность сверхчувственна в силу того, что необходимость здесь обязательно включает сознательный фактор. Все ее элементы раскрывают свою истинную природу тогда, когда воспроизводятся человеком. Это свойство социального не дано от природы, но и не создается сознанием человека. Оно рождено деятельностью, а сознание только признает сверхчувственность. Сложность нормативного регулирования в том, что признание сознанием наличия нормы способно формировать иллюзию ее абсолютной автономности, что влечет сведение ее к своду запретов и правил, а впоследствии и к возможному отрицанию ее объективной природы. В реалиях директивности нормы не тождественна необходимости. Ее директивный характер есть следствие диалектики необходимости и свободы, проявленной в деятельности человека.

Список литературы

1. Креписов К. М. Цивилизационная демаркация правовой нормы // Мировоззренческие основания культуры современной России : сб. тр. междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. А. Жилиной. Магнитогорск : МГТУ, 2022. С. 78–81. EDN: YMNTTB
2. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice // Law Critique. 2016. Vol. 27. P. 187–203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>
3. Gordon E. C. Understanding of the norm of political discourse // Synthese. 2023. Vol. 201. Art. 198. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04183-6>
4. Dworkin R. M. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2000. 511 p.

5. Жилина В. А., Жилин А. Ю. Мифы статуса конфликта в социальном развитии // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 19–21. EDN: TTLWMB
6. Жилина В. А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). С. 7–10. EDN: RVUTCZ
7. Bowrey K. The outer limits of copyright Law – where Law meets philosophy and culture // Law and Critique. 2001. Vol. 12. P. 75–98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>
8. Cranor C. F. A philosophy of risk assessment and the law: A case study of the role of philosophy in public policy // Philosophical Studies. 1997. Vol. 85. P. 135–162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>
9. Невелев А. Б. Проблема ценностно образующего основания // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12>
10. Schmiedel U. The myth of Muslim violence: Theorizing religion in the war on terror // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik. 2023. Bd. 7. S. 729–750. <https://doi.org/10.1007/s41682-023-00158-z>
11. Cavanaugh W. T. Religious violence as modern myth // Political Theology. 2014. Vol. 15, iss. 6. P. 486–502. <https://doi.org/10.1179/1462317X14Z.00000000094>
12. Креписов К. М. Норма в деятельности человека: диалектика необходимости и свободы: дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2024. 22 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ; Ермак, 2003. 336 с.
14. Платон. Государство. Законы. Политика / предисл. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1998. 798 с.
2. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice. *Law Critique*, 2016, vol. 27, pp. 187–203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>
3. Gordon E. C. Understanding of the norm of political discourse. *Synthese*, 2023, vol. 201, art. 198. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04183-6>
4. Dworkin R. M. *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2000. 511 p.
5. Zhilina V. A., Zhilin A. Yu. Myths status conflict in social development. *Society and Power*, 2015, no. 2 (52), pp. 19–21. EDN: TTLWMB
6. Zhilina V. A. The problem of alienation in modern conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 38 (329), pp. 7–10. EDN: RVUTCZ
7. Bowrey K. The outer limits of copyright Law – where Law meets philosophy and culture. *Law and Critique*, 2001, vol. 12, pp. 75–98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>
8. Cranor C. F. A philosophy of risk assessment and the law: A case study of the role of philosophy in public policy. *Philosophical Studies*, 1997, vol. 85, pp. 135–162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>
9. Nevelev A. B. The problem of the value-forming foundation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2023, no. 7 (477), pp. 5–12. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12>
10. Schmiedel U. The myth of Muslim violence: Theorizing religion in the war on terror. *Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*, 2023, Bd. 7, S. 729–750. <https://doi.org/10.1007/s41682-023-00158-z>
11. Cavanaugh W. T. Religious violence as modern myth. *Political Theology*, 2014, vol. 15, iss. 6, pp. 486–502. <https://doi.org/10.1179/1462317X14Z.00000000094>
12. Krepisov K. M. *The norm in human activity: The dialectics of necessity and freedom*. Diss. Cand. Sci. (Filos.). Chelyabinsk, 2024. 22 p.
13. Markuse G. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Boston, Beacon Press, 1964. 284 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, Ermak, 2003. 336 p.).
14. Platon. *Gosudarstvo. Zakony. Politika* [State. Laws. Politics]. Moscow, Mysl', 1998. 798 p.

References

1. Krepisov K. M. Civilizational demarcation of legal norms. In: Zhilina V. A., total ed. *Mirovozzrencheskie osnovaniya kultury sovremennoy Rossii: sb. tr. mezhdunar. nauch. konf.* [The Worldview Foundations of Modern Russian Culture: Collect. works of Intern. sci. conf.], Magnitogorsk, MGТУ Publ., 2022, pp. 78–81. EDN: YMNTTB

Поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 151–154
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 151–154
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-151-154>, EDN: JKNNHEH

Научная статья
УДК 2+[1:316]

Религиозные убеждения как форма социального знания в постсекулярном обществе: эклектизация традиций

А. А. Мамедов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мамедов Артур Ахмедович, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, mamedov.artur01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9129-8230>

Аннотация. Введение. Общество XXI века является высокотехнологичным и цифровым, где воззрения людей полярны и плюралистичны. В таких условиях религия, хоть и подверглась секуляризации, остается важнейшей формой мировоззрения. В статье анализируются методологические проблемы эклектизации религиозных традиций и адаптации религиозных убеждений в постсекулярном обществе. **Теоретический анализ.** Выявлены три основные проблемы. Во-первых, неясность религиозных убеждений как формы социального знания. Во-вторых, разрыв между каноническим знанием и субъективным религиозным убеждением как причина эклектизации религиозных традиций, в результате которой возникает особая форма социального знания. Можно ли назвать такое социальное знание религиозным, если эклектизация подрывает традиционный и ортодоксальный характер священности и неприкосновенности религиозного знания? В-третьих, место и роль традиции в сохранении соответствия религиозных убеждений религиозному знанию. **Заключение.** Эклектизация религиозных традиций может привести к неправильному пониманию конечных смыслов, за чем может последовать деструктивное поведение (например, экстремистские наклонности). Чтобы предостеречь от столкновения интересов, необходим совместный контроль со стороны государства, религиозных институтов и общественных движений для обеспечения социальной стабильности. **Ключевые слова:** социальное знание, религия, религиозные убеждения, эклектизация, традиция, секуляризация, постсекулярное общество

Для цитирования: Мамедов А. А. Религиозные убеждения как форма социального знания в постсекулярном обществе: эклектизация традиций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 151–154. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-151-154>, EDN: JKNNHEH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious beliefs as a form of social knowledge in a post-secular society: Eclecticization of traditions

A. A. Mamedov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arthur A. Mamedov, mamedov.artur01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9129-8230>

Abstract. Introduction. The society of the 21st century is high-tech and digital, where people's thoughts are polar and pluralistic. In such conditions, religion, although it has undergone secularization, remains the most important form of worldview. This article analyzes the methodological problems of eclecticization of religious traditions and adaptation of religious beliefs in a post-secular society. **Theoretical analysis.** Three main problems have been identified. First, the obscurity of religious beliefs as a form of social knowledge. Second, the gap between canonical knowledge and subjective religious belief as a reason for the eclecticization of religious traditions, as a result of which a special form of social knowledge arises. Can such social knowledge be called religious if eclecticization undermines the traditional and orthodox nature of the sacredness and inviolability of religious knowledge? Third, the place and role of tradition in keeping religious beliefs consistent with religious knowledge. **Conclusion.** Eclecticization of religious traditions can lead to the misunderstanding of finite meanings, which can be followed by destructive behavior (for example, extremist tendencies). To prevent clash of interests, it is necessary to have joint control by the state, religious institutions, and social movements to ensure social stability.

Keywords: social knowledge, religion, religious beliefs, eclecticization, tradition, secularization, post-secular society

For citation: Mamedov A. A. Religious beliefs as a form of social knowledge in a post-secular society: Eclecticization of traditions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 151–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-151-154>, EDN: JKNNHEH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одна из тенденций современного мира – это изменение места религии в системе общества. Центральным в этом исторически значимом акте является процесс секуляризации. Согласно П. Бергеру, секуляризация – это утрата «священного» [1]. Одни воспринимают это явление позитивно (крупный теоретик постсекулярного общества Ю. Хабермас), другие – негативно, поскольку отсутствие религиозной веры опустошило жизнь человека («абсентеизм» – болезненное ощущение отсутствия Бога). Возникшие при геттоизации религии мировоззренческие пробелы компенсируются квазирелигиозными и оккультными установками. Из этого вытекают такие социальные явления, как культурная шизофрения, культурная религиозность, обрядоверие, где все перечисленное можно назвать результатом эклектизации убеждений или «эклектичной религиозностью» – понятие, предложенное белорусским социологом Л. Титаренко для описания смешения различных религиозных убеждений [2].

Теоретический анализ

Под социальным знанием мы понимаем индивидуально-специфическую картину мира, конструируемую различными социальными инструментами, результатом которой является личный экзистенциальный способ восприятия окружающей действительности. Такое знание является обобщением повседневного опыта, опирается на различные формы представления об окружающей действительности: верования, приметы, традиции, предчувствия. Особенностью социального знания является ее непосредственная связь с реальностью. Иначе говоря, непосредственное взаимодействие (элементарные жизненные отношения) является типом производства социального знания, в силу которого оно носит массовый, неорганизованный и бессистемный характер. Одним из таких типов производства социального знания является религия.

Согласно А. Шюцу, каждый человек формирует свой автономный «мир опыта», следствием которого является множество реальностей, которые сам ученый называет конечными областями смысла. Каждой конечной области смысла соответствует свой когнитивный стиль. Исходя из этого, А. Шюц выделяет шесть основ-

ных характеристик, формирующих отдельные конечные области смысла: степень напряжения сознания; характер эпохи; преобладающая форма спонтанности; форма испытания собственного Я; форма социальности; временная перспектива. Из них, в свою очередь, вытекают следующие конечные области: повседневность, миры сновидений, фантазий, искусства, религии, научного созерцания, игровой мир, мир безумия [3]. Повседневный язык не может описать указанные конечные области смысла, например, религиозный, поскольку он больше ориентирован на типизацию и привычное осуществление рабочих процессов. В силу этого возникает необходимость в религиозном категориальном аппарате, способном описать религиозный опыт. Сам религиозный опыт включает в себя религиозную повседневность, которая рационализирует саму повседневность и заставляет пересматривать мирское, поэтому религиозное знание более специфическое, чем повседневное. Каждый верующий принимает определенные социальные нормы и ценности своей религии, формируя таким образом религиозные убеждения. Следуя им, рационализируется сама повседневность. Например, определенное действие в повседневной жизни может трактоваться с точки зрения религии как греховное. В данном процессе верующий анализирует это действие исходя из призм религиозных норм и санкций, следствием чего является нормативное суждение: можно или нельзя. Сакральные постулаты каждой религии выстраивают свой свод правил действия в различных жизненных ситуациях. Например, характерное для ислама стремление не обременять человека излишне жесткими обязательствами выражено в таких положениях, как «затруднение влечет облегчение» или «необходимость делает разрешенным запретное» [4, с. 153].

Из вышесказанного вытекает, что религиозные убеждения как форма социального знания помогают личности конструировать социальную реальность, сформировать свой опыт. Такое социальное знание крайне важно, поскольку оно выполняет регулятивную функцию в обществе. Восприятие верующим социальной действительности структурируется по религиозным канонам. Эта традиционная черта религиозных убеждений является гарантом порядка в обществе, что обеспечивается соответствующими ортодоксальными учениями и социальными институтами, но разрыв

между каноническим знанием и субъективным религиозным убеждением создает проблему деструктивного поведения верующего, его дестабилизации и непредсказуемости. Иначе говоря, по мере изменения общества и индивида возникает зазор между каноническим знанием и народным пониманием. Так, социолог религии Д. Эрвьё-Леже определяет современную религию «индивидуализмом», а саму индивидуальную религиозность характеризует термином «ло-скутная религиозность» (*patchwork religiosity*) [5]. В современном мире, вследствие высокой степени индивидуализма, религиозные убеждения носят эклектичный характер вплоть до того, что верующий, согласно П. Бергеру, становится потребителем, выбирает для себя удобную религию или комфортные элементы определённой религии на рынке религий, что можно назвать потребительской религиозностью [6]. Например, если индивид сочетает в своем мировоззрении элементы авраамических религий, науки и оккультизма, то у него совершенно особый взгляд на повседневность, где его социальное знание о мире может носить универсальный характер (новые инструменты и новое суждение). Такое знание всегда неполное и недосказанное, поскольку является результатом индивидуального социального опыта, усложняет построение и формирование системы социального знания. Именно интеллектуальный блок мировоззрения верующего дает понять, как в постсекулярном обществе меняется отношение к религиозным традициям. Этот подход можно назвать релевантной религиозностью, поскольку личность в современном мире выбирает религиозные убеждения исходя из субъективных умонастроений, формируя таким образом эклектичную религиозность. Такую религиозность Т. Лукман с соавторами называют «невидимой религией» (*invisible religion*) [7, с. 139]. Исходя из этого методологические проблемы исследования религиозных убеждений в современном обществе заключаются в том, чтобы определить «действительность веры» по религиозной идентичности, которая состоит из двух измерений: личностно-персональной и социальной. Первая – это внутреннее осмысление религии, а социальная – внешнее проявление религиозности. Например, крещения и причащения только потому, что «так принято». Либо человек может быть очень религиозным, но не находить время посещать церковь. В связи с этим есть разные

точки зрения на эту проблему. Например, В. Ф. Чеснокова, измеряя индекс воцерковленности (В-индекс), заключающийся в исполнении социального изменения религиозной идентичности (посещение храма, исповедь, пост и др.), упускает из виду мировоззренческий аспект. Ю. Ю. Синелина развивает исследовательский подход В. Ф. Чесноковой, добавляя интеллектуальный блок [8]. Исследование интеллектуального блока позволяет нам выявить такие последствия эклектизации, как этническая религиозность, свидетельствующая об изменениях институциональных оснований религии (например, этническая принадлежность к Русской православной церкви), новые религиозные движения, экуменизм (каждый формирует свой путь и его толкование, ведь сколько бы не было течений, все они равноценны – «человек мера всех религий»), разрыв религиозной традиции (десемантизация праздников, искажение их смыслов и их эклектическое осмысление, которое проявляется, например, в синкретизации монотеизма и язычества в празднике Масленица, воспринимаемый православными как чисто христианский праздник) формирует «культурный символ», когда основное внимание уделяется заботе о второстепенных элементах праздника).

По нашему мнению, снизить уровень эклектичности убеждений может глубокий методологический анализ традиционности и ортодоксальности религии в сочетании с индивидуализмом и плюрализмом, т.е. определение границы неприкосновенности центральных постулатов религиозных убеждений как формы социального знания, но с учетом рычагов, сдерживающих переход от традиционности к радикализму. Как минимум, подлежит контролю вопрос достоверности религиозных знаний, обеспечение и сохранение которой является обязанностью не только верующего, но и государства. В юриспруденции это называют оскорблением чувств верующих. Методологической задачей в этом вопросе является установление социального баланса между религиозными традициями и свободой мысли в XXI веке.

Заключение

Таким образом, в постсекулярном обществе религиозные убеждения носят сложный характер. Религиозные практики не свидетельствуют о реальной «искренности» религиозных

убеждений, поэтому в современном обществе религиозность многих верующих носит формальный характер. Так как тяжело согласиться с существующими постулатами традиционных религий в силу их давности, легче «подстроить» их под современность. Поэтому мы считаем важнейшим показателем эклектичности религиозных убеждений адаптацию традиционных установок под современные условия общественной жизни, в результате которых формируется субъективный религиозный опыт и религия становится приватизированной. Основным решением данной проблемы мы считаем устранение разрыва религиозной традиции, поскольку традиционность является важнейшей чертой религиозного знания.

Остается открытым вопрос, кто возьмет на себя регулятивную функцию: государство, религиозные институты или общественные движения? Считаем, что указанные социальные институты должны заняться этим вопросом, действуя сообща, а не по отдельности.

Список литературы

1. Бергер П. Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
2. Titarenko L. On the shifting nature of Religion during the ongoing post-communist transformation in Russia, Belarus and Ukraine // *Social Compass*. 2008. Vol. 55, iss. 2. P. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>
3. Шюц А. О множественности реальностей // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34. EDN: TRRQVT
4. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 703 с.
5. Колкунова К. Невидимая религия сегодня: идеи Томаса Лукмана в современном религиоведении // *Духовність. Культура. Нація: збірн. наук. ст. Львів : ЛНУ, 2010. Вип. 5. С. 223– 235.*
6. Berger P. L. *The Sacred Canopy*. New York : Anchor Books, 1969. 229 p.
7. Лукман Т., Кострова Е., Забаев И. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13, № 1. С. 139–154. EDN: SEIJUZ
8. Синелина Ю. Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // *Социологические исследования*. 2005. № 3 (251). С. 96–107. EDN: ООУНKF

References

1. Berger P. L. *The Sacred Canopy. Elements of a Sociological Theory of Religion*. Garden City, New York, Doubleday & Company, Inc., 1967. 248 p. (Russ. ed.: Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 208 p.).
2. Titarenko L. On the shifting nature of Religion during the ongoing post-communist transformation in Russia, Belarus and Ukraine. *Social Compass*, 2008, vol. 55, iss. 2, pp. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>
3. Schütz A. On multiple realities. *Russian Sociological Review*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 3–34 (in Russian). EDN: TRRQVT
4. Nersesyants V. S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Norma, INFRA-V, 2012. 703 p. (in Russian).
5. Kolkunova K. The invisible religion today: Thomas Luckmann's ideas in modern religious studies. *Dukhovnist'. Kul'tura. Natsiya: zbirn. nauk. st. Vyp. 5* [Spirituality. Culture. Nation: Collection of scientific articles]. L'viv, L'viv National University Publ., 2010, iss. 5, pp. 223–235 (in Russian).
6. Berger P. L. *The Sacred Canopy*. New York, Anchor Books, 1969. 229 p.
7. Lukman T., Kostrova E., Zabaev I. An afterword to the German edition of “The Invisible Religion”. *Russian Sociological Review*, 2014, vol. 13, no. 1, pp. 139–154 (in Russian). EDN: SEIJUZ
8. Sinelina Yu. Yu. Attachment to Church and superstitious behavior of Yaroslavl' oblast inhabitants. *Sociological Research*, 2005, no. 3 (251), pp. 96–107 (in Russian). EDN: ООУНKF

Поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 12.03.2026

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 155–165

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 155–165
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-155-165>

EDN: NCSRKU

Научная статья
УДК 355.09:159.98

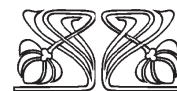
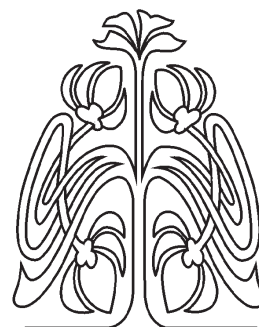
Сотеринг: психотехнология управления личной эффективностью военнослужащего в сложных условиях деятельности

Л. Н. Аксеновская

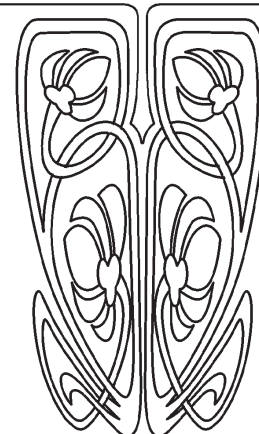
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Аннотация. *Введение.* Высокий уровень физических и психологических нагрузок, обусловленный общей нестабильностью в мире и спецификой военного времени, предъявляет особые требования к психологической подготовке военнослужащих, а также выдвигает на значимое место задачу совершенствования, разработки и применения психологических технологий, позволяющих формировать, поддерживать и восстанавливать их личную эффективность. В статье представлена отечественная разработка, вносящая свой вклад в решение данной задачи – сотериологическая технология восстановления и поддержания личной эффективности военнослужащего («психологической формы»), характеристика теоретической модели технологии сотеринга и примеры применения ее экспресс-версии. *Теоретический анализ.* Сотеринг (от греч. *soter* – спаситель) сформировался к 1997 году в ходе консультационной практики с руководителями организаций. Технология сотеринга визуализирована в модели «сотериологического круга», включающего в себя шесть критически значимых психологических элементов управленческой деятельности: В1 (внимание), В2 (воля), В3 (вера), В4 (видение), В5 (время) и В6 (власть). Каждый элемент содержит свое психологическое описание, оснащен набором психотехник для аутодиагностики и аутокоррекции данной функции (элемента). Сотеринг реализуется в форме индивидуального, группового и командного тренинга под руководством психолога-тренера с целями обучения, терапии или поддержания оптимальной «психологической формы» и проводится в метафоре психологической «полосы препятствий». Ключевая задача тренинга – передача технологии от тренера к участнику тренинга для самостоятельного использования в условиях реальной профессиональной деятельности. Основным действующим компонентом сотеринга является алгоритм выполнения психотехник, который представлен моделью «сотериологического круга» с нумерацией элементов, определяющих порядок работы с элементами. Сотеринг демонстрирует свою эффективность в трех случаях – при подготовке к выполнению поставленной задачи, психологическом восстановлении после трудных ситуаций, поддержании оптимальной психологической формы. Специфика применения сотериологического алгоритма в каждом из этих случаев определяется как стратегия подготовки, стратегия восстановления и стратегия поддержания. Для самостоятельного применения сотериологического алгоритма военнослужащими могут применяться экспресс-версии алгоритма, занимающие в реальном времени от трех до пяти минут. *Заключение.* Особенностью технологии сотеринга является возможность его

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

применения пользователем самостоятельно, без участия психолога. Вместе с тем самостоятельному использованию сотериологического алгоритма должно предшествовать прохождение тренинга под руководством специалиста. Условиями результативности технологии являются следование алгоритму и соответствие психотехник индивидуальным особенностям пользователя.

Ключевые слова: сотеринг, сотериологический алгоритм, тренинг, внимание, воля, вера, видение, время, власть

Для цитирования: Аксеновская Л. Н. Сотеринг: психотехнология управления личной эффективностью военнослужащего в сложных условиях деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 155–165. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-155-165>, EDN: NCSRKU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sotering: Psychotechnology of military personnel's personal efficiency management

L. N. Aksevnovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila N. Aksevnovskaya, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Abstract. Introduction. The high level of physical and psychological stress caused by the general instability in the world and the specific features of wartime places special demands on the psychological training of military personnel, and also highlights the importance of improving, developing, and applying psychological technologies that allow the formation, maintenance, and restoration of personal effectiveness among military personnel. This article presents a domestic development that contributes to solving this problem: the soteriological technology for restoring and maintaining personal effectiveness among military personnel ("psychological fitness"), as well as a description of the theoretical model of soteriology technology and examples of its application. **Theoretical analysis.** Sotering (from the Greek – "Saviour") was formed by 1997 in the course of consulting practice with the heads of organizations. Sotering technology is visualized in the model of a "soteriological circle", which includes six critical elements for the effectiveness of management activities: B1 (attention), B2 (will), B3 (faith), B4 (vision), B5 (time) and B6 (power). Each element contains its own psychological description and is equipped with a set of psychotechniques for self-diagnosis and self-correction of this function (element). Sotering is implemented in the form of individual, group and team training under the guidance of a psychologist-trainer with the aim of training, therapy or maintaining optimal "psychological form" and is carried out in the metaphor of a psychological "obstacle course". The key objective of the training is to transfer technology from the trainer to the training participant for independent use in the conditions of real professional activity. The main active component of soteriology is the algorithm for performing psychotechniques, which is represented by the model of the "soteriological circle" with the numbering of elements that determine the order of working with the elements. Soteriology demonstrates its effectiveness in three cases: preparation for completing a task, psychological recovery after difficult situations, and maintaining optimal psychological fitness. The specifics of applying the soteriological algorithm in each of these cases are defined as the preparation strategy, the recovery strategy, and the maintenance strategy. For independent use of the soteriological algorithm by military personnel express versions of the algorithm can be used, which take three to five minutes in real time. **Conclusion.** A special feature of the soteriology technology is the possibility of its application by the user independently, without the participation of a psychologist. At the same time, the independent use of the soteriological algorithm should be preceded by training under the guidance of a specialist. The conditions for the effectiveness of the technology are: the following of the algorithm and the compliance of psychotechniques with the individual characteristics of the user.

Keywords: sotering, soteriological algorithm, training, attention, will, faith, vision, time, and power

For citation: Aksevnovskaya L. N. Sotering: Psychotechnology of military personnel's personal efficiency management. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 155–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-155-165>, EDN: NCSRKU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В любой сфере деятельности, в военной особенно, наибольшую ценность представляют эффективные специалисты. Личная эффективность военного специалиста (далее – военнослужащего) обнаруживает себя в его способности результативно решать поставленные задачи на базе профессиональных компетенций в условиях ограниченных ресурсов (временных, материально-технических, физических и т.д.) или за счет использования минимального набора инструментов (снаряжения, информации

и т.д.). «Формула эффективности» может быть представлена тезисом «максимальный результат за счет минимальных средств».

К числу значимых ресурсов безусловно относятся психологические ресурсы военнослужащего. Их особенность заключается в парадоксальном свойстве – психологические ресурсы могут быть не только ограниченными, но и по-своему «безграничными». Роль психологических ресурсов становится критически значимой в трудных, экстремальных условиях деятельности. Чрезвычайные нагрузки, которым подвергаются организм и психика, влияют

на психические и психологические состояния человека, в том числе отрицательно, снижая или блокируя его способность к решению поставленных задач. Вместе с тем умелое управление военнослужащим своими психологическими ресурсами, наоборот, позволяет преодолевать трудности любой степени сложности.

В условиях военного времени, переживаемого нашей страной сегодня, особенно актуальной становится задача совершенствования, разработки и применения психологических технологий, позволяющих формировать, поддерживать и восстанавливать личную эффективность военнослужащих.

К числу таких психотехнологий относится сотеринг (от греч. *soter* – спаситель, целитель, избавитель, освободитель). Эта технология появилась в конце 80-х гг. прошлого столетия и разрабатывалась для самодиагностики, самоподдержания и самовосстановления руководителями личной и командной эффективности, которую в управленческой среде часто ассоциируют с «психологической формой» по аналогии со «спортивной формой» в спорте как оптимальным психофизиологическим состоянием [1].

За прошедшие десятилетия технология сотеринга прошла всестороннюю проверку и в последнее время получила опыт успешного применения для решения задач восстановления личной эффективности в том числе людей, получивших во взрослом возрасте травмы с серьезными последствиями (например, потеря зрения).

В настоящее время сотеринг применяется в трех формах – индивидуальный тренинг, групповой тренинг, командный тренинг – и имеет три уровня сложности. Его «действующим компонентом» является не столько сам набор используемых многообразных техник, как *алгоритм* применения этих техник, представленный моделью «сотериологического круга».

Сотеринг используется для решения трех типов задач: во-первых, задачи психологической *подготовки* к выполнению поставленной задачи (или к достижению поставленной цели); во-вторых, задачи *восстановления* психологической формы после выполнения поставленной задачи и, в-третьих, для *контроля* за состоянием психологической формы и ее поддержанием в стандартных условиях деятельности.

К особенностям способа применения технологии относятся следующие: 1) тренер-психолог прежде всего обучает пользователя

самостоятельному применению технологии, передает ему технологию, зачастую подбирая/разрабатывая индивидуальные техники, работающие для конкретного человека; 2) пользователь самостоятельно практикует сотеринг в сокращенной версии (экспресс-версии); 3) полная версия технологии в форме индивидуального, командного или группового тренинга реализуется под руководством тренера-психолога для обеспечения обратной связи и рефлексии полученного пользователем опыта, а также для первичного обучения или совершенствования сформированных у него ранее знаний и умений/навыков.

Цель статьи – представить сотериологическую технологию восстановления и поддержания личной эффективности военнослужащего (его «психологической формы») с описанием теоретической модели технологии сотеринга и привести примеры применения экспресс-версий сотериологического алгоритма.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) представить теоретические основания концепции сотеринга и работы с элементами модели сотериологического круга; 2) охарактеризовать модель технологии сотеринга и ее элементы, содержащую алгоритм настройки и преобразования психологического состояния человека; 3) представить примеры самостоятельного применения военнослужащим технологии сотеринга (без участия психолога) в экспресс-версиях с демонстрацией отдельных психотехник аутодиагностики и аутокоррекции критических элементов модели «сотериологического круга».

Теоретико-методологические основания концепции и технологии сотеринга

Сотеринг включает в себя концептуальную (историко-идеологическую) и психо-технологическую составляющие. В историко-идеологическом плане основой сотеринга является античная *концепция заботы о себе* субъектов управленческой деятельности Древней Греции и Древнего Рима, например Платона [2], переработанная М. Фуко [3, 4], П. Адо [5], Г. В. Иванченко [6]. Ее суть вкратце сводится к тому, что для управления другими людьми необходимо уметь управлять собой. А для этого, в свою очередь, нужна практика заботы о себе, реализуемая в формах *самопознания* и *самоспасения* (последнее и дало имя сотерингу

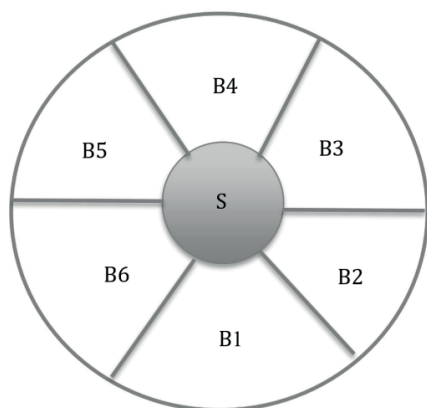
как технологии «самоспасения»). К основным практикам заботы о себе в эпоху Античности относили «заботу о душе», комплекс практических дел (от служебных обязанностей и до физической и интеллектуальной подготовки), контроль за «патологическими» (непроизвольными) состояниями души и тела, самоисследование своих ограничений и возможностей, фокусировку внимания на установке «стремись к себе во всем и всегда» [3].

Психо-технологическая составляющая опирается на психологические исследования и разработки, связанные, главным образом, с элементами модели сотериологического круга: *внимания* [7, 8], *воли* [9, 10], *веры* [11], *видения* [10], *времени* [12, 13], *власти* [14].

Вместе с тем значительное место в теоретико-методологическом базисе сотеринга занимают идеи У. Джемса о триединстве внимания, воли и веры (цит. по: [15]), идеи К.-Г. Юнга о терапии власти (цит. по: [16]), работы отечественных исследователей, посвященные управлению психологическими состояниями [17], роли образной сферы в психологической саморегуляции [18]. Психотехническое оснащение привлекается из арсеналов психосинтеза и других психотерапевтических практик, а также постоянно увеличивается доля собственных сотериологических психотехнических разработок [19].

Модель сотериологического круга

Схематично технология сотеринга представлена моделью «сотериологического круга», которая и визуализирует технологию сотеринга. В этой модели представлен алгоритм применения комплекса психотехник для управления личной эффективностью (рисунок).

Модель сотериологического круга
Figure. Model of the soteriological circle

В структуре модели выделяются семь элементов: внимание (B1), воля (B2), вера (B3), видение (B4), время (B5), власть (B6) и седьмой центральный элемент – «внутренний сотер» (S). «Внутренний сотер» – субличное образование, которое курирует состояние шести элементов, определяющих качество и уровень психологической формы человека. Элементы, начинающиеся на букву «в» (внимание, воля, вера, видение, время, власть), имеют нумерацию, указывающую на порядок выполнения техник/упражнений.

Данная модель, описывающая алгоритм самовоздействия с целью управления собой, сформирована эмпирическим путем в ходе многолетней практики консультирования руководителей. Поиск «кода хорошей психологической формы» начался в 1987 году и свой окончательный вид алгоритм приобрел к 1997 году. Позднее он был теоретически обоснован [1], оснащен методикой аутодиагностики уровня развития лидерских качеств руководителя [20, 21] и достаточным количеством психотехник для аутодиагностики и аутокоррекции каждого элемента [19], приобрел статус психотехнологии.

Технология сотеринга имеет длительную историю результативного применения. В последние восемь лет сотериологический тренинг входит в программу обучения участников регионального проекта подготовки резерва управленческих кадров «Школа молодых управленцев».

Строение каждого элемента в модели «сотериологического круга» имеет стандартную уровневую структуру: 1) описание / характеристика культурно-смыслового контекста элемента, 2) набор базовых психологических определений и моделей элемента, которые являются основой для аутодиагностики и аутокоррекции его состояния, 3) комплекс психотехник и упражнений для аутодиагностики и аутокоррекции элемента (на начальном уровне освоения технологии они в ряде случаев совпадают между собой), 4) базовая метафора (притча), раскрывающая природу и суть элемента, а также подборка историй/кейсов и афоризмов, связанных с данным элементом.

Базовый тренинг по сотерингу (индивидуальный, командный или групповой) занимает в среднем 14–16 часов (16 часов – в случае включения вводной теоретической части).

Механизм «потери психологической формы»/снижения личной эффективности. В сотеринге существует сформированное на основе многолетнего анализа случаев представление о механизме потери личной эффективности в профессиональной деятельности. На фоне ряда обстоятельств (утомление, физические/психологические/интеллектуальные перегрузки, травмы, болезни и т.п.) запускается процесс снижения «психологической формы». Первым очевидным симптомом являются трудности с концентрацией и распределением внимания (трудно удерживать фокус внимания на поставленной задаче).

Пример: возникла чрезвычайная ситуация в одном из значимых структурных подразделений: уволился ведущий специалист, под угрозой срыва оказалось выполнение ответственного задания. Руководитель подразделения немедленно занялся поиском замены ушедшему специалисту. Но внезапно он сам был экстренно госпитализирован. Возникшие кадровые и связанные с ними производственные проблемы пришлось решать руководителю организации, имевшему чрезвычайно плотный график, свой список приоритетов и ограничения по времени. Руководитель организации столкнулся в конкретном случае с трудностями распределения внимания и его концентрации именно на внезапно появившейся новой задаче. Задача приобрела «мерцающий» характер – то забывалась, то вновь вспоминалась – и с каждым разом руководитель организации обнаруживал, что «возвращение к вопросу» становится для него все труднее. Когда трудность работы с незапланированной задачей достигла отметки «максимальная», обнаружилось отсутствие желания возвращаться к очередной попытке эту задачу «быстро» решить. *Воля* ослабла и «отключилась». Следом утратила внутреннюю энергию *вера* в то, что эта задача в принципе решается в данных условиях за имеющееся время, уменьшилась *уверенность* в своих силах справиться с «дополнительной» задачей. Как только «отключилась» вера, немедленно исчезло *видение* того, что можно было бы сделать, какие еще действия предпринять, чтобы восстановить штатную работу подразделения. Соответственно, во временной график следующего дня эта задача не была включена и в структуре *времени* ближайшего периода работа над решением задачи уже не присутствовала. Ситуация завершилась своего рода потерей *власти* над одним из аспектов управления организацией, что

привело организацию в проблемное состояние, вызвав нарушения деятельности на участках, связанных с подразделением, лишившимся двух специалистов.

Таким образом, проблема, начавшаяся с субъективных трудностей распределения и концентрации внимания (управление собой), привела к объективным трудностям в деятельности всей организации и повлекла за собой ощутимые для нее потери.

Восстановление психологической формы в сотеринге. В логике сотериологической практики выход из сложившегося проблемного состояния связан с двумя основными стратегиями. Первая стратегия применяется в «аварийных» или катастрофических случаях, когда ситуация завершается «поражением» и надо все начинать сначала (например, инвалидность после тяжелой травмы). Это стратегия восстановления. Вторая стратегия применяется в стандартных условиях деятельности и связана с постановкой новой задачи. Это стратегия подготовки к выполнению новой задачи. Различие между ними определяется порядком активации и проработки элементов модели сотериологического круга.

Так, при использовании *стратегии восстановления* работа начинается с В6 (власть – восстановление контроля над собой), и далее следует работа над элементами В5 (время – определить время для восстановления), В4 (видение – сформировать образ себя в будущем), В3 (вера – укрепить веру в себя), В2 (воля – укреплять волю, совершая усилия) и В1 (внимание – сфокусироваться на определенных для себя задачах).

При использовании *стратегии подготовки* работа начинается с В1 (внимание), затем следует элемент В2 (воля) и далее В3 (вера), В4 (видение), В5 (время), В6 (власть).

Важно отметить, что существует предварительное условие для самостоятельного применения сотериологического алгоритма. Этим условием является прохождение базового тренинга по сотерингу и овладение в его рамках идеологией и технологией сотеринга.

Экспресс-версия самостоятельного применения военнослужащим технологии сотеринга (без участия психолога)

Рассмотрим случай использования экспресс-версии сотеринга, примененного для подготовки к выполнению сложной задачи.

Кейс 1. Применение стратегии подготовки к выполнению задачи

Описание ситуации. Лесная зона. Тяжелые погодные условия середины ноября на северо-западе страны. Невозможность использования наземных и воздушных транспортных средств. Перед сотрудником поставлена задача – преодолеть за световой день (ориентировочно 7 часов) пешком 25 километров по лесу, чтобы доставить в пункт назначения (экспедиционный лагерь) посылку (лекарство). Маршрут предполагает пересечение ряда препятствий – полузамёрзшую реку и болото.

Порядок применения психотехник сотериологического алгоритма и их описание

Работа выполняется в три этапа. *Первый этап* (проектирование) предназначен для мысленного проектирования (продумывания) применения сотериологического алгоритма для решения поставленной задачи. На этом этапе пользователь разрабатывает содержательное наполнение алгоритма и «размещает» это содержание «внутри» алгоритма. *На втором этапе* (репетиция) пользователь мысленно проигрывает/репетирует все действия модели сотериологического круга, его алгоритма с созданным содержанием. На этом этапе до автоматизма отрабатываются реперные точки психологической схемы выполнения задачи. *На третьем этапе* (применение) алгоритм «включается» для реального выполнения поставленной задачи в режиме постпроизвольного внимания.

Первый этап (проектирование)

Шаг 1: мысленно представить и назвать цель.

Пример: проползти по (тонкому) льду до (вмерзшего) куста.

Шаг 2: наполнить каждый из шести элементов модели сотериологического круга необходимым содержанием.

В-1. Концентрация внимания. Достигается за счет дыхательных упражнений.

Пример упражнения (выполняется в любом положении, в том числе при ходьбе): 1. Сделать вдох на четыре счета (четыре секунды). 2. Сделать выдох на шесть счетов (шесть секунд). 3. Повторить цикл «вдох (4 секунды) – выдох (6 секунд)» от трех до шести раз, меняя последнюю цифру на выдохе (10-20-30):

первый цикл: вдох (счет) 1-2-3-4, выдох (счет) 5-6-7-8-9-10;

второй цикл: вдох (счет) 1-2-3-4, выдох (счет) 5-6-7-8-9-20;

третий цикл: вдох (счет) 1-2-3-4, выдох (счет) 5-6-7-8-9-30.

Счет осуществляется мысленно. При шестом цикле последняя цифра – 60.

Результат: замедление пульса, обретение спокойствия, внутренняя собранность.

В-2. Активация воли. Достигается за счет использования мобилизующих команд/самоприказов.

Пример: создать и произнести формулу достижения/действия «Вперед, к кусту!», «Справлюсь!».

Результат: первичное состояние готовности к действию.

В-3. Усиление веры. Достигается за счет обращения к предыдущему успешному опыту решения схожих задач или «декомпозиции» действия на гарантированно выполнимые операции для укрепления уверенности в достижении цели.

Пример: зафиксировать зрительный образ местности и мысленно сказать: «(первое) – два метра вправо, (второе) – вперед до полыньи, (третье) – метр влево до куста». Вспомнить предыдущий успешный опыт (на весенней рыбалке смог проползти по тонкому льду к безопасному месту).

Результат: укрепление уверенности в выполнимости задачи за счет очевидной выполнимости ее элементов.

В-4. Генерация видения. Речь идет чаще всего об образе достижения, содержащем большое количество информации и имеющим высокую степень эмоционального насыщения. Достигается за счет переключения с внешнего образа ситуации на целостный внутренний образ ситуации.

Пример: увидеть одновременно цель, способ ее достижения, условия достижения (положительные и отрицательные) и полученный результат. Данное внутреннее действие представляет собой краткосрочное проживание всего процесса выполнения действий по достижению поставленной цели, а также полученного результата (напоминает известный тезис о том, что сначала надо «выиграть войну в голове»).

Результат: наличие ясности, снижение неопределенности в имеющейся ситуации, укрепление уверенности и готовности действовать благодаря простроенному шаблону выполнения задачи (начало-середина-конец).

В-5. Распределение времени и его замедление. Достигается за счет предварительного

расчета времени выполнения каждой операции («первое» – два метра вправо, (второе) – вперед до полыньи, (третье) – метр влево до куста». Счет может идти на секунды, поэтому для сохранения внутренней концентрации время «замедляется».

Пример: 1) распределение времени: два метра вправо – 10 секунд, вперед до полыньи – 60–90 секунд, метр влево до куста – 5 секунд. Всего – около двух минут. Наличие возможных остановок – 1 минута. Итого потребуется 3 минуты; 2) «замедление» времени выполняется различными способами. Например, за счет использования дыхательной техники или резервирования дополнительного времени на выполнение задачи.

Результат: обретение дополнительной ясности происходящего, осознание имеющегося ресурса времени и сил, чувство контроля за происходящим/чувство «управляемости» собой и ситуацией.

В-6. Фиксация чувства контроля и управляемости собой и ситуацией. В завершение алгоритмического цикла пользователю необходимо получить подтверждение, что он может управлять собой и своими действиями по решению поставленной задачи, и зафиксировать это в своем сознании. Достигается за счет «просмотра» – мысленного воспроизводства алгоритма и разработанного для него содержательного наполнения без установления временных ограничений (можно останавливаться, вспоминать, возвращаться на предыдущие шаги).

Пример: 1) цель – доползти до куста; 2) дышим: вдох (1-2-3-4), выдох (5-6-7-8-9-10); 3) «Вперед! Справлюсь!»; 4) помню на рыбалке я уже успешно прополз по таящему льду, дело знакомое; 5) образ достижения и чувства, связанные с результатом (мысленно увидеть себя рядом с кустом и почувствовать удовлетворение достигнутым результатом); 6) два метра вправо – 10 секунд, вперед до полыньи – 60–90 секунд, метр влево до куста – 5 секунд. Всего – около двух минут. Наличие возможных остановок – 1 минута. Итого потребуется 3 минуты. Не торопимся: вдох (1-2-3-4), выдох (5-6-7-8-9-10); 7) Готов. 3-2-1. Вперед!

Результат: обретение чувства власти над собой и над своими действиями в процессе выполнения задачи.

Второй этап (репетиция/отработка)

На данном этапе алгоритм, оснащенный требуемым содержанием, осваивается и авто-

матизируется за счет трехкратного повторения. Задача пользователя – запомнить последовательность из семи шагов. Она становится психологической опорой состояния готовности к выполнению поставленной задачи. Даже если в критический момент что-то не вспомнится, вспомнится фрагментарно или в измененной последовательности – это не помешает эффективно отработать свои действия по выполнению поставленной задачи, поскольку запоминается прежде всего «чувство возможности» решить задачу, уверенность в достижимости цели и наличия у себя нужных ресурсов. При наличии определенного навыка использования сотериологического алгоритма работа по его насыщению требуемым содержанием при подготовке к выполнению поставленной задачи занимает небольшое количество времени – порядка пяти–семи минут.

Третий этап (применение)

Второй этап плавно переходит в третий после успешного воспроизводства алгоритма на втором или третьем «репетиционном» круге, когда произносится заключительная команда (самоприказ) (в нашем примере это команда «Вперед!»).

Кейс 2. Применение стратегии восстановления психологической формы

Рассмотрим применение сотериологического алгоритма для решения задачи восстановления утраченной психологической формы также в экспресс-версии для самостоятельного использования. Для этого обратимся к ранее описанной ситуации, когда сотрудник должен был преодолеть по бездорожью двадцать пять километров, чтобы доставить лекарство в место назначения.

Описание ситуации. Задача по доставке была успешно выполнена. Но на обратном пути, пройдя 12 километров (примерно половину пути), сотрудник получает травму (ломает ногу). Ему нужно преодолеть оставшиеся 13 километров со сломанной ногой. Помимо физического вызова (нога), возникает неожиданный психологический вызов: поскольку помощь в данных условиях невозможна, удастся ли выжить в ноябрьской морозной глуши со сломанной ногой? Первая задача для сотрудника – это возвращение самообладания.

Порядок применения психотехник сотериологического алгоритма и их описание

Сотериологический алгоритм в подобной ситуации применяется пользователем в обрат-

ном предыдущему случаю порядке: В6 (власть), В5 (время), В4 (видение), В3 (вера), В2 (воля), В1 (внимание).

В-6. Восстановление власти (контроля) над собой (своими эмоциями, мыслями, целями). Необходимо: 1) оценить по специальной схеме оставшиеся в распоряжении ресурсы (физические, материальные и др.) и 2) ответить на вопрос о том, как человек собирается распорядиться этими ресурсами (варианты: бороться за жизнь и двигаться дальше; оставить «себя и своё» лесному зверью и т.д.), а также определить свою цель в сложившихся обстоятельствах. Далее необходимо определить стратегию достижения цели.

Пример: 1) Оценка своего состояния. Положительные аспекты: в порядке другие три конечности, ясная голова. Отрицательные аспекты: страх, что замерзну или не смогу оказать сопротивление волкам. 2) Оценка имеющихся ресурсов. Положительные аспекты: есть продукты и термос с чаем, зажигалка, нож, фонарик, мобильный телефон. Теплая одежда, исправная обувь, перчатки. Отрицательные аспекты: нет связи; тринадцать километров бездорожья; ночью нельзя идти; ночью будет сильный мороз. 3) Какова цель? – Преодолеть тринадцать километров пути со сломанной ногой. 4) Стратегия: чтобы двигаться дальше нужны либо костыли, либо сани, либо ползти на животе. Дополнительные положительные факторы: обратная дорога знакома. В какой-то точке появится и связь. Надо на эту точку выйти.

Результат: процедура оценки ресурсов и анализа ситуации будучи рациональным действием уводит эмоциональное состояние в фон. Проясняется понимание своей цели и своих шансов на ее достижение по принципу: «Пока есть я – есть цель. Пока есть цель – есть силы». Самообладание возвращено, власть над собой установлена.

В-5. Планирование времени. Выполняется за счет распределения пути на часовые отрезки.

Пример: Тринадцать километров ориентировочно можно пройти за тринадцать часов (один километр в час). Остановки на отдых могут занять два часа. Итого потребуются пятнадцать часов. В данном случае преодолеть все расстояние за световой день невозможно. Поэтому придется провести ночь в лесу (сколько часов, что делать).

Результат: распределение времени дает понимание и требуемых ресурсов – физических

и психологических, формирует готовность справиться с трудностями, которые удастся предусмотреть.

В-4. Видение себя в контексте своей ситуации и ее успешного разрешения. Выполняется за счет формирования целостного образа проживания всего периода движения по лесу и выхода к людям.

Пример: Представить место, где сотрудника ожидают его товарищи. «Увидеть» людей, их действия при встрече, обстановку и атмосферу лагеря, возможность позвонить родным. От этого образа, в обратном порядке, рассмотреть этапы маршрута до настоящей точки, в которой сотрудник находится в данный момент (от желательного к существующему состоянию). «Увидеть» одновременно весь маршрут, способности своего движения по нему и цель в виде ожидающих людей.

Результат: сформированный образ достижения.

В-3. Укрепление веры в свою способность справиться с задачей возвращения. Выполняется за счет применения правила «маленьких питающих дел». Для этого следует ответить себе на вопрос: что можно делать, чтобы укреплять веру в себя на маршруте?

Пример: «Я буду: 1) вести учет преодоленному расстоянию – считать метры и километры, отмечая результаты каждые тридцать минут, 2) делать согревающее дыхательное упражнение каждый час, 3) делать привал каждые полтора часа».

Результат: появление дополнительных организующих задач и действий структурирует внутреннюю реальность, переключает внимание на выполнение действий, завершающихся результатами, и укрепляет веру в свою способность преодолеть требуемое расстояние.

В-2. Воля. Укрепление воли осуществляется за счет использования отработанной ранее в тренинге модели волевого действия в полной или частичной версии. В последнем случае формулируется мобилизирующая установка, используемая как самоприказ.

Пример: Моя цель – дойти до базы. Я хочу это сделать, потому что меня ждут родные и товарищи. Я могу это сделать, потому что хорошо подготовлен и мотивирован. «Цель – база», «Я справлюсь!»

Результат: усиление воли за счет прояснения мотивации, создания и применения формулы самонастройки.

В-1. Внимание. Концентрация внимания на действии по преодолению первых пятидесяти метров. Достигается за счет применения дыхательного упражнения, которое завершается самоприказом.

Пример: 1. Сделать вдох на четыре счета (четыре секунды). 2. Сделать выдох на шесть счетов (шесть секунд). 3. Дать себе команду. Вдох (счет) 1-2-3-4, выдох (счет) 5-6-7-8-9-10. Команда «Пошел!»

Результат: сосредоточенность на конкретных простых действиях по прохождению маршрута и выполнение этих действий.

В процессе движения к пункту назначения по пересеченной местности будут встречаться известные и неизвестные препятствия. В этих случаях стратегия становится комбинированной: стратегия восстановления психологической формы дополняется стратегией подготовки к решению новой задачи. Такой задачей может стать и преодоление болотистого участка, и подготовка места для ночлега, и др.

Заключение

Технология сотеринга, в основе которой лежит модель «сотериологического круга» с алгоритмом оценки, восстановления и поддержания психологической формы в процессе решения служебных задач, осваивается в рамках сотериологического тренинга под руководством тренера-психолога. Для военнослужащих тренинг строится в метафоре *психологической «полосы препятствий»*. «Препятствиями» выступают нормативы для управления функциями внимания, воли, веры, видения, времени и власти. Тренинг может проводиться как с целью *обучения* (передачи технологии) военнослужащим, так и с *терапевтической* целью. Кроме того, сотеринг можно практиковать индивидуально и в группе с целью *поддержания* хорошей психологической формы.

Подготовка к выполнению служебно-боевых задач, и особенно восстановление психологической формы после ее утраты, являются достаточно трудоемким и продолжительным процессом, что учитывается технологией сотеринга. В полном объеме такая работа выполняется под руководством психолога в тренинг-зале, в штатных условиях деятельности.

Вместе с тем обстоятельства реальной профессиональной деятельности и военной службы

в частности, требуют разработки экспресс-методик для самостоятельного решения данных задач «в поле», где присутствие психолога невозможно. Именно эту цель преследуют представленные в данной статье экспресс-версии технологии сотеринга в виде сотериологического алгоритма работы над собой. Однако даже эти краткосрочные схемы самопомощи будут эффективны только после освоения базовой тренинговой программы (14–16 часов). Поэтому в экспресс-версиях алгоритм применяется на основе предварительного освоения тренинговой программы, что позволяет пользователю опираться на богатый смысловой и ассоциативный фундамент при использовании коротких формул и ключевых слов.

В реальных условиях внутренняя речь носит свернутый характер и не занимает столько времени, сколько требуется для ее текстовой передачи и воспроизводства, как, например, в данной статье. Самостоятельное применение алгоритма в экспресс-версии может занимать в среднем всего лишь пять минут, но требует от пользователя глубокого понимания того, что он делает и как он может при необходимости модифицировать алгоритм – переоснастить его другими техниками, использовать частями и т.п.

В представленном кейсе (стратегия подготовки к выполнению задачи) сотериологический алгоритм применялся несколько раз: перед самым началом выполнения поставленной задачи (40 минут), перед сложными препятствиями (3–5 минут) и во время краткого отдыха перед выходом на очередной отрезок маршрута (3 минуты).

Материал сотериологического тренинга в базовой версии изложен в «Практикуме по сотерингу» [19] и содержит подборку техник и упражнений для каждого элемента модели сотериологического круга. Техники можно брать не только из этого «Практикума», но и из любых других источников, а также конструировать их для конкретных пользователей.

К числу важных условий результативности технологии относятся: следование алгоритму (важно соблюдать порядок действий, зафиксированный алгоритмом) и соответствие техники индивидуальным особенностям пользователя (она должна быть удобна и эффективна для конкретного человека). Последнее обстоятельство является причиной того, что в сотеринге

комбинируется общая (стандартная) программа подготовки с индивидуальными запросами участников тренинга (подбираются или разрабатываются техники, понятные и удобные для конкретного пользователя).

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М. : Академический проект ; Трикста, 2007. 303 с. EDN: TMTZPT
2. Платон. Алкивиад // Платон. Диалоги: Алкивиад I, Горгий, Федон, Пир, Федр, Государство / пер. В. Н. Карпова. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2023. С. 5–60.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос / пер. с англ., нем., фр. ; под общ. ред., сост. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 284–311. EDN: QWQXJ
4. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2011. 432 с.
5. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб. : Степной ветер ; Коло, 2005. 448 с.
6. Иванченко Г. В. Забота о себе: история и современность. М. : Смысл, 2009. 303 с. EDN: QWVOWT
7. Андреев О. А., Хромов Л. Н. Тренировка внимания. Минск : Універсітэцкае, 1997. 205 с.
8. Канеман Д. Внимание и усилие. М. : Смысл, 2006. 287 с.
9. Ильин Е. П. Психология воли. СПб. : Питер, 2000. 288 с. EDN: TDTBKR
10. Теллис Дж., Голдер П. Воля и видение: как те, кто приходит позже остальных, в итоге заправляют рынками. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2005. 245 с.
11. Грановская Р. М. Психология веры. СПб. : Речь, 2004. 574 с. EDN: QXKQEZ
12. Зайверт Л. Ваше время – в ваших руках. М. : Экономика, 1990. 232 с.
13. Моргенстерн Дж. Тайм-менеджмент. Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью. М. : Добрая книга, 2001. 264 с.
14. Пфеффер Дж. Власть и влияние: политика и управление в организациях. М. : Издательский Дом «Вильямс», 2007. 503 с.
15. Угринович Д. М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. 352 с.
16. Эмуэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М. : МНПП «ЭСИ», 1994. 184 с.
17. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М. : Смысл, 2007. 380 с. EDN: QXHOET
18. Барабанщикова В. В. Модальность образной сферы как фактор оптимизации функционального состо-

яния профессионалов в процессе психологической саморегуляции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 27 с. EDN: NIJRX

19. Аксеновская Л. Н. Практикум по сотерингу : учебное пособие. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2022. 92 с.
20. Аксеновская Л. Н. Сотериологическая методика оценки уровня развития лидерских качеств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 1 (21). С. 38–52. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-1-38-52>, EDN: YNEBVR
21. Программа для сотериологической диагностики лидерских качеств: Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023616744 РФ / Л. Н. Аксеновская, А. А. Казачкова ; правообладатель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». № заявки 2023615978; регист. 02.04.2023; опубл. 02.04.2023. Бюлл. № 1. 10 с. EDN: HOKSWM

References

1. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model' organizatsionnoy kul'tury* [Order Model of Organizational Culture]. Moscow, Akademicheskij proekt, Triksta, 2007. 303 p. (in Russian). EDN: TMTZPT
2. Plato. Alcibiades. In: Plato. *Dialogi: Alkiviad I, Gorgiy, Fedon, Pir, Fedr, Gosudarstvo*. Per. V. N. Karpova [Dialogues: Alcibiades I, Gorgias, Phaedo, Symposium, Phaedrus, Republic. Trans. by V. N. Karpov]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023, pp. 5–60 (in Russian).
3. Foucault M. *L'herméneutique du sujet: Cours au Collège de France (1981–1982)*. Gallimard, 2001. 480 p. (Russ. ed.: Moscow, Progress, 1991, pp. 284–311. EDN: QWQXJ).
4. Fuco M. *Upravleniye soboy i drugimi. Kurs lektsiy, pročitanny v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The Government of Self and Others: Lectures at the Collège de France, 1981–1982]. St. Petersburg, Nauka, 2011. 432 p. (in Russian).
5. Hado P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Exercices spirituels et philosophie antique]. Moscow, St. Petersburg, Stepnoy veter, Kolo, 2005. 448 p. (in Russian).
6. Ivanchenko G. V. *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost'* [Self-care: History and modernity]. Moscow, Smysl, 2009. 303 p. (in Russian). EDN: QWVOWT
7. Andreev O. A., Khromov L. N. *Trenirovka vnimaniya* [Attention Training]. Minsk, Universitetskaya, 1997. 205 p. (in Russian).

8. Kaneman D. *Vnimanie i usilie* [Attention and Effort]. Moscow, Smysl, 2006. 287 p. (in Russian).
9. Ilyin Ye. P. *Psikhologiya voli* [Psychology of Volition]. St. Petersburg, Piter, 2000. 288 p. (in Russian). EDN: TDTBKR
10. Tellis J., Golder P. *Volya i videniye : kak te, kto prikhodit pozzhe ostal'nykh, v itoge zapravlyayut rynkami* [Will and Vision: How Latecomers End Up Ruling the Markets]. St. Petersburg, Stockholm School of Economics in St. Petersburg Publ., 2005. 245 p. (in Russian).
11. Granovskaya R. M. *Psikhologiya very* [Psychology of Faith]. St. Petersburg, Rech, 2004. 574 p. (in Russian). EDN: QXKQEZ
12. Zayvert L. *Vashe vremya – v vashikh rukakh* [Your Time Is in Your Hands]. Moscow, Ekonomika, 1990. 232 p. (in Russian).
13. Morgenstern J. *Taym-menedzhment. Iskusstvo planirovaniya i upravleniya svoim vremenem i svoey zhizn'yu* [Time Management. The Art of Planning and Managing Your Time and Your Life]. Moscow, Dobraya Kniga, 2001. 264 p. (in Russian).
14. Pfeffer J. *Vlast' i vliyaniye: politika i upravleniye v organizatsiyakh* [Power and influence: Politics and management in organizations]. Moscow, Izdatelskiy dom Vilyams, 2007. 503 p. (in Russian).
15. Ugrinovich D. M. *Psikhologiya religii* [Psychology of religion]. Moscow, Politizdat, 1986. 352 p. (in Russian).
16. Samuels A., Shorter B., Plaut F. A critical dictionary of Jungian analysis. London, New York, 1996. 182 p. (Russ. ed.: Samuels A., Shorter B., Plaut F. *Kriticheskiy slovar' analiticheskoy psikhologii K. Yunga*. Moscow, MNPP "ESI" Publ., 1994. 184 p.).
17. Leonova A. B., Kuznetsova A. S. *Psikhologicheskiye tekhnologii upravleniya sostoyaniyem cheloveka* [Psychological Technologies for Human State Management]. Moscow, Smysl, 2007. 380 p. (in Russian). EDN: QXXOET
18. Barabanshchikova V. V. *Modality of the imagery sphere as a factor in optimizing the functional state of professionals in the process of psychological self-regulation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. 2005. 27 p. (in Russian). EDN: NIJJRX
19. Akseovskaya L. N. *Praktikum po soteringu: uchebnoye posobiye* [Sotering: Practicum]. Saratov, Saratov State University Publ., 2022. 92 p. (in Russian).
20. Akseovskaya L. N. Soteriological methodology for assessing the level of leadership development. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, vol. 6, iss. 1 (21), pp. 38–52 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-1-38-52>, EDN: YHEBVR
21. Akseovskaya L. N., Kazachkova A. A. *Programma dlya soteriologicheskoy diagnostiki liderskikh kachestv: Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2023616744 RF*. Pravoobladatel' Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya "Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo", no. zayavki 2023615978; regist. 02.04.2023; opubl. 02.04.2023, Byull. no. 1. 10 s. EDN: HOKSWM [Akseovskaya L. N., Kazachkova A. A. Program for soteriological diagnostics of leadership qualities: Certificate of state registration of a computer program No. 2023616744 Russian Federation. Copyright holder Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky", no. of application 2023615978; reg. 02.04.2023; publ. 02.04.2023. Bulletin no. 1. 10 p. EDN: HOKSWM].

Поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 166–173

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 166–173

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-166-173>, EDN: NDNFGN

Научная статья

УДК 004:[331:159.923]

Личностные предикторы эмоционального выгорания специалистов ИТ-сферы

О. А. Кондрашихина ✉, А. И. Терентьева

Севастопольский государственный университет, Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Кондрашихина Оксана Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология», okskon66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6582-0582>

Терентьева Анна Игоревна, независимый исследователь, terentyeva.anna.igorevna@gmail.com

Аннотация. Введение. Существует научно и социально обусловленная потребность в выявлении личностных предикторов эмоционального выгорания ИТ-специалистов для разработки эффективных методов его профилактики и преодоления. **Теоретический анализ.** В возникновении эмоционального выгорания ИТ-специалистов существенную роль играют личностные факторы, однако анализ современных исследований показывает, что они определены недостаточно. **Эмпирический анализ.** Эмпирическое исследование проводилось на базе следующего инструментария: «Опросник профессионального выгорания для ИТ-специалистов» (Н. Е. Водопьянова, Э. В. Патраков, Л. Г. Бугулиев), «Пятифакторный опросник личности, 5PFQ» (Х. Tsuji, адаптация А. Б. Хромова), «Многомерная шкала перфекционизма» (Р. L. Hewitt, W. Mittelstaedt, R. Wollert, адаптация И. И. Грачёвой), «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк), «Шкала интолерантности к неопределённости» (М. H. Freeston, J. Rhéaume, H. Letarte, M. J. Dugas, R. Ladouceur, адаптация А. Ш. Тхостова, А. С. Нелюбиной, А. А. Разлуцкого, А. М. Мерзляковой). Выявлена роль личностных предикторов в возникновении эмоционального выгорания специалистов в области ИТ-технологий, которые образуют два кластера: факторы риска выгорания и протективные факторы. Наибольшую силу связи с показателями выгорания демонстрируют компоненты интолерантности к неопределённости и нейротизма. Регуляторные компетенции личности выступают буфером против выгорания. Кроме того, результаты демонстрируют, что интолерантность к неопределённости и дефицит навыков саморегуляции являются стержневыми сквозными предикторами, которые в значительной степени определяют развитие синдрома выгорания в целом. **Заключение.** На основе эмпирических данных предложена модель профессионального выгорания ИТ-специалистов.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, личностный, предиктор, специалист, информационные технологии, интолерантность к неопределённости, устойчивость

Для цитирования: Кондрашихина О. А., Терентьева А. И. Личностные предикторы эмоционального выгорания специалистов ИТ-сферы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 166–173. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-166-173>, EDN: NDNFGN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Personality predictors of burnout in IT professionals

О. А. Kondrashikhina ✉, А. I. Terentyeva

Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

Oksana A. Kondrashikhina, okskon66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6582-0582>

Anna I. Terentyeva, terentyeva.anna.igorevna@gmail.com

Abstract. Introduction. There is a scientifically and socially grounded need to identify the personal factors that contribute to emotional burnout in IT specialists in order to develop effective methods for its prevention and overcoming. **Theoretical analysis.** Personality factors play a significant role in the development of emotional burnout in IT specialists; however, an analysis of modern research shows that they have not been sufficiently defined. **Empirical analysis.** The empirical study was conducted using the following instruments: “Professional Burnout Questionnaire for IT Specialists” (N. E. Vodopyanova, E. V. Patrakov, L. G. Buguliev), “Five-Factor Personality Questionnaire, 5PFQ” (H. Tsuji, adapted by A. B. Khromov), “Multidimensional Perfectionism Scale” (P. L. Hewitt, W. Mittelstaedt, R. Wollert, adapted by I. I. Gracheva), “Style of Self-Regulation of Behavior” (V. I. Morosanova, N. G. Kondratyuk), “Scale of Intolerance to Uncertainty” (M. H. Freeston, J. Rhéaume, H. Letarte, M. J. Dugas, R. Ladouceur, adapted by A. Sh. Tkhostov, A. S. Nelyubina, A. A. Razlutsky, A. M. Merzlyakova). The role of personality predictors in the development of emotional burnout in IT specialists was identified. These predictors form two clusters: burnout risk factors and protective factors. The components of intolerance to uncertainty and neuroticism demonstrate the strongest correlation with burnout indicators. Regulatory

competencies act as a buffer against burnout. Furthermore, the results demonstrate that intolerance to uncertainty and a lack of self-regulation skills are core, cross-cutting predictors that significantly determine the development of burnout syndrome as a whole. **Conclusion.** Based on empirical data a model of professional burnout in IT specialists is proposed.

Keywords: emotional burnout, personal, predictor, specialist, information technology, intolerance to uncertainty, resilience

For citation: Kondrashikhina O. A., Terentyeva A. I. Personality predictors of burnout in IT professionals. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 166–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-166-173>, EDN: NDNFGN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Быстрое развитие цифровых технологий и рост числа специалистов в сфере информационных технологий (далее – ИТ-специалисты) приводят к увеличению значимости данной профессии. По данным главы Министерства цифрового развития, в информационной отрасли работают почти 740 тыс. человек. В связи с этим возрастает необходимость психологической поддержки ИТ-специалистов, направленной на сохранность и рост кадрового потенциала в отрасли. Во многих исследованиях установлена высокая распространенность профессионального выгорания среди ИТ-специалистов (по различным данным, от 66 до 84% специалистов сталкиваются с его признаками), что подтверждает актуальность проблемы. Существует реальная потребность в выявлении предикторов и специфических особенностей выгорания ИТ-специалистов для разработки эффективных методов его профилактики и преодоления.

Теоретический анализ

Работа в ИТ-сфере требует от специалистов постоянного самосовершенствования, изучения новых платформ и языков программирования, развития прогностических способностей. Деятельность в ИТ-сфере характеризуется уникальным сочетанием профессиональных стрессоров: высокие когнитивные нагрузки, необходимость постоянного обучения («истощение от циклического переучивания»), работа в условиях хронической неопределенности [1]. Кроме того, для успешной работы ИТ-специалистам необходимы высокие коммуникативные навыки, так как они часто работают над проектами в командах и взаимодействуют с заказчиками и посредниками. Все эти требования высокотехнологичной информационной отрасли могут стать источником напряжения для ИТ-специалистов, которые должны работать с полной самоотдачей и повышенной концентрацией внимания [2–4].

Это может привести к негативным проявлениям, которые негативно сказываются на работе не только отдельного специалиста, но и всей организации [5].

Проблема профессионального выгорания ИТ-специалистов в последние несколько лет активно изучается зарубежными (Е. Mellblom с соавторами [6], Т. R. Tulili с соавторами [7]) и отечественными (Н. Е. Водопьянова [2], О. О. Гофман с соавторами [3], А. Ф. Джумагулова с соавторами [4], Е. М. Корж, Ю. М. Нужненко [5]) учеными. Исторически зарубежные исследователи (например, С. Maslach с соавторами [8]) акцентировали внимание на эмоциональном истощении, деперсонализации и редукции личных достижений в социомических профессиях, разработав феноменологически-описательную трехфакторную модель. В то время как отечественные ученые (например, Н. Е. Водопьянова [2]) углубились в процессуально-механистический аспект, рассматривая выгорание как дисфункциональный стереотип эмоционального реагирования. И. А. Васильева с соавторами считают, что современное понимание интегративно и признают как трехкомпонентную структуру синдрома, так и его стадийное развитие [9]. В рамках диспозиционного подхода Н. Е. Водопьяновой, Е. А. Сабитовой установлено, что личностные особенности являются активными предикторами, модулирующими индивидуальную уязвимость к выгоранию [10]. Однако теоретический анализ выявил, что в то время как организационные факторы выгорания описаны достаточно полно [11], имеется существенный пробел в исследованиях, заключающийся в недостаточной изученности личностных предикторов выгорания в ИТ-среде.

Цель эмпирического исследования – выявление и проверка значимости комплекса личностных предикторов, определяющих индивидуальную уязвимость ИТ-специалистов к профессиональному выгоранию.

Методы. В эмпирической части были использованы следующие психодиагности-

ческие методики: «Опросник профессионального выгорания для ИТ-специалистов» (Н. Е. Водопьянова, Э. В. Патраков, Л. Г. Бугулиев) [12], «Пятифакторный опросник личности, 5PFQ» (Х. Tsuji [13], адаптация А. Б. Хромова [14]), «Многомерная шкала перфекционизма» (Р. L. Hewitt, W. Mittelstaedt, R. Wollert [15], адаптация И. И. Грачёвой [16]), «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк [17]), «Шкала интолерантности к неопределённости» (М. Н. Freeston, J. Rhéaume, H. Letarte, M. J. Dugas, R. Ladouceur [18], адаптация А. Ш. Тхостова, А. С. Нелюбиной, А. А. Разлуцкого, А. М. Мерзляковой [19]).

В исследовании принял участие 51 респондент – представители ИТ отдела компании г. Москвы, занимающиеся разработкой программного обеспечения. Средний возраст респондентов составил 33 года (диапазон от 23 до 51 года). Гендерный состав был сбалансирован: 53% женщин и 47% мужчин. Большинство участников состояли в браке (53%). В профессиональном аспекте выборка характеризовалась преобладанием специали-

стов технического профиля (developers) – 71%, в то время как специалисты управленческого профиля (project managers) составили 29%. По уровню квалификации распределение было следующим: Junior-специалисты (1–3 года опыта) – 25%, Middle-специалисты (4–6 лет) – 35%, Senior-специалисты (7+ лет) – 40%, что демонстрирует сбалансированное представление всех категорий специалистов. Что касается формата работы, большинство респондентов (61%) работали полностью удаленно, 39% – в гибридном формате. Данные характеристики свидетельствуют о репрезентативности выборки для исследования проблем профессионального выгорания в ИТ-сфере, поскольку охватывают специалистов разного возраста, пола, семейного положения, квалификационных уровней и форматов работы, характерных для современной ИТ-индустрии.

Полученные результаты. По опроснику профессионального выгорания для ИТ-специалистов Н. Е. Водопьяновой с соавторами [12] были получены данные исследуемой выборки специалистов ИТ-сферы (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Среднегрупповые показатели профессионального выгорания в выборке ИТ-специалистов
Average group indicators of professional burnout in a sample of IT specialists

Показатель	Стэны	Уровень
Эмоциональное истощение	3,9	Высокий
Деперсонализация	4,2	Высокий
Редукция персональных достижений	2,5	Средний
Интегральный показатель выгорания	10,6	Крайне высокий

Как видно из табл. 1, среднегрупповые показатели специалистов ИТ-сферы находятся в области крайне высокого уровня выгорания по интегральному показателю. По показателю «эмоциональное истощение» 53% респондентов находятся на очень высоком уровне, что свидетельствует о значительном дискомфорте и негативных эмоциях, связанных с их профессиональной деятельностью. Аналогичные показатели наблюдаются и в области деперсонализации, где 65% респондентов также демонстрируют очень высокий уровень. В отношении редукции персональных достижений 43% респондентов находятся на высоком уровне, что может проявляться в чувстве несправедливости

получаемого вознаграждения в соотношении с затратами на достижение профессиональных целей и обесценивании результатов.

Для оценки силы и направленности связей между личностными предикторами и уровнем профессионального выгорания был посчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). В табл. 2 представлены характеристики, имеющие статистически значимые корреляции с интегральным уровнем профессионального выгорания.

Наибольшую силу связи с интегральным показателем выгорания демонстрируют компоненты интолерантности к неопределенности. Такие аспекты, как «Неспособность действо-

Таблица 2 / Table 2

Статистически значимые ($p < 0.01$) коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (ρ) между личностными характеристиками и интегральным показателем профессионального выгорания в выборке ИТ-специалистов
Statistically significant ($p < 0.01$) Spearman rank correlation coefficients (ρ) between personal characteristics and the integral indicator of professional burnout in a sample of IT specialists

Личностные характеристики	Коэффициент корреляции ρ
Интолерантность к неопределенности	0,554
Неспособность действовать в ситуации неопределенности	0,564
Неспособность расслабиться	0,505
Источник стресса	0,552
Эмоциональная неустойчивость	0,427
Напряженность	0,454
Депрессивность	0,447
Помеха продуктивности	0,425
Общий уровень саморегуляции	-0,458
Моделирование условий	-0,509
Гибкость	-0,437
Настойчивость	-0,412

Примечание. В таблице представлены переменные, характеризующиеся тесной связью ($p \leq 0,01$).

Note. The Table shows variables with a strong correlation ($p \leq 0,01$).

вать в ситуации неопределенности» ($\rho = 0.564$) и «Интолерантность к неопределенности» ($\rho = 0.554$), показывают сильные положительные корреляции. Это означает, что именно склонность воспринимать неопределенность как парализующий, стрессогенный фактор в наибольшей степени сопряжена с высоким уровнем выгорания в ИТ-сфере. Эмоциональная неустойчивость также является значимым фактором риска. Показатели, относящиеся к нейротизму («Эмоциональная неустойчивость», «Напряженность», «Депрессивность»), демонстрируют устойчивые умеренные положительные корреляции ($\rho \sim 0.43-0.45$). Это подтверждает, что эмоциональная лабильность и склонность к переживанию негативного аффекта тесно связаны с развитием синдрома.

Регуляторные компетенции выступают буфером против выгорания. Выявлены устойчивые отрицательные корреляции умеренной и сильной силы. Наиболее защитную роль играет способность к моделированию условий

($\rho = -0.509$), т. е. умение анализировать обстоятельства и предвидеть результаты. Общий уровень саморегуляции, гибкость и настойчивость также демонстрируют умеренные отрицательные связи с выгоранием. Это указывает на то, что развитые навыки осознанного управления своей деятельностью являются важным личностным ресурсом, снижающим вероятность профессионального выгорания. Все выявленные предикторы образуют два четких кластера: факторы риска (положительные корреляции) и протективные факторы (отрицательные корреляции).

Дополнительный анализ корреляционных связей между личностными характеристиками и отдельными субшкалами – эмоционального истощения, деперсонализации и редукции персональных достижений – выявил важные специфические особенности. Интолерантность к неопределенности и дефицит навыков саморегуляции (низкие показатели по шкалам «Моделирование условий» и «Гибкость») являются стержневыми, сквозными предикторами,

которые в значительной степени определяют развитие всего синдрома выгорания в целом. Их устойчивые и статистически значимые корреляционные связи со всеми тремя компонентами подтверждают комплексный характер выгорания как системного нарушения адаптации. Эмоциональное истощение и деперсонализация демонстрируют схожие паттерны взаимосвязей с личностными предикторами. Эти два компонента имеют наибольшее количество устойчивых и статистически значимых корреляций (12 для эмоционального истощения и 17 для деперсонализации), что позволяет рассматривать их как две стороны одного каскадного процесса, связанного с реакцией на хронический стресс.

Наиболее мощным предиктором для обоих компонентов является интолерантность к неопределенности. Эмоциональное истощение показывает сильную положительную корреляцию с общей интолерантностью к неопределенности ($\rho = 0.557$) и неспособностью расслабиться ($\rho = 0.549$), деперсонализация – с общей интолерантностью ($\rho = 0.492$) и неспособностью действовать ($\rho = 0.489$). Это указывает на то, что в условиях быстро меняющейся ИТ-среды (постоянное обновление технологий, нечеткие требования, гибкие методологии) личная непереносимость неясности является ключевым пусковым механизмом, который истощает внутренние ресурсы, вызывает хроническое эмоциональное напряжение.

Второй группой предикторов, тесно связанных с обоими компонентами, является дефицит навыков осознанной саморегуляции поведения. Эмоциональное истощение и деперсонализация имеют сильные отрицательные связи с моделированием условий ($\rho = -0.513$ и $\rho = -0.563$) и гибкостью ($\rho = -0.465$ и $\rho = -0.523$), то есть неспособность адекватно прогнозировать риски, выстраивать планы и гибко адаптироваться к изменениям лишает специалиста эффективных инструментов совладания со стрессом, что приводит к истощению. Наконец, оба компонента связаны с эмоциональной неустойчивостью и напряженностью ($\rho \sim 0.37$).

В то же время редукция персональных достижений является качественно иным компонентом выгорания у ИТ-специалистов, отличающимся от эмоционального истощения и деперсонализации. Корреляционный анализ показывает, что редукция персональных до-

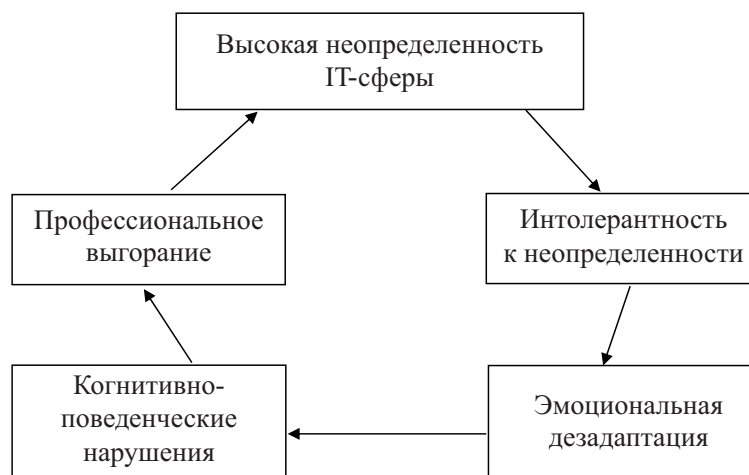
стижений имеет наименьшее количество и наименьшую силу значимых корреляционных связей с личностными переменными (всего 6). Более низкий уровень редукции достижений по сравнению с другими субшкалами выгорания, а также её слабая связь с другими личностными предикторами на данной стадии развития синдрома может указывать на два возможных варианта интерпретации.

1. Запаздывающий симптом: в модели С. Maslach с соавторами [8] редукция личных достижений часто проявляется позднее, чем эмоциональное истощение и деперсонализация. Возможно, представленные в выборке ИТ-специалисты находятся на такой стадии, где истощение ресурсов уже наступило, защитное отстранение (деперсонализация) включилось, но пока еще не произошло глубинного когнитивного сдвига в оценке собственной компетентности. ИТ-специалисты, даже выгорая, могут продолжать высоко ценить свои профессиональные навыки и достижения, что является их последним ресурсом и опорой.

2. Специфика ИТ-деятельности: объективно измеримые результаты работы (завершенный проект, работающий код, решенная задача) могут какое-то время служить источником положительного подкрепления и поддерживать самооценку даже на фоне нарастающего внутреннего опустошения, т. е. профессиональная идентичность и «Я-профессиональное» оказывают сопротивление деструктивному влиянию синдрома. Таким образом, редукция персональных достижений является не просто симптомом выгорания, а отражением внутреннего кризиса самоэффективности и профессиональной идентичности, который может развиваться параллельно с эмоциональным истощением и деперсонализацией.

В качестве обобщения результатов исследования предлагается эвристическая модель развития профессионального выгорания в ИТ-среде, которая включает следующие взаимосвязанные этапы (рисунок).

Высокая неопределенность ИТ-среды (пусковой механизм). Хотя данный фактор не измерялся напрямую в методиках, он является фундаментальным контекстуальным условием: ИТ-сфера характеризуется быстро меняющимися требованиями, технологиями, дедлайнами и высокой когнитивной нагрузкой, неопределенностью.

Эвристическая модель развития профессионального выгорания в ИТ-среде

Figure. Heuristic model of professional burnout development in the IT environment

Интолерантность к неопределенности (ключевой личностный фильтр/усилитель). Непереносимость неясности – мощнейший предиктор, теснее всего связанный с развитием синдрома. Не сама по себе неопределенность, а именно личная непереносимость ее выступает критическим фактором, который запускает каскад негативных процессов.

Эмоциональная дезадаптация (следствие и усилитель стресса). Можно заключить, что интолерантность к неопределенности закономерно ведет к хроническому стрессу, который проявляется в эмоциональной дезадаптации – повышенной тревожности, напряженности, лабильности настроения и эмоциональной истощенности.

Когнитивно-поведенческие нарушения (дисфункциональные стратегии совладания). Эмоциональная дезадаптация (тревога, напряжение) нарушает когнитивные функции. Снижается способность адекватно оценивать условия, предвидеть риски, гибко менять планы и регулировать свое поведение. Это приводит к неэффективным стратегиям совладания (например, гиперфокусировка в ущерб здоровью, избегание, прокрастинация), что истощает ресурсы еще больше.

Профессиональное выгорание (и его крайне высокая степень как итоговое состояние). Итогом этого каскада является качественный скачок – переход от «высокого» к «крайне высокому» уровню выгорания, который был зафиксирован в исследовании.

Необходимо добавить, что исследование носило пилотный, поисковый формат. Учитываемые определенные ограничения исследования (прежде всего, небольшой объем выборки) и связанные с этим затруднения в применении более сложных методов статистико-математического анализа результатов (к примеру, множественной регрессии для оценки уникального вклада каждого предиктора), для повышения устойчивости результатов в дальнейшем необходима репликация исследования на более крупной и репрезентативной выборке.

Заключение

Практическая ценность предлагаемой модели состоит в том, что она указывает на точки приложения для профилактики выгорания специалистов в ИТ-среде: развитие толерантности к неопределенности, тренировка эмоциональной устойчивости и формирование навыков гибкой саморегуляции. Важно подчеркнуть, что предложенная модель носит гипотетический характер и описывает вероятностные связи, логически выведенные из выявленных тенденций. Ее задача – не окончательное доказательство, а систематизация полученных результатов в целостную, проверяемую в будущем концептуальную схему, определяющую ключевые мишени для дальнейших исследований и профилактических вмешательств.

Ограничения исследования: представленный в статье корреляционный анализ, будучи мощным инструментом для выявления связей, не доказывает причинно-следственных отношений. Предложенная каузальная цепочка является логическим выводом, который требует дальнейшей проверки, в том числе на объемной выборке.

Список литературы

1. Андрющенко О. В., Бехтева Е. А. Профессиональное выгорание программистов в период пандемии и удаленной работы // Гуманитарный научный журнал. 2022. № 4-2. С. 8–15. EDN: LZQMSB
2. Водопьянова Н. Е. Выгорание – психологическая цена работы в субъект-регрессирующих цифровых средах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9, № 2. С. 36–64. https://doi.org/10.38098/ipran.opwr_2024_31_2_002, EDN: BRNYQY
3. Гофман О. О., Водопьянова Н. Е., Джумагулова А. Ф., Никифоров Г. С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // Организационная психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 117–144. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-117-144>, EDN: DBSQVA
4. Джумагулова А. Ф., Водопьянова Н. Е., Гофман О. О., Никифоров Г. С. Профессиографические особенности деятельности IT-специалистов как рискогенные факторы выгорания // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21, № 1. С. 220–241. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-1-220-241>, EDN: TMQPIK
5. Корж Е. М., Нужненко Ю. М. Проблема эмоционального выгорания в сфере информационных технологий // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сборник статей и тезисов (Москва, 26–27 апреля 2022 г.) / гл. ред. А. А. Панарин. М. : Московский психолого-социальный университет, 2022. № 8. С. 330–334. EDN: MOMRIY
6. Mellblom E., Arason I., Gren L., Torkar R. The Connection Between Burnout and Personality Types in Software Developers // IEEE Software. 2019. Vol. 36, № 5. P. 57–64. <https://doi.org/10.1109/MS.2019.2924769>
7. Tullil T. R., Capiluppi A., Rastogi A. Burnout in software engineering: A systematic mapping study // Information and Software Technology. 2023. Vol. 155. Art. 107116. <https://doi.org/10.1016/j.infsof.2022.107116>
8. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job Burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
9. Васильева И. А., Осипова Е. М., Петрова Н. Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 80–88. EDN: HUCTNN
10. Водопьянова Н. Е., Сабитова Е. А. Индивидуально-психологические детерминанты профессионального выгорания специалистов в области IT-разработки // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2024. Т. 23, № 3 (172). С. 34–41. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2024-23-3-34-41>, EDN: OIINF P
11. Ком А. С., Качина А. А. Профессиональное благополучие специалистов сферы информационных технологий // Организационная психология. 2024. № 1. С. 134–157. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2024-14-1-134-157>, EDN: VTJSCB
12. Водопьянова Н. Е., Патраков Э. В., Бугулиев Л. Г. Новая версия опросника профессионального выгорания для IT-специалистов // Перспективы науки и образования. 2023. № 6 (66). С. 424–439. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.25>, EDN: WRVYQK
13. Tsuji X. Standardization of the Five-Factor Personality Questionnaire // XXVI International Congress of Psychology. Montreal, Canada, 1996.
14. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 23 с.
15. Hewitt P. L., Mittelstaedt W., Wollert R. Validation of a measure of perfectionism // Journal of Personality Assessment. 1989. Vol. 53, iss. 1. P. 133–144. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa5301_14
16. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 73–81. EDN: HVNQXT
17. Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155–167. EDN: XLPKCR
18. Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. Why do people worry? Personality and Individual Differences. 1994. Vol. 17, № 6. P. 791–802. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)90048-5)
19. Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С., Разлуцкий А. А., Мерзлякова А. М. Апробация русскоязычной версии «Шкалы интолерантности к неопределённости» (IUS) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 4. С. 43–59. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-4-43-59>, EDN: XLRNUM

References

1. Andryushchenko O. V., Bekhteva E. A. Programmer burnout during the pandemic and remote work. *Humanitarian Scientific Journal*, 2022, no. 4, iss. 2, pp. 8–15 (in Russian). EDN: LZQMSB

2. Vodopyanova N. E. Burnout: The Psychological Cost of Working in Subject-Regression Digital Environments. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 2024, vol. 9, no. 2, pp. 36–64 (in Russian). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2024_31_2_002, EDN: BRNYQY
3. Gofman O. O., Vodopyanova N. E., Dzhumagulova A. F., Nikiforov G. S. The problem of professional burnout of specialists in the field of information technology: A theoretical review. *Organizational Psychology*, 2023, vol.13, no.1, pp. 117–144 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-117-144>, EDN: DBSQVA
4. Dzhumagulova A. F., Vodopyanova N. E., Gofman O. O., Nikiforov G. S. Professional characteristics of IT specialists as risk factors for burnout. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Peoples' Friendship University of Russia. University Bulletin. Series: Psychology and Pedagogy], 2024, vol. 21, no. 1, pp. 220–241 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-1-220-241>, EDN: TMQPIK
5. Korzh E. M., Nuzhenko Yu. M. The problem of emotional burnout in the field of information technology. In: Panarin A. A., ed. *Aktual'nye problemy sovremennoy Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo* [Panarin A. A., editor-in-chief. Current Issues in Modern Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management, and Law: Collection of articles and theses (Moscow, April 26–27, 2022)]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2022, no. 8, pp. 330–334 (in Russian). EDN: MOMRIY
6. Mellblom E., Arason I., Gren L., Torkar R. The Connection Between Burnout and Personality Types in Software Developers // *IEEE Software*, 2019, vol. 36, no. 5, pp. 57–64. <https://doi.org/10.1109/MS.2019.2924769>
7. Tulili T. R., Capiluppi A., Rastogi A. Burnout in software engineering: A systematic mapping study. *Information and Software Technology*, 2023, vol. 155, art. 107116. <https://doi.org/10.1016/j.infsof.2022.107116>
8. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job Burnout. *Annual Review of Psychology*, 2001, vol. 52, pp. 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
9. Vasileva I. A., Osipova E. M., Petrova N. N. Psychological aspects of the use of information technologies. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2002, no. 3, pp. 80–88 (in Russian). EDN: HUCTNN
10. Vodopyanova N. E., Sabitova E. A. Individual psychological determinants of professional burnout of IT development specialists. *Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2024, vol. 23, no. 3 (172), pp. 34–41 (in Russian). <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2024-23-3-34-41>, EDN: OIINFP
11. Kot A. S., Kachina A. A. Individual psychological determinants of professional burnout of IT development specialists. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 2024, no. 1, pp. 134–157 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2024-14-1-134-157>
12. Vodopyanova N. E., Patrakov E.V., Buguliev L. G. A new version of the professional burnout questionnaire for IT specialists. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 2023, no. 6 (66), pp. 424–439 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.25>
13. Tsuji X. *Standardization of the Five-Factor Personality Questionnaire. XXVI International Congress of Psychology*. Montreal, Canada, 1996.
14. Khromov A. B. *Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire: A teaching aid]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2000. 23 p. (in Russian).
15. Hewitt P. L., Mittelstaedt W., Wollert R. Validation of a measure of perfectionism. *Journal of Personality Assessment*, 1989, vol. 53, iss. 1, pp. 133–144. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa5301_14
16. Gracheva I. I. Adaptation of the “Multidimensional Perfectionism Scale” technique by P. Hewitt and G. Flett. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2006, vol. 27, no. 6, pp. 73–81 (in Russian). EDN: HVNQXT
17. Morosanova V. I., Kondratyuk N. G. Oprosnik V. I. Morosanovoy “Stil' samoregulyatsii povedeniya – STSB 2020”. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2020, no. 4, pp. 155–167 (in Russian). EDN: XLPKCR
18. Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. Why do people worry? *Personality and Individual Differences*, 1994, vol. 17, no. 6, pp. 791–802. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)90048-5)
19. Tkhostov A. Sh., Nelyubina A. S., Razlutsky A. A., Merzlyakova A. M. Testing the Russian-language version of the “Intolerance of Uncertainty Scale” (IUS). *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2022, vol. 15, no. 4, pp. 43–59 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-4-43-59>

Поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 12.03.2026
 The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–178

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–178

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-174-178>, EDN: LHLRIX

Научная статья

УДК [159.923.2:316.613]+821.111-343.4.09+929Уайльд

Нарративная типология стратегий управления стигматизированной идентичностью на материале сказок О. Уайльда

В. Е. Лебедева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лебедева Валерия Евгеньевна, аспирант кафедры психологии личности, lebedeva.valeriya99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4531-7189>

Аннотация. Введение. Обосновывается актуальность исследования стратегий управления стигматизированной идентичностью в контексте современных социальных вызовов, актуализирующих бинарную оппозицию «свой – чужой» в межличностных отношениях. Отмечается методологический дефицит проективных психодиагностических инструментов в отечественной психологии, направленных на изучение глубинных, не всегда осознаваемых личностью особенностей переживания социальной стигматизации и ее интернализации.

Теоретическая часть. На основе концепции стигматизированной идентичности и интернализации стигмы И. Гоффмана, нарративного подхода Д. П. МакАдамса обосновывается выбор сказок О. Уайльда в качестве эмпирического материала для построения нарративной типологии стратегий управления стигматизированной идентичностью. По результатам нарративного анализа сказок «Соловей и роза», «Великан-эгоист» и «День рождения Инфанта» выделены и содержательно описаны пять стратегий управления стигматизированной идентичностью: «Соккрытие стигматизированной идентичности», «Жертвенная сублимация», «Конфронтация с обществом», «Рефигурация стигматизированной идентичности» и «Отвержение стигматизированного Я». **Методы.** Основным методом выступил качественный нарративный анализ. **Заключение.** Разработанная нарративная типология восполняет методологический дефицит в области психодиагностики стигматизированной идентичности и стратегий управления ею, является теоретическим основанием для конструирования авторского проективного теста, направленного на диагностику стратегий управления стигматизированной идентичностью.

Ключевые слова: интернализация стигмы, стигматизированная идентичность, стратегии управления стигматизированной идентичностью, нарративный подход, типология

Для цитирования: Лебедева В. Е. Нарративная типология стратегий управления стигматизированной идентичностью на материале сказок О. Уайльда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–178. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-174-178>, EDN: LHLRIX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A narrative typology of stigmatized identity management strategies in Oscar Wilde's fairy tales

V. E. Lebedeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valeriia E. Lebedeva, lebedeva.valeriya99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4531-7189>

Abstract. Introduction. The relevance of studying stigmatized identity management strategies is substantiated in the context of contemporary social challenges that actualize the “us – them” binary opposition in interpersonal relationships. A methodological shortage of projective psychodiagnostic tools in Russian psychology is noted, specifically tools aimed at exploring the deep, not fully conscious features of experiencing social stigmatization and its internalization. **Theoretical part.** Drawing on E. Goffman's concept of stigmatized identity and stigma internalization, as well as D. P. McAdams' narrative approach, the choice of O. Wilde's fairy tales as empirical material for constructing a narrative typology is justified. Based on a narrative analysis of “The Nightingale and the Rose”, “The Selfish Giant”, and “The Birthday of the Infanta”, five strategies for managing stigmatized identity are identified and described: “Concealment of Stigmatized Identity”, “Sacrificial Sublimation”, “Confrontation with Society”, “Refiguration of Stigmatized Identity”, and “Rejection of the Stigmatized Self”. **Methods.** The primary method was qualitative narrative analysis. **Conclusion.** The developed narrative typology fills a methodological gap in the psychodiagnostics of stigmatized identity and its management strategies, serving as the theoretical foundation for constructing an original projective test aimed at diagnosing these strategies.

Keywords: stigma internalization, stigmatized identity, stigmatized identity management strategies, narrative approach, typology

For citation: Lebedeva V. E. A narrative typology of stigmatized identity management strategies in Oscar Wilde's fairy tales. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–178 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-174-178>, EDN: LHRLIX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современный мир отличается конфликтным характером своего развития: экономические, социальные и военно-политические кризисы становятся частью повседневного опыта многих социальных акторов. Растущее вследствие этого количество онтологических вызовов, стоящих перед личностью и обществом в целом, неизбежно актуализирует бинарную оппозицию «свой – чужой» в межличностных отношениях как на макро-, так и на микроуровнях. В подобных условиях социально-психологические механизмы аутгрупповой враждебности и ингруппового фаворитизма, как отмечает И. Гофман, могут способствовать стигматизации Других, отличающихся от социального большинства наличием определенного жизненного опыта (как правило, табуированного в конкретной социокультурной среде), общественно порицаемых личностных, конституциональных или иных характеристик [1].

Согласно В. С. Воронцовой и ее соавторам, деструктивное влияние социальной стигматизации на субъекта многогранно и может принимать различные формы: от социального исключения и институционализированной дискриминации до интернализации негативных социальных оценок [2]. На наш взгляд, интернализация стигмы представляет собой точку бифуркации в процессе формирования стигматизированной идентичности, что сопряжено с широким спектром негативных психологических последствий для индивида, включая деформацию самоотношения, рост тревожной и депрессивной симптоматики, а также проявления аутоагрессии [3].

Несмотря на очевидную значимость обсуждаемой проблемы для теоретической и практической психологии, диагностика стратегий управления стигматизированной идентичностью остается сложной и недостаточно разработанной методологической задачей. По замечанию П. К. Обуховой и О. В. Кожевниковой, традиционные самоотчетные методики не всегда позволяют проникнуть в глубинные, часто неосознаваемые слои переживаний индивида, связанные с травматическим опытом стигматизации [4].

В этой связи нам представляется перспективным нарративный подход, который, согласно Д. П. МакАдамсу, открывает доступ к субъективной реальности стигматизированного Я личности и позволяет реконструировать используемые ею стратегии управления стигматизированной идентичностью [5]. Художественные тексты, в частности, сказки, предоставляют уникальный материал для нарративного анализа идентичности, поскольку они в метафорической форме моделируют экзистенциальные ситуации встречи с собой и Другим, отвержения и поиска себя.

Особый интерес в данном контексте представляет творчество Оскара Уайльда, в сказках которого, как следует из работы Т. В. Данилиной, центральными фигурами нередко становятся персонажи, сталкивающиеся с отвержением Других из-за своей инаковости, физического несовершенства или социального положения [6]. На их основе нами сконструирована нарративная типология стратегий управления стигматизированной идентичностью, которая не только обогащает теоретические представления о природе стигмы, но и составляет теоретический фундамент для разработки и апробации нашего психодиагностического инструмента, что определяет актуальность данного исследования.

Цель исследования: разработка и теоретико-методологическое обоснование нарративной типологии стратегий управления стигматизированной идентичностью личности.

Теоретический анализ

В качестве материала для конструирования нарративной типологии стратегий управления стигматизированной идентичностью нами выбраны такие сказки О. Уайльда, как «Соловей и роза», «Великан-эгоист», «День рождения Инфанта». Выбор жанра сказки дает возможность реконструировать «идеальный тип» стратегии управления стигматизированной идентичностью, который может актуализировать у респондента процесс произвольной идентификации с персонажем и последующей проекции собственных личностных смыслов в предлагаемый нарративный контекст. Кроме

того, центральные персонажи сказок О. Уайльда – Соловей, Карлик, Великан – раскрываются через свою непохожесть на других, телесное несовершенство или социальное положение, становясь объектами насмешек, жалости или изоляции. Важно подчеркнуть, что О. Уайльд не просто фиксирует факт отвержения героев социумом, но и, как отмечает Т. В. Данилина, разворачивает перед читателем внутренний мир героя, его переживания и попытки осмыслить свою «инаковость» [6].

Выделение стратегий управления стигматизированной идентичностью осуществлялось посредством качественного нарративного анализа, опирающегося на понимание Д. П. МакАдамсом нарративной идентичности как истории о себе, которую личность «рассказывает» Другим, то есть создает и произвольно трансформирует для придания когерентности своему опыту [5]. Мы исходили из предположения о том, что стратегии управления стигматизированной идентичностью могут быть реконструированы как доминирующие нарративные паттерны – устойчивые способы выстраивания сюжета о себе и своих отношениях с миром в условиях переживания социальной стигматизации и ее интернализации. Охарактеризуем выделенные нами стратегии управления стигматизированной идентичностью и их репрезентацию в сказках О. Уайльда.

Первая стратегия – «Сокрытие стигматизированной идентичности» – представляет собой попытку индивида контролировать распространение информации о своей стигме, поддерживая иллюзию «нормальности» и безупречный публичный образ. Данная стратегия соответствует положению «дискредитируемого» в терминологии И. Гоффмана, при котором стигма личности не является очевидной для окружающих и основной задачей становится предотвращение ее раскрытия Другим [1]. В сказке «День рождения Инфанты» Карлик долгое время пребывает в неведении относительно своего уродства, что позволяет ему чувствовать себя счастливым. Трагедия разворачивается в момент разрушения иллюзии неведения при встрече с зеркалом, символизирующим жестокий и осуждающий взгляд Другого.

Вторая стратегия – «Жертвенная сублимация». Это стратегия, при которой субъект переосмысливает свою стигму и связанное с ней страдание как знак избранности, «плату» за высшие ценности – любовь, красоту, истину.

Психологическим механизмом здесь выступает трансформация боли в творческий акт или духовную ценность, поиск позитивного смысла в негативном опыте. Наиболее ярко эта стратегия представлена в сказке «Соловей и роза». Жертва Соловья, отдающего жизнь за рождение алой розы – символа совершенной любви, – сублимируется, его гибель обретает высокий смысл, хотя и не признается адресатом (Поэтом).

Третья стратегия – «Конфронтация с обществом». Данная стратегия характеризуется активным обличением лицемерия общества, инверсией стигмы, то есть в субъективном восприятии личности «клеймо» переносится с себя на осуждающее большинство. Это агрессивная защита, реализуемая через обвинение Других и попытку разрушить легитимность стигматизирующих норм. В сказке «Великан-эгоист» изначальная позиция главного героя содержит именно такой паттерн: он изгоняет детей из своего сада, протестуя против вторжения в его личное пространство и защищая свои границы от «чужих». Его эгоизм и закрытость – это способ противостояния миру, который может его не принять.

Отметим, что данную стратегию можно интерпретировать и иным образом. В рассматриваемом сюжете общество в лице детей еще не успело проявить стигматизирующего отношения к Великану (предположительно, оно существует в его субъективном представлении). Более того, дети стремятся играть в его саду, воспринимая сад как часть привычного и желанного пространства своей жизни. В этом контексте изгнание детей из сада может быть понято не столько как реакция на уже пережитую стигматизацию, сколько как превентивная защитная реакция, основанная на глубинном страхе перед вторжением в личное пространство и потенциальным отвержением. Великан сам стигматизирует Других как «чужих», проецируя на них собственную тревогу и тем самым инициируя процесс самоизоляции.

В таком ракурсе анализа обсуждаемую стратегию можно рассматривать в качестве проактивной стигматизации, при которой личность, предвосхищая возможное «клеяние» со стороны социума, первой выстраивает барьер между ним и собой, конструируя образ Другого как угрожающего и враждебного. Подобное расширение интерпретации данной стратегии управления стигматизированной идентичностью позволяет рассматривать конфронтацию

с обществом не только как ответ на уже состоявшуюся стигматизацию, но и как способ совладания с потенциальной угрозой идентичности, реализуемый через гиперконтроль личностных границ и превентивное отвержение окружающих до того, как они смогут отвергнуть самого субъекта.

Четвертая стратегия – «Рефигурация стигматизированной идентичности». Ее психологическое содержание заключается в преодолении индивидом изоляции через принятие ответственности, установление подлинной связи с Другими и нахождение нового основания для построения своей идентичности. Трансформация Великана в одноименной сказке является наглядным примером использования этой стратегии: раскаяние и приглашение детей в сад символизируют исцеление субъекта через любовь и солидаризацию с Другими, обретение новой, более зрелой идентичности.

Пятая стратегия – «Отвержение стигматизированного Я». Согласно В. С. Воронцовой и ее соавторам, это крайняя форма интернализации стигмы, выражающаяся в полном неприятии собственного «Я» и ведущая к глубокому экзистенциальному кризису [2]. Субъект принимает негативные социальные оценки как единственную и неопровержимую истину о себе, что может сопровождаться аутоагрессией и саморазрушением. Финал «Дня рождения Инфанты» является метафорой такой «психологической смерти» личности: Карлик, осознав свое уродство в глазах Инфанты и придворных, не выдерживает этого знания и умирает от «разрыва сердца», что можно интерпретировать как смерть идентичности, неспособной интегрировать в свою структуру стигматизированное Я.

Выделенные стратегии не являются взаимоисключающими в реальной жизни индивида, однако в разных фрагментах сказок О. Уайльда они предстают в относительно «чистом» виде, что позволяет операционализировать их для психодиагностических целей.

Заключение

Проведенное исследование было направлено на разработку и теоретико-методологическое обоснование нарративной типологии стратегий управления стигматизированной идентичностью личности. На материале сказок О. Уайльда посредством качественного нарративного

анализа были реконструированы и содержательно описаны пять стратегий управления стигматизированной идентичностью: «Скрытие стигматизированной идентичности», «Жертвенная сублимация», «Конфронтация с обществом», «Рефигурация стигматизированной идентичности» и «Отвержение стигматизированного Я».

Научная новизна работы заключается в восполнении существующего методологического дефицита в современной отечественной психодиагностике, поскольку в настоящее время отсутствуют теоретически обоснованные и валидные русскоязычные инструменты для диагностики стигматизированной идентичности и стратегий управления ею.

Практическая значимость исследования определяется тем, что сконструированная типология является теоретическим фундаментом для разработки и апробации авторского проективного теста для нарративной диагностики стратегией управления стигматизированной идентичностью. Выделенные стратегии задают содержательные критерии для конструирования стимульного материала, определяют систему интерпретации ответов испытуемых и обеспечивают содержательную валидность будущего инструмента.

Список литературы

1. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice-Hall, 1964. 147 p.
2. *Воронцова В. С., Шуненков Д. А., Иванова Е. М., Пичугина И. М., Ениколопов С. Н.* Русскоязычная адаптация опросника интернализированной стигмы психического состояния (самостигматизации) ISMI-9 // Неврологический вестник. 2019. Т. 51, № 4. С. 29–33. EDN: LGMVTG
3. *Лебедева В. Е.* Самостигматизация как модератор связи идентичности и симптомов посттравматического стресса у женщин, переживших сексуальное насилие // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика : материалы конференции (Москва, 22–23 мая 2025 г.). М. : Институт психологии РАН, 2025. С. 363–369. EDN: KRJQXW
4. *Обухова П. К., Кожевникова О. В.* К вопросу о разработке и использовании проективных методов изучения личности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 677–685. EDN: WEUPDN
5. *McAdams D. P.* The Stories We Live By: Personal Myths and the Making of the Self. New York : Guilford Press, 1993. 336 p.

6. Данилина Т. В. Этическое и эстетическое в проблематике сказок Оскара Уайльда и его романа «Портрет Дориана Грея» // Фольклор в контексте современной культуры. Юдинские чтения – 2005 : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 22 декабря 2005 г.). Курск : Курский государственный университет, 2006. С. 86–88. EDN: YPGLSV

References

1. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs (N. J.), Prentice-Hall, 1964. 147 p.
2. Vorontsova V. S., Shunenkov D. A., Ivanova E. M., Pichugina I. M., Enikolopov S. N. Russian-language adaptation of the Internalized Stigma of Mental Illness (self-stigma) questionnaire ISMI-9. *Nevrologicheskii vestnik = Neurological Bulletin*, 2019, vol. 51, no. 4, pp. 29–33 (in Russian). EDN: LGMVTG
3. Lebedeva V. E. Self-stigmatization as a moderator of the connection between identity and post-traumatic stress symptoms in women who have experienced sexual violence. In: *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: metodologiya, teoriya, praktika: materialy konferentsii* [Psychology of Post-Traumatic Stress: Methodology, Theory, Practice: Conference Proceedings (Moscow, May 22–23, 2025)]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2025, pp. 363–369 (in Russian). EDN: KRJOXW
4. Obukhova P. K., Kozhevnikova O. V. On the development and use of projective methods in personality research. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice], 2019, no. 1 (3), pp. 677–685 (in Russian) EDN: WEUPDN
5. McAdams D. P. *The Stories We Live By: Personal Myths and the Making of the Self*. New York, Guilford Press, 1993. 336 p.
6. Danilina T. V. Ethical and aesthetic in the problems of Oscar Wilde's fairy tales and his novel «The Picture of Dorian Gray». In: *Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury. Yudinskie chteniya – 2005: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Folklore in the context of Modern Culture. Yudin Readings – 2005: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kursk, December 22, 2005)]. Kursk, Kursk State University Publ., 2006, pp. 86–88 (in Russian). EDN: YPGLSV

Поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 12.03.2026

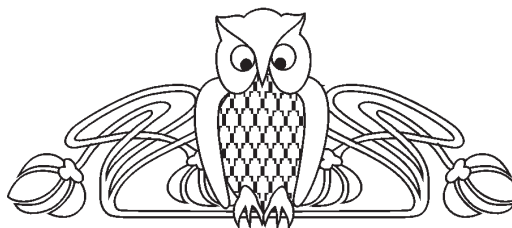

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 179–184
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 179–184
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-179-184>, EDN: QZUWAP

Научная статья
УДК 343.83:[331:316.752]+159.923]

Карьерные ориентации сотрудников уголовно-исполнительной системы: региональный аспект

Е. И. Ярошенко

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1

Ярошенко Елена Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, yaroshenko.e.i@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-3394>

Аннотация. Введение. В условиях растущих требований к профессиональной компетентности, устойчивости к стрессу и адаптивности персонала проблема осознанного и целенаправленного построения профессиональной карьеры приобретает особую актуальность. Целью исследования стало выявление доминирующих типов карьерных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от возраста, а также определение факторов, влияющих на выбор карьерной стратегии. **Эмпирический анализ.** Проведен психодиагностический опрос 100 сотрудников различных подразделений с использованием опросника «Якоря карьеры» Э. Шейна (в адаптации Л. Г. Почебут и В. А. Чикер). Результаты показали, что основными ориентирами в профессиональной деятельности сотрудников являются стремление к стабильности, преданность служебному долгу, а также баланс между личной жизнью и работой. **Заключение.** Подчеркивается значимость педагогического сопровождения карьерного развития в уголовно-исполнительной системе, предлагаются рекомендации по оптимизации кадровой политики, построению системы карьерного консультирования, наставничества и мотивационной поддержки персонала. Полученные данные могут быть использованы в практике кадровой службы, в системе повышения квалификации и профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: карьерные ориентации, якоря карьеры, сотрудники уголовно-исполнительной системы, профессиональное развитие, удовлетворенность трудом, мотивация

Для цитирования: Ярошенко Е. И. Карьерные ориентации сотрудников уголовно-исполнительной системы: региональный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 179–184. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-179-184>, EDN: QZUWAP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Career orientations of penal system employees: A regional aspect

E. I. Yaroshenko

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 15 A1 Narvskaya St., Moscow 125130, Russia

Elena I. Yaroshenko, yaroshenko.e.i@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-3394>

Abstract. Introduction. In the context of growing demands for professional competence, stress resistance, and adaptability of personnel, the problem of conscious and purposeful professional career building becomes particularly relevant. The aim of the research was to identify the dominant types of career orientations among penal system employees depending on their age, as well as to determine the factors influencing the choice of career strategy. **Empirical analysis.** As part of the empirical stage of the work, a psychodiagnostic survey of 100 employees from various departments was conducted using E. Schein's Career Anchors questionnaire (adapted by L. G. Pochebut and V. A. Chiker). The results showed that the main guidelines in the professional activities of employees are the desire for stability, dedication to official duty, as well as a balance between personal life and work. **Conclusion.** The article emphasizes the importance of pedagogical support for career development in the penal system, offers recommendations for optimizing personnel policy, building a system of career counseling, mentoring, and motivational support for personnel. The data obtained can be used in the practice of personnel services, in the system of advanced training and professional development of penal system employees.

Keywords: career orientations, career anchors, penal system employees, professional development, job satisfaction, motivation

For citation: Yaroshenko E. I. Career orientations of penal system employees: A regional aspect. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 179–184 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-179-184>, EDN: QZUWAP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации представляет собой специфическую институциональную среду, характеризующуюся высокой степенью нормативной регуляции, строгой иерархией и социальной значимостью выполняемых функций. В условиях усиливающейся нагрузки на персонал, растущих требований к профессиональной компетентности и устойчивости возрастает значение изучения карьерных ориентаций сотрудников как элемента формирования устойчивой профессиональной идентичности и эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) в целом.

Карьерные ориентации отражают направленность личности на определенный тип профессиональной реализации и тесно связаны с ценностными установками, мотивацией труда и уровнем профессиональной адаптации. В контексте УИС анализ карьерных ориентаций позволяет выявить скрытые ресурсы персонала, снизить текучесть кадров и повысить эффективность профессионального сопровождения.

Теоретический анализ

С точки зрения Л. Почебут и В. Чикер, карьера – это «успешное продвижение в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности, род занятий, профессия» [1, с. 196].

В конце XX века в социологии получили развитие теории социальных детерминант карьеры [2, с. 8–29]. В современной науке особое внимание уделяется анализу различных аспектов карьерного роста: изучаются мотивационные факторы, карьерные ориентации, результативность работы, уровень подготовленности, личностный потенциал и профессиональная компетентность сотрудников.

Профессиональная деятельность регулируется тремя основными группами мотивов: мотивами собственно трудовой деятельности, мотивами профессионального выбора и мотивами трудоустройства. Под мотивом следует понимать совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают ее направленность [3, с. 245]. При этом мотив является сознательно сформированным, понятийно оформленным побуждением к достижению цели.

Ш. Ричи и П. Мартин считают сущностью мотивации удовлетворение потребностей человека в процессе работы [4].

Е. П. Ильин отмечает, что для мужчин наиболее важным является содержание и социальная значимость работы, ее разнообразие, возможность творческого подхода к работе. Для женщин наиболее важны психологический климат, условия труда, размер заработной платы [5].

Оценочное отношение к своей профессии определяют индивидуальные для каждого человека цели и социальные установки, на которых основываются карьерные ориентации. Они представляют собой важный элемент структуры индивидуальной карьеры, выступая в роли регулятора профессионального развития и инструмента достижения целей через определенные модели поведения.

Согласно теории Э. Шейна, карьерные ориентации (или якоря карьеры) являются ключевым компонентом профессиональной «Я-концепции». Они формируются в процессе социализации и накопления профессионального опыта на начальных этапах карьеры, обеспечивая ее управление, стабилизацию и интеграцию. Со временем эти ориентации укрепляются, позволяя прогнозировать наиболее подходящий для человека тип карьерного пути.

Выделяются следующие основные типы карьерных ориентаций:

- *профессиональная компетентность* – стремление к мастерству в определенной сфере, желание признания профессиональных достижений и соответствующего статуса;
- *менеджмент* – ориентация на руководящие позиции, желание координировать работу других и нести ответственность за результат;
- *автономия* – потребность в независимости, самостоятельности в работе, нежелание подчиняться организационным ограничениям;
- *стабильность работы* – стремление к надежному месту работы с социальными гарантиями;
- *стабильность места жительства* – приоритет работы без необходимости переездов;
- *предпринимательство* – желание создавать новое, применять творческий подход, независимость в профессиональной деятельности;
- *служение* – стремление помогать другим, решать социальные проблемы, соответствовать личным ценностям;

– вызов – потребность в решении сложных задач, преодолении препятствий;

– интеграция стилей жизни – стремление к балансу между профессиональной деятельностью и личной жизнью, сохранению личного времени.

Эмпирический анализ

Исследование проводилось в учреждениях УФСИН России по Саратовской области в период с января по апрель 2025 года. Выборку составили 100 сотрудников уголовно-исполнительной системы в возрасте от 20 до 55 лет.

Цель настоящего исследования – установить доминирующие карьерные ориентации у сотрудников УИС в зависимости от возраста, а также определить факторы, влияющие на выбор карьерной стратегии.

Гипотеза исследования – карьерные ориентации сотрудников уголовно-исполнительной системы имеют выраженную возрастную специфику, при этом доминирующими являются ориентации на стабильность работы, профессиональную компетентность и служение.

Методы исследования: беседа, анкетирование, опрос, методика «Якоря карьеры» Э. Шейна (в адаптации Л. Г. Почебут и В. А. Чикер). С целью установления достоверных различий между группами применялся U-критерий Манна–Уитни.

С целью установления закономерностей проявления карьерных ориентаций было произ-

ведено деление выборки на возрастные группы. К возрастной группе 20–25 лет относится 41,4% испытуемых, 25–35 лет и 35–50 лет – 24,1%, 50 лет и старше – 10,4%. Все сотрудники имеют высшее образование.

Результаты и их обсуждение

По результатам беседы и анкетирования сотрудников УИС установлено, что профессиональный рост и материальное благополучие является главными мотивационными факторами для подавляющего большинства опрошенных – 72%. Продвижение по службе как карьерная цель обозначено у 59% опрошенных.

Ориентация на служение – одна из важных составляющих карьерной мотивации в УИС – установлена у 62% сотрудников, отражает ценностную направленность на выполнение долга, правозащитную функцию.

Ориентация на профессионализм и компетентность характерна для 19% опрошенных, чаще всего среди сотрудников, вовлеченных в аналитическую или педагогическую деятельность в системе.

Проведенное исследование с использованием опросника «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации Л. Г. Почебут и В. А. Чикер [1] показало, что для сотрудников УИС в большей степени характерна ориентированность на стабильность работы, интеграцию стилей и служение (таблица). Выбранные карьерные ориентации показывают стремление работать в надежной

Средние значения выраженности показателей карьерных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы

Table. Average values of the intensity of career orientation indicators among employees of the penal system

Карьерная ориентация	Группы сотрудников по возрастному диапазону			
	1 (20–25 лет)	2 (25–35 лет)	3 (35–50 лет)	4 (50 +)
Профессиональная компетентность	5,5	4,6	5,9	4,9
Менеджмент	5,5* ⁴	6,1*⁴	3,9	1,9* ^{1,2}
Автономия	5,4	6,8	5,2	5,6
Стабильность работы	8,1	9,3	9,1	10,00
Стабильность места жительства	3,6* ⁴	4,4	4,8	6,5*¹
Служение	7,1	5,9	7,2	6,8
Вызов	5,0	5,1	4,9	3,1
Интеграция стилей	6,7	6,9	7,1	8,1
Предпринимательство	4,7	5,2* ⁴	3,3	2,9* ²

Примечание. * – достоверные различия показателей в строках при $p \leq 0,05$; ^{1, 2, 3, 4} – номера групп, с которыми установлены различия; жирным шрифтом выделены доминирующие карьерные ориентации.

Note. * – significant differences in indicators across rows at $p \leq 0,05$; ^{1, 2, 3, 4} – group numbers with which the differences were identified; dominant career orientations are highlighted in bold.

организации, оказывать помощь социуму с получением удовлетворения результатами своей работы и поддерживать при этом баланс между работой и личным временем.

В возрастной группе 25–35 лет помимо указанных выше карьерных ориентаций высокий показатель установлен по якорям «автономия» и «менеджмент», что указывает на стремление испытуемых к независимости, карьерному росту и управлению другими людьми.

Для сотрудников в возрасте от 35 до 50 лет еще одной доминирующей карьерной ориентацией является «Профессиональная компетентность», что указывает на значимость профессиональной самореализации работников УИС данного возраста.

Карьерная ориентация «стабильность места жительства» наиболее представлена у сотрудников УИС старше 50 лет, что является фактором риска смены профессии при наличии служебных командировок и возможности переезда в другой населенный пункт.

Применение U-критерия Манна – Уитни позволило установить достоверные различия в возрастных группах по таким ориентациям, как менеджмент, стабильность места жительства и предпринимательство (см. таблицу).

Усиление ориентации на стабильность места жительства у сотрудников старше 50 лет может быть связано с сужением круга социальных контактов, нежеланием устанавливать новые взаимоотношения и менять привычный образ жизни. Также в данной возрастной группе наблюдается снижение интереса к профессиональным вызовам, что проявляется в уменьшении показателей по соответствующей карьерной ориентации.

Анализ результатов исследования карьерных ориентаций сотрудников УИС в старших возрастных группах позволяет проследить закономерности, которые связаны с процессом профессиональной деформации. Особенно ярко это проявляется в ориентации на стабильность работы, преобладающей у сотрудников со стажем службы более 10 лет (52%). Для данной категории характерны высокая ценность гарантированной занятости, социальной защищенности, предсказуемости профессионального роста. Такое стремление можно рассматривать как защитную реакцию, связанную со страхом профессиональной дезадаптации и снижением уверенности в собственных силах.

Примечательно также снижение показателей по ориентации «Менеджмент» среди сотрудников старшего возраста, что может свидетельствовать об утрате лидерских качеств и инициативности. Данные проявления часто сопровождают процесс эмоционального (профессионального) выгорания, который постепенно охватывает работников с большим стажем службы [7, 8].

Обсуждение и рекомендации

У сотрудников УИС установлены доминирующие карьерные ориентации, такие как стабильность работы, интеграция стилей жизни, что соотносится с результатами исследования Ю. В. Бадалян, Л. З. Гостевой, проведенном на работниках вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации [9]. Таким образом, можно выделить общую черту, характерную для сотрудников силовых структур, – это потребность в безопасности, стабильности профессиональной деятельности и сбалансированности различных аспектов жизни.

Якорь «стабильность места жительства» у работников УИС не является доминирующим, что является отражением особенностей службы, поскольку их профессиональная деятельность требует мобильности, что согласуется с результатами исследования О. С. Михно, проведенном на военных курсантах [10].

Изменения карьерных ориентаций сотрудников УИС в старших возрастных группах, а именно снижение интереса к профессиональным вызовам, предпринимательству и менеджменту согласуются с общепризнанными признаками профессиональной деформации в уголовно-исполнительной системе, включающими формализацию подхода к работе, снижение жизненной активности и сужение социальных связей. Выявленные особенности карьерных ориентаций в старших возрастных группах выступают своеобразными индикаторами происходящих профессиональных изменений, что требует своевременной психологической диагностики и профилактических мероприятий.

Полученные результаты подчеркивают необходимость развития программ профессиональной реабилитации и индивидуальной работы с сотрудниками, позволяющей предотвратить

негативные последствия профессиональной деформации и сохранить эффективность кадрового состава уголовно-исполнительной системы.

Перечислим факторы, влияющие на карьерные ориентации сотрудников УИС.

Организационная культура УИС. Жесткая иерархия и регламентированность процессов стимулирует ориентацию сотрудников на карьерный рост, продвижение по службе. Четкая субординация и строгое распределение полномочий создают определенные рамки для профессионального развития, где каждый шаг карьерного роста регламентирован и предсказуем. Это формирует у сотрудников устойчивую ориентацию на стабильность и последовательное продвижение по служебной лестнице. Нормативная регуляция деятельности сотрудников УИС определяет четкие границы профессионального поведения и карьерных возможностей. Правовой статус сотрудников накладывает дополнительные ограничения и обязательства, которые отражаются на их карьерных ориентациях. Осознание ответственности за принимаемые решения формирует ориентацию на профессиональную компетентность. Наличие властных полномочий усиливает стремление к управленческой карьере. Специальные требования к служебному поведению способствуют развитию ориентации на стабильность и служение.

Риски профессии. Высокий уровень стресса и ответственности усиливает потребность сотрудников УИС в стабильности.

Образовательные программы и курсы повышения квалификации формируют ориентацию на профессиональное развитие.

Возрастные различия. Молодые сотрудники чаще стремятся к автономии, инновациям, опытные – к сохранению существующего положения, стабильности. Молодежь отличается стремлением делать все по-своему, проявлять лидерские качества, тогда как взрослое поколение придерживается работы в коллективе и принимает совместное решение важного вопроса.

Психолого-педагогическая поддержка карьерного развития сотрудников УИС должна строиться с учетом преобладающих ориентаций. В связи с этим необходимо включать элементы карьерного консультирования в систему профессиональной подготовки и повышения квалификации; внедрять программы наставничества и ротации с целью повышения

мотивации и предотвращения эмоционального (профессионального) выгорания сотрудников; формировать позитивную карьерную культуру, где ценятся не только продвижение, но и вклад в стабильность системы и профессионализм.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. Результаты исследования свидетельствуют о стремлении каждого человека работать в надежной организации, предоставляющей стабильный заработок и безопасность профессионального будущего, а также возможность гармоничного сочетания личной жизни и рабочего времени, что для сотрудников УИС не всегда представляется возможным. Карьерные ориентации сотрудников требуют баланса между стабильностью, профессиональным ростом и целями, задачами УИС в целом, миссией службы и представляют собой важный индикатор состояния кадрового потенциала системы. Их учет позволяет совершенствовать технологии профессиональной подготовки кадров, отбор персонала, работу с кадровым резервом, наставничество для передачи опыта молодому поколению, а также разрабатывать эффективные стратегии управления персоналом, направленные на профессиональное развитие, снижение текучести и формирование устойчивой идентичности сотрудников. Полученные результаты дополняют существующие представления о профессиональном развитии сотрудников силовых структур и расширяют понимание механизмов формирования карьерных ориентаций в условиях специфической профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология : учебное пособие. СПб. : Речь, 2002. 298 с.
2. Блау П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; ред. В. И. Добренев. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 8–30.
3. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М. : Проспект, 2010. 560 с.
4. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся

- ся по специальностям «Управление персоналом», «Менеджмент организации», «Психология» / пер. с англ. Е. Э. Лалаян ; под ред. Е. А. Климова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 399 с.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с. EDN: RXZGQH
6. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб : Питер, 2007. 336 с. EDN: QOFSYH
7. Цивкунов А. Г. Синдром эмоционального выгорания и мотивационная сфера в структуре профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2024. № 12. Номер статьи 3451. URL: <http://emissia.org/offline/2024/3451.htm>, EDN: QRJMQU
8. Кайгородова Н. З., Волкова Т. Г. Особенности взаимосвязей эмоционального выгорания и копинг-стратегий у сотрудников органов внутренних дел с разным стажем службы в контексте удовлетворенности жизнью // Психология и педагогика в служебной деятельности: актуальные вопросы теории и практики : сборник материалов международной научно-практической конференции (Барнаул, 28–29 ноября 2023 г.) / под ред. Е. Н. Курсаковой. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. С. 26–28. EDN: KSAFKF
9. Бадалян Ю. В., Гостева Л. З. Особенности карьерных ориентаций сотрудников вневедомственной охраны // Глобус: психология и педагогика. 2021. № 3 (43). С. 38–42. EDN: GCJFTE
10. Михно О. С. Особенности профессиональной «Я-концепции» курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза, обучающихся по направлению «Психология» // Национальный психологический журнал. 2025. № 1 (20). С. 65–74. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0106>, EDN: SJNOPQ
- Texts]. Moscow, MGU Publ., 1994, pp. 8–30 (in Russian).
3. Enikeev M. I. *Psikhologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Psychological encyclopedic dictionary]. Moscow, Prospekt, 2010. 560 p. (in Russian).
4. Ritchie S., Martin P. *Motivation management*. Aldershot, England, Gover Publishing Limited, 1999. 289 p. (Russ. ed.: Moscow, YuNITI-DANA, 2017. 399 p.).
5. Ilyin E. P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter, 2002. 512 p. (in Russian). EDN: RXZGQH
6. Schein E. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. St. Petersburg, Piter, 2007. 336 p. (in Russian). EDN: QOFSYH
7. Tsivkunov A. G. Emotional burnout syndrome and motivational sphere in the structure of professional deformation of penal system employees. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn* [The Emissia Offline Letters], 2024, no. 12, art. 3451 (in Russian). Available at: <http://emissia.org/offline/2024/3451.htm>, EDN: QRJMQU
8. Kaigorodova N. Z., Volkova T. G. Features of the relationships between emotional burnout and coping strategies among internal affairs employees with different service experience in the context of life satisfaction. In: *Psikhologiya i pedagogika v sluzhebnoy deyatel'nosti: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Barnaul, 28–29 noyabrya 2023 g.). Pod red. E. N. Kursakovoy [Kursakova E. N., ed. Psychology and Pedagogy in Official Activity: Current Issues of Theory and Practice: Collection of materials of the International scientific-practical conference (Barnaul, November 28–29, 2023)]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2024, pp. 26–28 (in Russian). EDN: KSAFKF
9. Badalyan Yu. V., Gosteva L. Z. Features of career orientations of employees of the private security service. *Globus: psikhologiya i pedagogika* [Globus: Psychology and Pedagogy], 2021, no. 3 (43), pp. 38–42 (in Russian). EDN: GCJFTE
10. Mikhno O. S. Features of professional «Self-concept» of military university cadets and civil university students studying in the field of Psychology. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2025, vol. 20, no. 1, pp. 65–74 (in Russian). <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0106>, EDN: SJNOPQ

References

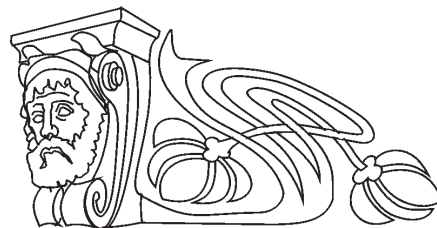
Поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 09.11.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 09.11.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 185–190
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 185–190
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-185-190>, EDN: RJXOFS

Научная статья
УДК [316.36:159.923.32]+1(470+571)(09)+929Франк

Духовная приверженность личности семейным ценностям: на основе теоретического анализа положений философской психологии С. Л. Франка

С. В. Левит, С. В. Фролова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Левит Сергей Валерьевич, аспирант кафедры общей и консультативной психологии, levitsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6305-442X>

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Аннотация. Во *введении* отмечается актуальность исследования духовно-нравственных мотивов устойчивых семейных отношений и важность достижения цели концептуализации духовной приверженности личности семейным ценностям. *Приверженность семейным ценностям как особое психологическое отношение личности* определяется как система представлений, убеждений, устойчивых чувств, привязанностей и жизненных намерений, формируемых в связи с субъективной значимостью ценностей сохранения и развития социального института семьи в целом и семьи как первичной малой социальной группы. *Строение душевной жизни в учении С. Л. Франка и духовный уровень приверженности семейным ценностям* описываются преимущественно в опоре на теоретико-методологический фундамент, заложенный в работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию». В результате **теоретического анализа** выделяются элементарно-гедонистический, социально-эгоцентрический и высший, духовный, уровни приверженности личности семейным ценностям. Духовная приверженность семейным ценностям характеризуется их встроенностью в смысловую картину мира личности, проявляется в отношении человека к семье как к особому соборному единству «мы», обнаруживается в способностях вживаться в опыт близкого, самопреодолевать в себе действие хаотичных инстинктивных сил ради других членов семьи, переживать бескорыстную, деятельную любовь, стремление служить сохранению семейного единства. В *заключении* обобщены сформулированные положения концептуализации духовной приверженности семейным ценностям и обозначены прикладные перспективы создания психодиагностических шкал и специальных программ семейного психологического консультирования.

Ключевые слова: приверженность личности семейным ценностям, духовный уровень приверженности семейным ценностям, С. Л. Франк, философская психология, строение душевной жизни, духовность, соборность, смысл жизни

Для цитирования: Левит С. В., Фролова С. В. Духовная приверженность личности семейным ценностям: на основе теоретического анализа положений философской психологии С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 185–190. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-185-190>, EDN: RJXOFS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A person's spiritual commitment to family values: Based on a theoretical analysis of the provisions of S. L. Frank's philosophical psychology

S. V. Levit, S. V. Frolova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey V. Levit, levitsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6305-442X>

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Abstract. The *introduction* highlights the topicality of research of spiritual and moral motives for sustainable family relationships and significance of conceptualizing a person's spiritual commitment to family values. *Commitment to family values as a person's specific psychological attitude* can be defined as a system of views, beliefs, stable feelings, attachments and life intentions that are formed in connection with subjective significance of the values of preservation and development of the family as a social institution in general and the family as a primary small social group. *The structure of spiritual life in S. L. Frank's teaching and spiritual level of commitment to family values* are mainly described on the basis of

theoretical and methodological fundamentals stipulated in S. L. Frank's "Man's Soul. An Introductory Essay in Philosophical Psychology". The **theoretical analysis** reveals elementary hedonistic, social, egocentric and the highest, spiritual, levels of commitment to family values. Spiritual commitment to family values is characterized by their incorporation into the person's conceptual picture of the world, manifests itself in the person's attitude to the family as a specific conciliar unity of "we", can be found in the ability to fit into a close person's experience, to suppress one's own chaotic instinctive forces for the sake of other members of the family, to experience selfless active love and desire to contribute to the preservation of the family unity. The **conclusion** summarizes the formulated provisions of conceptualization of spiritual commitment to family values and identifies application prospects for creation of psychodiagnostics scales and special programs for psychological family counseling.

Keywords: a person's commitment to family values, spiritual level of commitment to family values, S. L. Frank, philosophical psychology, structure of spiritual life, spirituality, conciliarity, meaning of life

For citation: Levit S. V., Frolova S. V. A person's spiritual commitment to family values: Based on a theoretical analysis of the provisions of S. L. Frank's philosophical psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 185–190 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-185-190>, EDN: RJXOFS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема духовных оснований семейных ценностей чаще всего раскрывается в философии и богословии, тогда как в социальной психологии рассмотрение семейных взаимоотношений нередко сводится к нормам, установкам и поведенческим привычкам. Духовно-нравственные мотивы, обеспечивающие долговременную устойчивость семейных отношений, пока еще не нашли достаточного отражения в психологических исследованиях.

В то же время можно отметить, что в последние десятилетия в психологии в целом всё чаще появляются работы, авторы которых выбирают в качестве предмета своих изысканий духовно-нравственные аспекты жизни человека, примером чего служит один из нескольких тематических сборников коллектива сотрудников Института психологии Российской академии наук под редакцией М. И. Воловицкой, А. Л. Журавлева, А. В. Юревича [1].

Социально-психологическая рефлексия духовного опыта российского общества была обозначена Л. Н. Аксеновской в качестве важной задачи отечественной социальной психологии [2]. Ранее в работе С. В. Фроловой было показано фундаментальное значение философско-психологического учения С. Л. Франка для развития психологии духовности личности и общества [3, 4] – области психологического знания, изучающей «сверхсубъективную, трансцендентную реальность жизни субъекта» [4, с. 248].

Научная рефлексия накопленного опыта в области психологии духовно-нравственных проблем личности позволяет обратиться к формированию актуальных задач и способов их решения для нового направления социально-психологических изысканий в области психологии духовности семейных отношений.

Целью данного исследования является концептуализация духовного уровня приверженности личности семейным ценностям на материале работ С. Л. Франка. Достижение поставленной цели может служить дальнейшей разработке нового направления в области социальной психологии и психологии семьи, включая создание адекватного психодиагностического инструментария и психотерапевтических программ консультативной практики. Реализации намеченной цели могут способствовать методы концептуального анализа и интерпретации философско-психологических идей в трудах Франка. В качестве источников для осуществления теоретического анализа были рассмотрены фундаментальные работы С. Л. Франка: «Душа человека», «Крушение кумиров», «Духовные основы общества», «Предмет знания», «Реальность и человек», «Непостижимое», «Смысл жизни», «Свет во тьме», «С нами Бог».

Для достижения поставленной цели в первую очередь требуется введение определения исходного, базового понятия приверженности личности семейным ценностям.

Приверженность семейным ценностям как особое психологическое отношение личности

А. Ф. Лазурский и С. Л. Франк предложили в качестве особого сущностного предмета психологии изучать системы психологических отношений личности к различным сторонам жизни, к явлениям внутреннего и внешнего мира человека (см: [5, с. 239–266]). Впоследствии В. Н. Мясищев разработал целостную теорию психологических отношений личности [6], понимая под ними особые личностные психические образования, формируемые в процессе индивидуального жизненного опыта и определяющие характер и содержание

эмоций (чувств), когний (убеждений, представлений) и поведения (намерений, поступков и действий) человека в связи с теми или иными явлениями реальности. Психологические отношения могут формироваться к любым объектам и аспектам окружающего и внутреннего мира человека. Психологическое отношение человека может формироваться и к семейным ценностям. Семейные ценности можно понимать как ценности сохранения и развития социального института семьи в целом и семьи как первичной малой социальной группы.

Достижения в области изучения психологических отношений человека и опыт построения социально-психологической концепции приверженности личности социальной общности страны, предпринятый С. В. Фроловой [7], позволяют обратиться к определению выделенного нами нового социально-психологического феномена, описывающего характер связи человека с такой первичной социальной группой, как семья. Приверженность личности семейным ценностям можно понимать как психологическое отношение личности к ценностям сохранения и развития социального института семьи в целом и семьи как первичной малой социальной группы, которое характеризуется представлениями о необходимости семьи в жизни человека и общества, важности ее материальных и духовных ресурсов для удовлетворения ведущих потребностей, а также связанными с ней позитивно окрашенными чувствами и эмоциональными привязанностями; верой в перспективы ее развития; желаниями и намерениями строить свое дальнейшее будущее с учетом потребностей и интересов ее членов. Такое психологическое отношение способствует повышению субъективного благополучия и адаптационных возможностей личности.

Приверженность семейным ценностям складывается в системе социальных и психологических отношений, входит в мотивационную сферу личности и оказывает влияние на характер взаимодействия членов семьи, семейные правила и нормы, цели семьи и способы организации её жизнедеятельности.

Строение душевной жизни в учении С. Л. Франка и духовный уровень приверженности семейным ценностям

Попытки выделить в структуре психики и личности человека духовный уровень являются достаточно редкими для научной психологии по

разным причинам. Одна из самых распространенных – сложность операционализации, стоящей за этим феноменологии, и неподдаемость экспериментальному изучению. Вместе с тем в историю психологии уверенно вошла концепция американского психолога У. Джемса, рассматривавшего в составе личности физической, социальной и духовной компоненты, последнему из которых он отводил ведущую, управляющую роль по отношению к двум остальным [8, с. 81–85]. К сожалению, предложенная У. Джемсом модель иерархической личностной структуры не нашла должного продолжения в дальнейших психологических исследованиях.

Еще меньше внимания в развитии психологического знания было уделено концепции многоуровневой системной организации психической – душевной – жизни, предложенной С. Л. Франком в разработанной им теории философской психологии. Содержание психики, или души, как формирующего единства жизни человека, представлено в его учении тремя основными уровнями организации: 1) элементарный уровень «бесформенной... душевной стихии», 2) уровень «самосознания и предметного сознания» и 3) высший уровень «духовной жизни» [9, с. 241].

Низший уровень психики наполнен переживаниями различных спонтанно возникающих «чувственных впечатлений-ощущений и слитых с ними эмоциональных переживаний», страстей и желаний, связанных с человеческим телом [9, с. 152]. Здесь не выделяются ни субъект, ни объект, нет чувства целостного «Я» [9, с. 241]. К этому уровню Франк относит явления «бесформенной рассеянности, душевной вялости и инертности, беспричинного “упрямства”, “капризов”, “раздражительности”» [9, с. 161], всю «область физических эмоций, т. е. эмоций, непосредственно слитых с ощущениями» [9, с. 162]. Элементарным механизмом организации психики этого уровня служат произвольные реакции на чувственные впечатления, укрепляющие в душевной жизни притягательное, приятное и отталкивающие нежелательное и тягостное.

Уровень самосознания и предметного сознания психики С. Л. Франк соотнес со «сверхчувственно-волевой сферой», преодолевающей хаос первичной стихии душевной жизни путем сознательных операций дифференциации явлений внутреннего и внешнего мира, выделение содержаний предметного сознания, противопоставлений отдельных проявлений «Я» и «не-Я»

и интеграции отдельных переживаний себя в единый центр личного самосознания – индивидуально-единичное «Я» [9, 241]. В качестве самой характерной области проявления данного уровня душевной жизни Франк назвал сферу «родовой жизни в широком смысле слова», «явления материнской и супружеской любви, племенной или родовой солидарности», самопожертвования ради близкого [9, с. 162, 163].

Высший, «идеально-разумный», или духовной, уровень душевной жизни, позволяющий преодолевать слабости, бесформенность и ограничения двух ниже лежащих сфер психики, С. Л. Франк описывал как систему «переживаний нравственного порядка», осознания высшего долга, свободного осуществления выбора в пользу своего идеального «Я» в себе и в пользу веры в абсолютный, объективно существующий смысл своей жизни [9, с. 169].

Экстраполируя положения философско-психологической концепции С. Л. Франка на процесс формирования приверженности семейным ценностям, можно выделить ее уровни: 1) *элементарно-гедонистический, низший уровень*, определяемый потребностями в получении организмических удовольствий, инстинктами самосохранения, эмоциями, слитыми с ощущениями, слепыми страстями, слабо управляемыми желаниями, 2) *социально-эгоцентрический уровень*, характеризующийся доминированием аффилиативных потребностей и выстраиванием эгоистически значимых различного рода социальных привязанностей, 3) *высший – духовный – уровень*, проявляющийся в переживаниях чувств высшего долга, жизненного смысла, своего предназначения.

Духовный уровень приверженности личности семейным ценностям в работах С. Л. Франка (и прежде всего в «Духовных основах общества») проявляется в отношении человека к семье как к соборному единству «мы», более того, оно является «первичной и основной формой соборности» [10, с. 77], «имеет – осознанно или неосознанно – религиозный фундамент под собой» [10, с. 80], переживается не только как социальная норма, но как духовно значимая реальность, в которой личность видит абсолютную ценность и «святыню» другого члена семьи и потому устойчиво ориентируется на верность, ответственность, поддержку, т.е. «действенную заботу о его земных нуждах» [11, с. 212]. На данном уровне семейные ценности выступают не внешними предписаниями,

а выражением внутреннего строя души, реализуясь в бескорыстной, деятельной любви и в практиках сохранения семейного единства и межпоколенной преемственности [10].

В «Душе человека» для С. Л. Франка внутренний мир личности – «внутренний фонд» [9, стр. 181] – включает не только актуальные переживания, но и глубинные трудно артикулируемые смыслы. Он не исчерпывается видимыми проявлениями, а имеет «бесконечную глубину» [9, с. 224], обращение к которой в семейной жизни помогает выдержать конфликты, не разрушить связь, не заменить отношения утилитарным обменом, позволяет опираться на более глубокие смыслы, чем текущие эмоции.

В «Предмете знания» С. Л. Франк развил идею «живого знания» – такого способа познания, который предполагает не внешнее наблюдение, а сопричастность объекту, когда знать что-либо «значит не что иное, как быть тем, что знаешь, или жить его собственной жизнью» [12, с. 394]. В семейной сфере это проявляется как способность «вживаться» в опыт близкого, понимать его не только рационально, но и через со-переживание, позволяющее «прочувствовать чужое “Я”» [12, с. 396]. Эта линия франковской мысли формирует теоретико-методологическую основу для изучения эмпатии, в том числе семейной эмпатии, в качестве одного из элементов предметного поля духовных способностей.

В работе «Реальность и человек» С. Л. Франк связал качества духовности человека с трансцендентным основанием, проблемой свободы и смыслового выбора. Личностное духовное развитие осуществляется во многом благодаря внутренней борьбе человека между импульсивным слоем психики и высшим «Я», между самолюбием и чувством призвания себя к чему-то большему чем низшая самость, устремленностью к «инстанции абсолютной святости» [13, с. 171]. В семейной повседневности это проявляется как необходимость управлять аффектами, выдерживать ситуации фрустрации, ограничивать себя ради близких путем «самопреодоления, самообуздания» [13, с. 247].

Устойчивость семейных ценностей личности обеспечивается во многом их встроенностью в смысловую картину мира. В «Смысле жизни» С. Л. Франк напрямую связал жизненную стойкость с активной внутренней работой: многое зависит «от нашей духовной энергии и готовности к самоуглублению» [14, с. 74]. Социально-психологически это можно интерпре-

тировать как ресурс рефлексии и смыслообразования, позволяющий супругам и родителям удерживать ценности в период кризиса (утраты, болезни, экономических трудностей), когда привычные сценарии перестают работать.

В «Крушении кумиров» С. Л. Франк проанализировал ситуации подмены сущностного, абсолютного относительными незначимыми частными вещами. Для современной семьи учет таких подмен особенно актуален в контексте доминирования тенденций потребительства, культуры успеха и индивидуализма, когда ценность семьи может превращаться либо в инструмент самореализации, либо в символический капитал, а не в пространство служения и любви. При возвращении человека к своим внутренним глубинным ценностям, как пишет Франк, «внешние условия и порядок ... вновь озарятся ... светом живого смысла – но светом, отраженным от солнца высшей правды» [15, с. 22].

Для понимания духовной приверженности семье важен анализ обращения С. Л. Франка к обсуждению опыта зла и страдания в «Свете во тьме» [11]. Семья оказывается местом, где человек либо укрепляет нравственный стержень, либо «распадается» под давлением тревоги и недоверия. Духовная приверженность семье проявляется в том, что ценности удерживаются даже в ситуации «тьмы» – через верность, надежду и поддержку ближнего.

В работах «С нами Бог» и «Непостижимое» С. Л. Франк подчеркнул пределы сугубо рационального контроля в жизни человека: существует слой реальности, который не исчерпывается логическими доказательствами и планированием, «...здесь нельзя ничего усмотреть или с очевидностью доказать» [16, с. 3], будущее «есть сама потенциальность, которая по самому своему существу есть нечто неопределенное» [17, с. 80]. Для семьи это важно потому, что близкие отношения неизбежно включают непредсказуемость – рождение, болезни, случайности, кризисы. Духовный уровень приверженности семье означает готовность принимать эту неопределенность без разрушения ценностного ядра личности.

Заключение

На основе работ С. Л. Франка можно сформировать следующие концептуальные положения. Духовный уровень приверженности личности семейным ценностям означает восприятие

семьи не как частного союза или набора норм, а как исходной формы «мы»-единства, имеющей внутренний духовно-нравственный фундамент. Семья переживается как духовно значимая реальность, где достоинство и ценность каждого близкого воспринимаются как безусловные. Отсюда вытекает устойчивая ориентация личности на верность, ответственность и поддержку – на практическую, деятельную заботу о ближнем. На этом уровне семейные ценности становятся не внешним требованием, а выражением внутреннего строя личности, воплощаясь в бескорыстной любви, сохранении единства семьи и межпоколенной преемственности.

В прикладном плане данная концептуализация задает основу для дальнейшей операционализации духовного уровня приверженности семейным ценностям и разработки психодиагностического инструментария. Перспективным направлением является выделение измеряемых индикаторов (например, степень переживания семьи как «мы»-единства; признание безусловной ценности близкого; устойчивость ценностного ядра в условиях стресса и неопределенности; установка на деятельную заботу и ответственность), а также описание факторов, усиливающих или ослабляющих данный уровень. Это открывает возможности для проектирования психотерапевтических и консультативных программ, ориентированных на сплочение семьи и укрепление межпоколенной преемственности как практик, имеющих не только нормативный, но и глубинно-смысловой характер.

Список литературы

1. Духовно-нравственные проблемы современной личности / отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 477 с.
2. Аксеновская Л. Н. Духовная психология С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
3. Фролова С. В. Психология духовности С. Л. Франка (к 145-летию ученого). Часть I. Предпосылки становления и исходные теоретические положения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7, № 4 (28). С. 144–170. https://doi.org/10.38098/iptan.sep_2022_28_4_07
4. Фролова С. В. Психология духовности С. Л. Франка (к 145-летию ученого). Часть II. Основные направле-

ния и перспективы развития // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8, № 1 (29). С. 247–266. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_09

5. Лазурский А. Ф. Избранные психологические труды. М. : Наука, 1997. 446 с.
6. Мясищев В. Н. Психология отношений. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2003. 400 с.
7. Фролова С. В. Приверженность личности стране: социально-психологический анализ. Саратов : ИЦ Наука, 2019. 370 с.
8. Джемс У. Психология. М. : Педагогика, 1991. 368 с.
9. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М. : Директ-Медиа, 2008. 281 с.
10. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М. : Директ-Медиа, 2014. 270 с.
11. Франк С. Л. Свет во тьме. М. : Факториал, 1998. 255 с.
12. Франк С. Л. Предмет знания. М. : Директ-Медиа, 2016. 856 с.
13. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. М. : Директ-Медиа, 2016. 389 с.
14. Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель : Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 170 с.
15. Франк С. Л. Крушение кумиров. М. : Директ-Медиа, 2008. 108 с.
16. Франк С. Л. С нами Бог. М. : Директ-Медиа, 2008. 386 с.
17. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 423 с.

References

1. Volovikova M. I., Zhuravlev A. L., Yurevich A. V., ed. *Dukhovno-nravstvennyye problemy sovremennoy lichnosti* [Spiritual and moral problems of the modern personality]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018. 477 p. (in Russian).
2. Aksenovskaya L. N. S. L. Frank's spiritual psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
3. Frolova S. V. S. L. Frank's psychology of spirituality (on the occasion of 145th anniversary). Part I. Prereq-

uisites and original theoretical principles. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2022, vol. 7, no. 4 (28), pp. 144–170 (in Russian). https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2022_28_4_07

4. Frolova S. V. S. L. Frank's psychology of spirituality (on the occasion of 145th anniversary). Part II. Key directions and prospects. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2023, vol. 8, no. 1 (29), pp. 247–266 (in Russian). https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_09
5. Lazurskiy A. F. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Nauka, 1997. 446 p. (in Russian).
6. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of attitudes]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh, Scientific and Production Association "MODEK" Publ., 2003. 400 p. (in Russian).
7. Frolova S. V. *Priverzhennost lichnosti strane: sotsialno-psikhologicheskiy analiz* [Commitment of the individual to the country: A socio-psychological analysis]. Saratov, ITs Nauka, 2019. 370 p. (in Russian).
8. James W. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Pedagogika, 1991. 368 p. (in Russian).
9. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The human soul. An attempt at an introduction to philosophical psychology]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 281 p. (in Russian).
10. Frank S. L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva. Vvedeniye v sotsialnyuyu filosofiyu* [The spiritual foundations of society. Introduction to social philosophy]. Moscow, Direkt-Media, 2014. 270 p. (in Russian).
11. Frank S. L. *Svet vo t'me* [Light in the darkness]. Moscow, Faktorial, 1998. 255 p. (in Russian).
12. Frank S. L. *Predmet znaniya* [The object of knowledge]. Moscow, Direkt-Media, 2016. 856 p. (in Russian).
13. Frank S. L. *Real'nost i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya* [Reality and man. Metaphysics of human existence]. Moscow, Direkt-Media, 2016. 389 p. (in Russian).
14. Frank S. L. *Smysl zhizni* [The meaning of life]. Brussels, Izdatel'stvo "Zhizn' s Bogom", 1976. 170 p. (in Russian).
15. Frank S. L. *Krusheniye kumirov* [The collapse of idols]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 108 p. (in Russian).
16. Frank S. L. *S nami Bog* [God is with us]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 386 p. (in Russian).
17. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedeniye v filosofiyu religii* [The unfathomable. Ontological introduction to the philosophy of religion]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2017. 423 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.03.2026

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 191–196

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 191–196
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-191-196>

EDN: SURTUS

Научная статья
УДК 81'243:378.016

Способы активации зоны ближайшего развития в методике обучения иностранному языку

Д. К. Воронина

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, 603001, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

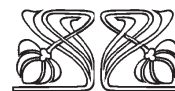
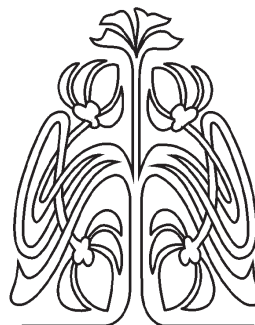
Воронина Дарья Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Аннотация. *Введение.* Статья поднимает проблему, типичную для студентов лингвистических направлений подготовки – достижение языкового плато как «застывание» в зоне актуального развития. Новые коммуникативные задачи, предъявляемые студентам на занятиях в вузе, решаются старыми средствами – уже освоенным языковым и речевым материалом. Автор предлагает рассматривать теорию Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития как методологический фундамент для обоснования методического воздействия на студентов в целях выведения из зоны «языкового комфорта». **Теоретический анализ** выявляет пять ключевых педагогических условий для успешной активации зоны ближайшего развития: наличие речевых моделей решения коммуникативной задачи и демонстрация их применения, «скаффолдинг» – пошаговый инструктаж выполнения задания, организация совместной работы студентов, систематическая обратная связь от преподавателя, постепенное усложнение речевых действий (от полной репродукции, через частичную репродукцию по опорам к подготовленной и неподготовленной продуктивной речи студентов). В ходе **эмпирического анализа** предложена конкретно-практическая реализация этих условий посредством специально отобранных методических приемов для занятия по иностранному языку. **Заключение.** Результаты статьи имеют ценность для организации процесса обучения любым иностранным языкам на уровнях языковой подготовки от среднего и выше.

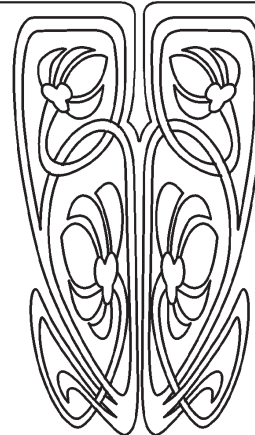
Ключевые слова: языковое плато, уровни языковой компетенции, уровни языковой подготовки, средний уровень владения языком, вывод в зону ближайшего развития, развитие речевой компетенции, проблемы языкового образования, проблемы методики обучения иностранным языкам

Для цитирования: Воронина Д. К. Способы активации зоны ближайшего развития в методике обучения иностранному языку // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 191–196. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-191-196>, EDN: SURTUS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Methods and techniques to activate the zone of proximal development in foreign language teaching

D. K. Voronina

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, 1 Yulyanova St., Nizhny Novgorod 603001, Russia

Daria K. Voronina, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Abstract. Introduction. The article addresses a problem typical for students majoring in linguistics – reaching a language plateau as being “stuck” in the actual developmental zone. They solve new communicative tasks presented during university classes using old means – already mastered linguistic and speech material. The author proposes considering L. S. Vygotsky’s theory on the zone of proximal development as a methodological foundation for designing pedagogical strategies aimed at moving students beyond their comfort zones. **Theoretical analysis** identifies five key educational conditions necessary for activating this zone: providing speech models for each communicative situation and demonstrating their application, scaffolding through step-by-step guidance, organizing collaborative student work, systematic feedback from instructors, and gradually increasing complexity of speech activities (from full reproduction to partial reproduction based on prompts, leading to prepared and unscripted productive speech). The **empirical analysis** results into practical implementation of these conditions through specially selected methodological techniques for foreign language lessons. **Conclusion.** The findings of this study are valuable for organizing the process of learning any foreign languages at intermediate levels or higher.

Keywords: language plateau, levels of language competence, levels of language proficiency, intermediate level of language, move to the zone of proximal development, development of speech competency, problems of language education, issues in methodology of foreign language teaching

For citation: Voronina D. K. Methods and techniques to activate the zone of proximal development in foreign language teaching. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 191–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-191-196>, EDN: SURTUS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Студенты лингвистических специальностей к моменту поступления в высшие учебные заведения достигли, как минимум, среднего (порогового) уровня владения изучаемым языком (первым иностранным) и находятся в зоне так называемого «языкового плато» (language plateau). На этом этапе студенты испытывают иллюзорное ощущение достаточного владения языком для большинства типовых коммуникативных ситуаций, в которых они могут оказаться в рамках межкультурной коммуникации. С объективной же точки зрения этап характеризуется некоторым «застоем», отсутствием устойчивого развития. Это обуславливается тем, что, достигнув минимально достаточного уровня языковой подготовки, студенты не стремятся к новым вызовам, не хотят покидать свою зону «языкового комфорта». Например, на стандартный для любой ситуации знакомства вопрос «How old are you?» или «What’s your age?» обучающиеся первого курса лингвистического факультета неизменно отвечают «I am seventeen». При этом разнообразие речевых средств для ответной речевой реакции на подобный вопрос действительно велико: «I am nearly eighteen», «I am under age yet», «In three month’s time I’ll come of age», «I am in my late teens» и т.п. Все они знакомы обучающимся, но функциональ-

ность стандартной фразы «I am seventeen» не порождает у них внутренней мотивации присваивать и использовать в коммуникативных условиях фразы-аналоги. Важно отметить, что все перечисленные нами речевые образцы-аналоги стандартной фразы «I am seventeen» содержатся в пассивном запасе обучающихся, но не переходят в активный словарный запас. В первую очередь это связано с функциональностью речевых средств, которыми обучающиеся уже овладели.

Разнообразие речевых средств обязательно включается в критерии оценивания результатов обучения в целом и на уровне отдельных коммуникативных заданий продуктивного характера в устной и письменной формах. Оно же отличает способ решения одних и тех же коммуникативных задач на разных уровнях языковой компетенции (A1-C2). Таким образом, расширение арсенала речевых средств, выполняющих одну и ту же функцию в речи у студентов-лингвистов оправдано с точки зрения объективных требований, предъявляемых к выпускнику лингвистического направления подготовки.

Теория отечественного ученого Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития рассматривается автором данной статьи одним из способов преодоления языкового плато студентов лингвистических вузов и факультетов,

поскольку наличие желаемых речевых средств в пассивном запасе студентов говорит о присутствии этих коммуникативных средств в зоне их ближайшего развития. Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и методическая реализация таких учебных условий, чтобы организовать эффективный переход рецептивных речевых единиц в продуктивный речевой запас студентов-лингвистов.

Теоретический анализ

Первоисточник зоны ближайшего развития (ЗБР) Л. С. Выготский характеризовал как пространство между тем, что ученик уже может делать самостоятельно, и тем, что он может делать с помощью наставника, или при определенных стимулирующих воздействиях группы, учителя, учебного задания, учебных стратегий, шаблонов и памяток и т.п. [1]. Языковое плато, подробное описание и конкретные примеры которому мы дали во введении к данной статье, представляет собой зону актуального развития (ЗАР). Вопросами активации ЗБР в высшем образовании занимались Е. А. Александрова, А. В. Брушлинский, В. В. Гутман, В. К. Зарецкий, А. Н. Йоффе и др. Работ, посвященных способам организации перехода из ЗАР в ЗБР в языковом образовании, значительно меньше: О. И. Быковских, О. С. Жуковец, Н. С. Марушкина. Исследователи конкретизируют педагогические условия, характерные для урока иностранного языка, но не дают обоснования последовательности методических шагов, конкретных приемов обучения для достижения цели.

Предпримем попытку систематизировать описанные авторами универсальные педагогические условия активации ЗБР, а затем предложим конкретные методические приемы для их организации на занятиях по иностранным языкам.

Моделирование и демонстрация. Предполагает наличие образца, эталона речевого продукта. Отвечает за создание основы выполняемого речевого действия [2].

Скаффолдинг (от англ. *scaffolding*) – стратегия «угасающей поддержки» или «постепенного снятия опор» [2, 3]. В иноязычной речевой практике реализуется через наводящие вопросы, подсказки, краткие инструкции, отсылки к нужным теоретическим знаниям (например,

грамматическому правилу) при столкновении обучающихся с языковыми преградами на пути к самостоятельному выполнению учебного задания – созданию собственного речевого продукта.

Организация совместной работы обучающихся в парах или микрогруппах (3–4 человека) для обмена познавательным опытом [4]. Помимо прочего, на этапе контроля может выставляться общая оценка всей паре или микро-группе, что порождает мотивацию у более «сильных» членов группы разъяснять учебный материал или контролировать правильность его применения у более «слабых» студентов. Студенты условно одинакового уровня обмениваются учебными стратегиями, образом мышления и способами выполнения речевых действий, присвоенными ранее. Поскольку не существует людей с абсолютно одинаковым словарным запасом (в силу различий так называемых *language input* – входных языковых данных), такое условие организации речевой практики однозначно способствует взаимному обогащению речевых возможностей партнеров.

Обратная связь и коллективная рефлексия для осознания типичных ошибок, затруднений, анализа возможностей для улучшения результатов в будущем [4–6]. В речевом пространстве урока иностранного языка рефлексии подвергается не только языковая пласт речевых средств, но и их социокультурная уместность, адекватность их применения в конкретных условиях коммуникации.

Постепенное усложнение речевых действий на основе целевого языкового материала (вариирование коммуникативных условий, партнеров, переход от подготовленной к неподготовленной речи с целевыми речевыми средствами, комбинирование с языковым материалом предыдущих занятий и др.) [2].

Эмпирический анализ

В рамках практической реализации задуманного предложим конкретные методические приемы для обогащения продуктивных диалогических речевых средств студентов на занятиях по английскому языку. Первым и необходимым условием для перевода желаемых речевых единиц в продуктивную речь является репродукция. Репродукция выполняет роль

«мостика» для перехода из пассива в актив. Репродукция предполагает как заучивание и воспроизведение по памяти готовых речевых продуктов (эталонных монологов и диалогов), так и различные трансформации внутри них. Очевидно, что трансформации не могут затрагивать целевые речевые обороты.

Приведем последовательность конкретных методических приемов для организации репродукции на примере диалогической речи:

reproduce the monologue (выучите диалог из учебника так, чтобы быть способным играть любую из ролей);

role-play the dialogue with your partner (драматизируйте диалог в паре с партнером);

swap the partners with another pair of students.

Role-play again (поменяйтесь партнерами с другой парой и вновь разыграйте диалог).

Стадия репродукции важна, поскольку формирует стереотипы речевого поведения на основе целевых речевых образцов и социокультурных моделей, эти образцы содержащих. Здесь важно следующее. Тот факт, что целевые речевые средства хорошо известны обучающимся, не должен вводить в заблуждение преподавателя относительно гипотетического их использования студентами в собственной речи. Стадией репродукции нельзя пренебрегать, поскольку ее целью является возможность «положить на язык», закрепить у студентов на уровне автоматизмов целевые языковые и речевые средства. От репродукции осуществляется переход к продукции таким образом, чтобы в центре внимания находились желаемые речевые единицы.

Mingle (move around the room) asking everyone the question «How old are you?». Each time you answer the same question in a different way with each new person.

Студенты перемещаются по аудитории (*mingle*), отвечая на один и тот же вопрос всех встречных *разными способами*. Каждый студент и задает вопрос для коммуникативной практики партнера, и отвечает на его вопрос для активации целевых средств в собственной речи. Пример с вопросом «How old are you?» и десятью различными способами ответа на него хорошо подходит для подобной практики. В случае с речевыми средствами, не подразумевающими конкретный вопрос, например, средствами выражения согласия/несогласия, одобрения/неодобрения и тому подобными,

активация может происходить посредством составления собственного диалога-образца с его последующей трансформацией.

1. Классифицируйте представленные ниже речевые образцы, согласно их функции в речи (classify all the phrases according to their functions: agreement, disagreement, approval, disapproval).

2. Соотнесите исходную реплику и реплику-реакцию (*match the sentence and the respond*).

3. В парах драматизируйте микро-диалоги по памяти (*role play with your partner. Don't read*).

4. В парах трансформируйте исходные реплики так, чтобы реплики-реакции остались прежними (*think of other stimulating phrases to which those could be the replies. Role play with your partner*) – подготовленная диалогическая речь.

5. Вновь меняйтесь партнерами по парам, реагируйте на реплики нового партнера только с использованием реплик-реакций из диалога-образца (*swap the partners and respond to their questions and statements with the target language*) – неподготовленная диалогическая речь.

Предварительная работа преподавателя в этом случае будет заключаться в том, чтобы с использованием средств искусственного интеллекта подобрать как можно большее количество исходных реплик, типичными реакциями на которые будут целевые реплики. Таким образом, будут достигнуты условия аутентичности применения целевых речевых средств в условиях направляемой учебной коммуникации.

Для диалогической речи наиболее очевидным способом «выталкивания» студентов навстречу продукции желаемых языковых явлений является «программируемый диалог». Рассмотрим последовательность методических приемов для его организации.

Презентация целевых речевых образцов в контексте (диалоге-модели, например «На вокзале»).

Выделение студентами универсальных (неизменяемых) частей диалога (I wonder if you could help me; Could you possibly tell me about...; Do you happen to know...; Let me think for a moment; I'm terribly sorry, I really have no idea; I am not sure, I'll just have to find out и др.).

Предъявление «скелета» модельного диалога для восполнения пробелов студентами с использованием речевых средств диалога-мо-

дели (стандартное упражнение на заполнение пропусков или его условно-речевой аналог для первичного закрепления в памяти целевых речевых единиц).

Репродукция диалога в паре с речевым партнером (создание речевых стереотипов использования целевых речевых единиц – об этом речь шла выше).

Трансформация диалога-модели по принципу «диалогической цепочки». Универсальные части диалога (вежливые формы запроса информации и реакции на них) воспроизводятся студентами в подходящих коммуникативных условиях с трансформацией изменяемых составляющих (отвечающих за смысл вопроса или ответа).

Преподаватель может направлять ход коммуникации своими подсказками: студент А приветствует студента Б. Студент Б отвечает на приветствие и вежливо просит уточнить во сколько прибывает поезд. Студент А вежливо отвечает на запрос и спрашивает о прогнозе погоды. Студент Б вежливо отвечает, что не знает, и просит уточнить расписание электричек, если оно известно собеседнику и т.д. Для организации одновременной работы нескольких пар студентов направляющие реплики преподавателя могут выводиться на экран. Студенты тренируются в парах, затем меняются партнерами случайным образом для презентации своей готовности осуществлять целевую коммуникацию преподавателю. Для организации этапа рефлексии неподготовленные диалоги могут разыгрываться перед всей группой. Студенты-зрители комментируют выступления других пар, обсуждаются ошибки или возможности для улучшения.

Заключение

Практический опыт работы со студентами лингвистических направлений подготовки позволил конкретизировать проблему, связанную с «застреванием» в комфортной для них зоне актуального развития, позволяющей им решать большинство коммуникативных задач. Выход из зоны комфорта обусловлен требованиями к преодолению «языкового плато» и расширению арсенала языковых и речевых средств решения коммуникативных задач на более продвинутых уровнях языковой компетенции студентов-лингвистов. Методически

оправданным способом вывода студентов в ЗБР является совокупность ряда педагогических условий (наличие эталонов, scaffolding, кооперация, коллективная рефлексия, последовательное усложнение речевых действий). Для их организации на занятиях по иностранному языку в лингвистическом вузе приводится последовательность методических приемов (презентация речевых моделей, репродукция моделей, трансформация моделей, применение моделей в новых условиях, программирование речевых действий обучающихся, комбинирование новых моделей со старыми, присвоенными на предыдущих этапах). Результаты исследования могут быть применены на любом языковом материале у обучающихся выше среднего уровня языковой подготовки в условиях высшего и дополнительного лингвистического образования.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Психология развития. Избранные работы. М. : Юрайт, 2016. 302 с.
2. *Быковских О. И.* Скаффолдинг как вид педагогической поддержки при реализации предметно-языкового интегрированного обучения // Калининградский вестник образования. 2022. № 2 (14). С. 22–29. EDN: HGDIGD
3. *Марушкина Н. С.* Технологии эффективной поддержки (скаффолдинга) в обучении иностранному языку // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе : материалы V Международ. науч.-практ. конф. / под ред. М. В. Золотовой. Н. Новгород : НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 181–184. EDN: PIEUWI
4. *Жуковец О. С.* Применение теории зоны ближайшего развития в обучении деловому английскому // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию образования Белорус. гос. ун-та (Минск, 29 октября 2021 г.) / под ред. Е. А. Достанко. Минск : БГУ, 2021. С. 344–348.
5. *Александрова Е. А., Баранускине И.* Стратегии формирования воспитывающей среды и методы воспитания подрастающего поколения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 3 (19). С. 269–274. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-3-269-274>
6. *Виноградова И. А., Иоффе А. Н., Бычкова Л. В.* Профессиональное развитие педагога в контексте создания личностно-развивающей образовательной среды // Психология одаренности и творчества : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Савенкова, П. В. Смирновой. М. : МГПУ, 2024. С. 317–322.

References

1. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya razvitiya. Izbrannye raboty* [The psychology of human development. Selected works]. Moscow, Yurayt, 2016. 302 p. (in Russian).
2. Bykovskikh O. I. Scaffolding as a type of pedagogical support in the implementation of subject-language integrated learning. *Kaliningradskiy vestnik obrazovaniya* [Kaliningrad Bulletin of Education], 2022, no. 2 (14), pp. 22–29 (in Russian).
3. Marushkina N. S. Effective scaffolding technology in teaching a foreign language. *Variativnost' i standartizatsiya yazykovogo obrazovaniya v neyazykovom vuze: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Pod red. M. V. Zolotovoy* [Zolotova M. V., ed. Variety and Standardization of Language Education in Non-Language Higher School. Proceedings of the 5th Intern. sci.-pract. conf.]. N. Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2022, pp. 181–184 (in Russian). EDN: PIEUWI
4. Zhukovec O. S. Application of the zone of proximal development in teaching business English. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam: materialy XV Mezhdunar. nauch. conf., posvyashch. 100-letiyu obrazovaniya Belorus. gos. un-ta (Minsk, 29 oktyabrya 2021 g.)*. Pod red. E. A. Ostanko [Ostanko E. A., ed. Crosscultural Communication and Profession-Oriented Foreign Language Teaching (Minsk, October, 29, 2021)]. Minsk, BSU Publ., 2021, pp. 344–348 (in Russian).
5. Aleksandrova E. A., Baranauskine I. Strategies for building a parenting environment and parenting methods for the younger generation. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 3 (19), pp. 269–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-3-269-274>
6. Vinogradova I. A., Ioffe A. N., Bychkova L. V. Professional development of teachers in the context of creating a personal and developmental educational environment. In: *Psikhologiya odarennosti i tvorchestva: sb. nauch. st. Pod red. A. I. Savenkova, P. V. Smirnovoy* [Savenkov A. I., Smirnova P. V., eds. Psychology of talents and creativity]. Moscow, MGPU Publ., 2024, pp. 317–322 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 197–203
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 197–203
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-197-203>, EDN: VWLNYJ

Научная статья
УДК 373.2:378.095

Содержательные компоненты подготовки будущих педагогов дошкольного образования к реализации персонифицированного методического сопровождения воспитателей дошкольных образовательных организаций

М. В. Борисова ✉, Н. В. Иванова

Череповецкий государственный университет, Россия, 162600, г. Череповец, Пр-т Луначарского, д. 5

Борисова Мария Вячеславовна, аспирант кафедры дошкольного образования, mvfofanova@chsu.ru

Иванова Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного образования, nvivanova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>

Аннотация. Введение. Методисты дошкольных образовательных организаций играют ключевую роль в профессиональном развитии педагогов, что требует от них наличия определенных компетенций, включая способность адаптироваться к постоянно изменяющимся требованиям. В процессе обучения студентов в педагогических вузах важно учитывать необходимость формирования у будущих специалистов соответствующих групп компетенций. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ научных источников (И. В. Никишина, К. Ю. Белая, П. Н. Лосев, Л. В. Воронина, Л. В. Моисеева, Е. И. Казакова и др.) позволяет сделать вывод о том, что методическая работа на современном этапе ориентирована на достижение общих образовательных результатов дошкольным учреждением, и лишь частично – на организацию сопровождения профессионального развития каждого педагога. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что традиционное методическое сопровождение педагогов дошкольных образовательных организаций на современном этапе не является результативным и нуждается в преобразовании. **Заключение.** Персонифицированное методическое сопровождение рассматривается как один из инструментов для повышения мотивации профессионального развития педагогов дошкольных образовательных организаций. Выделены группы компетенций старших воспитателей/методистов в области персонифицированного методического сопровождения, а также особенности их формирования у будущих педагогов дошкольного образования.

Ключевые слова: дошкольное образование, персонифицированное методическое сопровождение, профессиональные компетенции, будущие педагоги-методисты

Для цитирования: Борисова М. В., Иванова Н. В. Содержательные компоненты подготовки будущих педагогов дошкольного образования к реализации персонифицированного методического сопровождения воспитателей дошкольных образовательных организаций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 197–203. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-197-203>, EDN: VWLNYJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Content components of training future teachers of preschool education for the implementation of personalized methodological support for teachers of preschool educational organizations

M. V. Borisova ✉, N. V. Ivanova

Cherepovets State University, 5 Lunacharsky Avenue, Cherepovets 162600, Russia

Maria V. Borisova, mvfofanova@chsu.ru

Natalia V. Ivanova, nvivanova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3012-5579>

Abstract. Introduction. Methodists of preschool educational organizations play a key role in the professional development of teachers, which requires them to possess certain competencies, including the ability to adapt to constantly changing requirements. In the process of teaching students in pedagogical universities, it is important to take into account the need for future specialists of the relevant groups of competencies. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of scientific sources (I. V. Nikishin, K. Yu. Belaya, P. N. Losev, L. V. Voronin, L. V. Moiseev, E. I. Kazakova, etc.) allows us to conclude that methodological work at the present stage is focused on achieving general educational results by a preschool institution, and only partially, on organizing support for the professional development of each teacher. **Empirical analysis.** It has been

revealed that the traditional methodological support for preschool teachers is not effective at the current stage and needs to be transformed. **Conclusion.** Personified methodological support is considered as one of the tools of increasing professional development motivation of preschool teachers. Groups of competencies of senior educators/methodologists in the field of personified methodological support, as well as the features of their formation among future teachers of preschool education, have been identified.

Keywords: preschool education, personalized methodological support, professional competencies, future teachers-methodologists

For citation: Borisova M. V., Ivanova N. V. Content components of training future teachers of preschool education for the implementation of personalized methodological support for teachers of preschool educational organizations. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 197–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-197-203>, EDN: VWLNYJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная образовательная система характеризуется повышенными требованиями к уровню профессиональной подготовки и компетенций специалистов образовательных организаций. В то же время при наличии насыщенного и разнообразного образовательного пространства для развития многие педагоги не стремятся использовать эти возможности, не заинтересованы в повышении своего профессионального мастерства. Старшие воспитатели/методисты, играя ключевую роль в процессе профессионального развития педагогов, испытывают дефицит определенных компетенций для создания необходимых условий в дошкольной организации. Персонифицированное методическое сопровождение мы рассматриваем как один из современных инструментов для оптимизации процесса сопровождения профессионального развития педагогов дошкольных образовательных организаций (ДОО). В связи с этим возникает необходимость пересмотра подходов к подготовке педагогических кадров в вузе и содержательного наполнения процесса формирования у студентов необходимых компетенций в области методического сопровождения.

Теоретический анализ

В условиях личностно-ориентированного подхода и современных тенденций в образовании методическое сопровождение приобретает новые формы и содержание, что требует пересмотра устоявшихся практик. Современные исследователи, такие как И. В. Никишина [1], К. Ю. Белая [2], П. Н. Лосев [3], акцентируют внимание на изменениях, происходящих не только в условиях организации методического сопровождения, но и в самих подходах к пониманию этой деятельности. В ходе проведенного теоретического анализа исследова-

ний Э. А. Абибуллаевой [4], М. Н. Певзнера, О. М. Зайченко [5] были выявлены определенные проблемы, с которыми сталкиваются старшие воспитатели при реализации методического сопровождения. В первую очередь, это ориентация методической работы в основном на достижение общих образовательных результатов детским садом в целом и лишь частично – на организацию помощи, поддержки каждого педагога в обогащении его профессиональной компетентности. Также одной из ключевых трудностей является наличие профессиональных дефицитов у старших воспитателей, которые препятствуют эффективному выполнению задач методического сопровождения педагогов (недостаток компетенций в области современных образовательных технологий, сложности в адаптации к новым требованиям и отсутствие системной поддержки).

В исследованиях Л. А. Поповой, Е. Н. Сибиркиной [6], Ф. У. Базаевой [7] также отмечена актуальная потребность методической поддержки педагогов на каждом этапе профессионального развития, независимо от стажа и возраста, через осознание собственного опыта педагогической деятельности и личностное развитие. Обозначена значимость применения современных подходов и технологий в работе с педагогами. Однако предлагаемая ими система методического сопровождения опирается, в первую очередь, на работу с трудностями и проблемами без учета профессионального потенциала педагога.

Аспект формирования профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного профиля к деятельности в области персонифицированного методического сопровождения до настоящего времени не был предметом специального изучения. Опираясь на исследование Э. А. Абибуллаевой [4], А. М. Моисеева [8], М. Н. Певзнера, О. М. Зайченко [5] в области методического сопровождения, а также на исследование З. А. Каргиной [9], посвященное

проблеме персонификации и персонифицированного подхода в образовании, мы определяем содержание понятия «персонифицированное методическое сопровождение» как индивидуально ориентированный процесс взаимодействия методиста и педагогов ДОО, который направлен на создание условий для развития личностного и профессионального потенциала каждого педагога и реализуется через актуализацию ресурсов и персонально-субъектного опыта, стимулирование саморегуляции, самообучения, самоуправления в процессе профессионального развития и при личной ответственности за достигнутые результаты.

Эмпирический анализ

Для подтверждения актуальности исследования был проведен опрос педагогических работников дошкольных образовательных организаций г. Череповца. В анкетировании приняли участие 248 воспитателей и 54 старших воспитателя ДОО. По данным опроса старшие воспитатели отмечают снижение мотивации в профессиональной деятельности у педагогов ДОО, нежелание обращаться за помощью и в то же время отмечают трудности в организации и неэффективность методического сопровождения с использованием традиционных методов работы. Данные опроса представлены на рис. 1.

Рис. 1. Данные опроса воспитателей (а) и старших воспитателей (б) г. Череповца
 Fig. 1. Data from a survey of educators (a) and senior educators (b) in Cherepovets

Таким образом, мы видим, что традиционное методическое сопровождение педагогов ДОО на современном этапе не является результативным и нуждается в преобразовании и, соответственно, в формировании новых групп компетенций у старших воспитателей.

Как показывает анализ основных профессиональных образовательных программ, традиционно в высшей школе формируются следующие группы компетенций, чтобы подготовить студентов к реализации методического сопровождения педагогов ДОО в соответствии с основными функциями методиста/старшего

воспитателя: коммуникативные, методические, управленческие, проектировочные, диагностические, рефлексивные, цифровые. Для реализации персонифицированного методического сопровождения базовыми компетенциями будут являться коммуникативные, методические, управленческие, а ключевыми – проектировочные, диагностические, рефлексивные, цифровые компетенции. На основе проведенного сравнительного анализа характеристик традиционного и персонифицированного методического сопровождения, мы предлагаем расширить их содержание (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Содержательное наполнение компетенций
Content filling of competencies

Компетенции	Традиционное методическое сопровождение
<i>Дополнительное содержательное наполнение формируемых базовых компетенций для реализации персонифицированного методического сопровождения</i>	
Коммуникативные	Навык активного слушания и умения задавать вопросы, способствующие рефлексии и осознанию профессиональных возможностей и потребностей педагога
Методические и управленческие	Способность адаптировать методические рекомендации под индивидуальные особенности педагога, учитывать уникальный потенциал, уровень компетенций и профессиональный контекст каждого воспитателя. Способность управлять индивидуальным профессиональным развитием педагогов ДОО. Умение быть наставником, который поддерживает воспитателя в самостоятельном поиске решений
<i>Дополнительное содержательное наполнение формируемых ключевых компетенций для реализации персонифицированного методического сопровождения</i>	
Проектировочные	Умение разрабатывать индивидуальные планы развития на основе анализа потребностей и потенциала педагогов
Диагностические	Умение применять диагностические методики, позволяющие детально изучить личные особенности и возможности педагога, его профессиональный потенциал
Рефлексивные	Умение стимулировать внутреннюю мотивацию воспитателя к профессиональному развитию. Навык формирования у педагога осознанности в отношении своих профессиональных сильных сторон и зон роста. Способность к децентрации и рефлексии: способность распознавать, понимать и учитывать эмоциональное состояние воспитателя в процессе взаимодействия
Цифровые	Владение современными технологиями и инструментами для организации образовательного процесса, включая знание цифровых образовательных платформ и цифровых диагностических инструментов

На основе данного анализа также был разработан компетентностный профиль старшего воспитателя/методиста, который рассматривается нами как результативный компонент подготовки будущих специалистов мето-

дического сопровождения педагогов ДОО.

Построение процесса формирования компетенций мы предлагаем выстраивать на основе принципа нелинейности. Реализация данного принципа представлена на рис. 2.

Рис. 2. Реализация принципа нелинейности в процессе формирования компетенций
Fig. 2. Implementation of the principle of nonlinearity in the process of forming competencies

Формирование методических, управленческих и коммуникативных компетенций на протяжении всего периода обучений. Диагностические, проектировочные, рефлексивные и цифровые компетенции формируются постепенно, в процессе обучения, проходя два этапа или две ступени. Важным промежуточным результатом на первом этапе является развитие рефлексии. Она позволяет студенту не просто запоминать информацию, но и осмысливать ее, находить связи между теорией и практикой, а также делать выводы о том, как можно

улучшить собственное поведение или подход к решению задач. Важным результатом на втором этапе является развитие децентрации как механизма восприятия других людей, способности выйти за рамки собственного восприятия и учитывать точку зрения другого человека или группы.

Содержательное наполнение образовательного процесса мы предлагаем выстраивать через тематические блоки вокруг определенных тем или проблемных областей. Возможные тематические блоки представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Тематические блоки содержательного наполнения образовательного процесса
Thematic blocks of the educational process content

Группа компетенций		Возможные тематические блоки
БАЗОВЫЕ	Коммуникативные	Эффективные стратегии общения в персонифицированном образовательном процессе. Активное слушание и навыки обратной связи. Конфликтология: навыки разрешения конфликтных ситуаций в образовательной среде

Окончание таблицы 2 / Continuation of the Table 2

Группа компетенций		Возможные тематические блоки
БАЗОВЫЕ	Методические и управленческие	Профессиональное развитие педагогов и принципы персонифицированного обучения взрослых. Особенности методического сопровождения образовательного процесса с учетом персонифицированного подхода в образовании. Тренинг по управлению изменениями в персонифицированной образовательной среде
КЛЮЧЕВЫЕ	Проектировочные	Проектирование учебных программ с учетом индивидуальных потребностей и профессионального потенциала педагогов. Инновационные методы проектирования персонифицированных образовательных продуктов
	Диагностические	Психолого-педагогическая самодиагностика студентов. Психолого-педагогическая диагностика индивидуальных особенностей педагогов, направленная на выявление профессионального потенциала
	Рефлексивные	Рефлексия как инструмент профессионального развития педагога в условиях персонифицированного методического сопровождения. Методы самооценки и профессионального развития педагога. Кейс-метод как инструмент рефлексии в образовательном процессе
	Цифровые	Цифровые технологии в персонифицированном методическом сопровождении. Разработка онлайн-курсов: методические основы, практики, адаптация под индивидуальные возможности и потребности педагога. Электронные ресурсы как средство персонификации обучения. Безопасность и этика в использовании цифровых технологий в образовании. Цифровые инструменты в педагогической диагностике

Заключение

В качестве определяющих теоретическую значимость нашего исследования были получены следующие результаты:

- уточнено понятие «персонифицированное методическое сопровождение» педагогов ДОО;
- разработан компетентностный профиль старшего воспитателя/методиста;
- определено содержательное наполнение процесса формирования профессиональных компетенций у студентов в области персонифицированного методического сопровождения педагогов ДОО.

Выделение содержательных компонентов подготовки позволяет структурировать образовательный процесс и обеспечить формирование у студентов необходимых компетенций для успешной работы в профессиональной среде на основе персонифицированного подхода.

Список литературы

1. Никишина И. В. Диагностическая и методическая работа в дошкольных образовательных учреждениях. Волгоград: Учитель, 2007. 156 с. EDN: QVENBT
2. Белая К. Ю. Организация инновационной деятельности в ДОО: метод. пособие. М.: Сфера, 2017. 128 с.
3. Лосев П. Н. Управление методической работой в современном ДОО. М.: Сфера, 2005. 152 с.
4. Абибуллаева Э. А. Сущность методического сопровождения педагогов в дошкольных образовательных учреждениях // Молодой ученый. 2018. № 12 (198). С. 142–145. EDN: YUCNXP
5. Певзнер М. Н., Зайченко О. М. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия. М.: Академия, 2016. 318 с.
6. Попова Л. А., Сибиркина Е. Н. Организация методического сопровождения воспитателей по преодолению профессиональных затруднений в реализации образовательных программ // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2024. № 2. С. 133–143. EDN: MVTIDZ
7. Базаева Ф. У. Потенциал методического сопровождения профессиональной деятельности педагогов в условиях образовательного учреждения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-1. С. 46–48. EDN: JQGAWQ
8. Мусеев А. М. Модель системы дистанционного наставничества и методической поддержки (НИМП) студентов и молодых учителей в педагогическом университете // Педагогика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 2, № 3. С. 20–40. EDN: HLKXKS

9. Каргина З. А. Индивидуализация, персонализация, персонификация – ведущие тренды развития образования в XXI веке: обзор современных научных исследований // Наука и образование: современные тренды. 2015. № 2 (8). С. 172–187. EDN: UEADRP

References

1. Nikishina I. V. *Diagnosticheskaya i metodicheskaya rabota v doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Diagnostic and methodological work in preschool educational institutions]. Volgograd, Uchitel', 2007. 156 p. (in Russian). EDN: QVENBT
2. Belaya K. Yu. *Organizatsiya innovatsionnoy deyatel'nosti v DOO* [Organization of innovative activities in a preschool institution]. Moscow, Sfera, 2017. 128 p. (in Russian).
3. Losev P. N. *Upravlenie metodicheskoy rabotoy v sovremennoy DOO* [Managing methodological work in a modern preschool educational institution]. Moscow, Sfera, 2005. 152 p. (in Russian).
4. Abibullayeva E. A. The essence of methodological support for teachers in preschool educational institutions. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2018, no. 12 (198), pp. 142–145 (in Russian). EDN: YUCNXP
5. Pevzner M. N., Zaichenko M. N. *Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie personala shkoly: pedagogicheskoe konsul'tirovanie i superviziya* [Scientific and methodological support for school personnel: Pedagogical consulting and supervision]. Moscow, Academiya, 2016. 318 p. (in Russian).
6. Popova L. A., Sibirskina E. N. Organization of methodological support for educators to overcome professional difficulties in the implementation of educational programs. *Obrazovanie i vospitanie doshkolnikov, shkolnikov, molodeozhi: teoriya i praktika* [Education and Upbringing of Preschoolers, Schoolchildren, Youth: Theory and Practice], 2024, no. 2, pp. 133–143 (in Russian). EDN: MVTIDZ
7. Bazaeva F. U. The potential of methodological support for teachers' professional activities in an educational institution. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Teacher Education], 2023, no. 78-1, pp. 46–48 (in Russian). EDN: JQGAWQ
8. Moiseev A. M. Model of distance mentoring and methodological support (NIMP) of students and young teachers at pedagogical university. *Pedagogy: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, vol. 2, no. 3, pp. 20–40 (in Russian). EDN: HLKXKS
9. Kargina Z. A. Individualization, personalization, personification – leading trends in the development of education in the 21st century. *Nauka i obrazovanie: sovremennyye trendy* [Science and Education: Current Trends], 2015, no. 2 (8), pp. 172–187 (in Russian). EDN: UEADRP

Поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 12.03.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 204–211

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 204–211

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-204-211>, EDN: XBHKXB

Научная статья

УДК 528.9:378.091.39

Проектная работа как эффективный инструмент оценки промежуточной успеваемости студентов-картографов (на примере гражданско-патриотического проекта «Школьные атласы Луганской и Донецкой народных республик: 80 лет Великой Победы»)

А. В. Затонская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Затонская Анна Вячеславовна, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, farik26@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4877-207X>

Аннотация. Введение. В условиях цифровизации образования и частичного дефицита материально-технических ресурсов групповое проектное обучение с использованием видеоматериалов и привлечением к распространению результатов работы социальных сетей демонстрирует свою эффективность в качестве мотивационного стимула и в профессиональной подготовке студентов. **Теоретический анализ.** Центральным ядром исследования выступил гражданско-патриотический проект «Школьные атласы Луганской и Донецкой народных республик: 80 лет Великой Победы». Проект был направлен на решение двойной задачи: с одной стороны – оценить академические навыки (степень владения навыками геоинформационного картографирования и дизайна, умение работать с массивами геопространственных и статистических данных), с другой – воспитание патриотизма через практическую поддержку новых регионов России в соответствии с национальными целями развития. **Заключение.** Работа в малых группах позволила развить у студентов навыки делегирования, ответственности и командной работы, максимально приближенные к профессиональной среде. Защита проектов в формате открытой презентации с рефлексией способствовала более глубокому усвоению материала и вовлеченности аудитории в дискуссию. Анализ результатов подтвердил усиление гражданской позиции, профессионализма и креативности студентов, доказывая, что проектная деятельность является мощным инструментом формирования компетенций будущих специалистов-картографов.

Ключевые слова: проектная работа, высшее образование, патриотическое воспитание, геоинформационное картографирование, атласы, Донецкая народная республика, Луганская народная республика

Для цитирования: Затонская А. В. Проектная работа как эффективный инструмент оценки промежуточной успеваемости студентов-картографов (на примере гражданско-патриотического проекта «Школьные атласы Луганской и Донецкой народных республик: 80 лет Великой Победы») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-204-211>, EDN: XBHKXB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Project work as an effective tool for assessing the intermediate academic performance of student cartographers (the case of the civil-patriotic project “School atlases of the Lugansk and Donetsk People’s Republics: 80 years of the Great Victory”)

A. V. Zatonskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Zatonskaya, farik26@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4877-207X>

Abstract. Introduction. In the context of digitalization of education and partial deficit of material and technical resources, group project-based learning using video materials and involving social networks in disseminating the results of work demonstrates its effectiveness as a motivational stimulus and professional training of students. **Theoretical analysis.** The central core of the study was the civic-patriotic project “School atlases of the Lugansk and Donetsk People’s Republics: 80 years of the Great Victory”. The project was aimed at solving a dual problem: on the one hand, to assess academic skills (the degree of proficiency in geoinformation mapping and design skills, the ability to work with arrays of geospatial and statistical data), and on the other hand, to foster patriotism through practical support for new regions of Russia in accordance with national development goals. The project included three stages: conceptual, cartographic, historical and educational. **Conclusion.** Working in small groups

developed students' delegation, responsibility and teamwork skills, as close as possible to the professional environment. The defense of projects in the format of an open presentation with reflection (quiz) confirmed a deep assimilation of the material and high involvement of the audience. Analysis of the results of the implementation of this method confirmed the strengthening of the civic position, professionalism and creativity of students, proving that project activities are a powerful tool for developing the competencies of future cartographers.

Keywords: project work, higher education, patriotic education, geoinformation mapping, atlases, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic

For citation: Zatonskaya A. V. Project work as an effective tool for assessing the intermediate academic performance of student cartographers (the case of the civil-patriotic project "School atlases of the Lugansk and Donetsk People's Republics: 80 years of the Great Victory"). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-204-211>, EDN: ХВНХХВ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных условиях активной цифровойизации, а также внедрения практически во всех сферы жизни инструментов искусственного интеллекта (ИИ) перед преподавателями вузов возникает настоящий педагогический вызов – суметь одновременно следовать традиционной классической образовательной парадигме и быть «в ногу» со временем. Зачастую это сложный процесс, который также должен подкрепляться развитием и усилением заинтересованности современных, достаточно «избалованных» благами цифрового мира студентов в получении знаний и последующей их апробации в ходе производственных и преддипломных практик. Процесс непрерывности образования не только для студентов, но и для преподавателей, которым жизненно необходимо совершенствовать свою цифровую и образовательную насмотренность, нередко сталкивается еще с одним вызовом – слабой материально-технической обеспеченностью учебного процесса, особенно в провинциальных вузах. В предыдущих публикациях уже приводился опыт использования достаточно современных технологических решений, не требующих больших финансовых вложений и вызвавших положительный резонанс по результатам анализа успеваемости, посещения занятий, а также выбора студентами дальнейшего профессионального пути [1, 2]. В настоящем исследовании будет представлен опыт реализации еще одной довольно распространенной педагогической технологии – защита проектов, правда в немного нестандартном ключе.

Теоретический анализ

Существует множество подходов к трактовке понятия «проектные технологии». Тем не менее, основной чертой, отражающей от-

личие проектного обучения от традиционного, является максимальный фокус на потребности студента как будущего профессионала и производителя, способного не только к реализации определенных основной образовательной программой (ООП) и рабочим планом профессиональных и иных компетенций, а именно к решению реальных, жизненных проблем. Проектная работа способствует получению и накоплению опыта в условиях близких к реальной профессиональной деятельности [3, 4].

Проектные технологии или технология проектного обучения – образовательная методика, направленная на развитие самостоятельной, инициативной деятельности учащегося, раскрывающаяся путем непосредственной защиты проекта, в ходе которой демонстрируется проделанная работа, доказывается значимость и жизнеспособность проекта, а также представляются исчерпывающие ответы на вопросы [5, 6]. Важно понимать, что проект – практикоориентированная технология, ожидающая в ходе решения поставленной перед студентами проблемной задачи конкретного прикладного решения. Любой проект может также быть определен как целостная совокупность мероприятий, направленная на получение потенциально востребованных результатов. У проектной работы существует ряд аспектов, выгодно отличающих ее от традиционного образовательного подхода. В частности, гибкость учебного процесса позволяет корректировать ход работы, подстраиваясь под вариативно изменяющиеся условия реализации определенной программой целей. Личная заинтересованность участников проекта выгодно мотивирует их к достижению конечного результата с последующей рефлексией и анализом. Практическая направленность дает возможность «окунуться» в реальные рабочие условия, где необходимо не только находить контакт с коллективом, следовать четкому бизнес-плану или таймингу,

но и понимать, что в итоге станет готовым продуктом и будет ли он конкурентоспособным. По сути, проектное обучение можно считать частью производственной практики, но без отрыва от образовательного процесса в вузе [7].

Существует множество подходов к классификации проектного обучения. По типу ведущей деятельности можно выделить исследовательские, инженерно-конструкторские, художественные, организационные и иные проекты. В то время как по конечному результату проект может быть научно-исследовательским (НИР) и опытно-конструкторским (ОКР), а также их комбинацией (НИОКР), технологическим, предпринимательским (стартап) и иными [8].

В программно-содержательном аспекте авторами выделяются исследовательские, информационные, творческие, телекоммуникационные, прикладные проекты. Тогда как в организационно-управленческом аспекте принято рассматривать групповые, индивидуальные, а также исследовательские проекты в малых группах [3–8].

Безусловно, проектное обучение ни в коем случае не отменяет традиционные форматы аттестации или образовательного процесса в ходе реализации текущих ФГОС. Оно дополняет основные образовательные программы, реализуя тем самым профессиональный компетентностный подход к обучению.

Часто защиты проектов проводятся в виде открытых конференций, на которые приглашаются не только учащиеся конкретной студенческой группы, получившей указанное задание, но и студенты смежных направлений подготовки или более младших курсов для трансляции результатов работы и подготовки их к похожим защитам.

Наш опыт показал, что еще более эффективны технологии проектного обучения в случае, когда учащиеся работают не индивидуально, а в рамках малых рабочих групп, где одной из наиболее важных задач, поставленных преподавателем – руководителем проекта, является делегирование обязанностей. Такая методика максимально имитирует работу в профессиональном трудовом коллективе, в котором от деятельности отдельных представителей зависит качество, полнота, скорость и эффективность выполнения поставленных задач. Несмотря на групповую работу, даже в таком ключе можно проследить некую индивидуальную образовательную траекторию обучения для каждого участника проекта.

Проектная работа, предложенная в качестве варианта промежуточной аттестации перед студентами выпускного курса географического факультета направления подготовки 05.03.03 «Картография и геоинформатика» носила достаточно длительный подготовительный процесс и была многоэтапной. На первом этапе студентам требовалось определить территорию исследования для проектирования и составления учебных школьных атласов. Несмотря на сложность получения, иноязычность и недостаточность фактических данных, практически сразу было решено проводить работу с территориями, вернувшись на свою историческую родину, – Донецкой и Луганской народными республиками.

Реализация проектной работы предполагалась быть направленной на:

- волонтерскую патриотическую поддержку студентами географического факультета СГУ вновь присоединенных республик;
- популяризацию русского языка во вновь присоединенных республиках;
- помощь школам и библиотекам ДНР и ЛНР;
- возможность проведения просветительских акций для школьников, студентов, краеведов и всех интересующихся географией для знакомства со вновь присоединёнными республиками;
- популяризацию географического образования, школьного и вузовского краеведения;
- организацию учебного процесса в школах и вузах РФ с позиции новой территориальной целостности;
- обеспечение коллаборативного сотрудничества с университетами, школами, региональными отделениями Русского географического общества Донецкой и Луганской народных республик;
- информационное и визуальное сопровождение в организации и проведении мероприятий к 80-летию Великой Победы и 82-й годовщине освобождения Луганска (Ворошиловграда) и Донбасса от оккупации фашистскими захватчиками и многое другое [9].

Вторым этапом стала подготовка концепта структуры атласов, разработка стиливого оформления, а также адаптация к современным потребностям школьного образования [10, 11]. В итоге в состав атласов вошли серии карт, объединенных математической основой и оформлением общегеографического, природного,

социально-экономического и тематического содержания, дополненные контурными картами с актуальными территориальными грани-

цами, а также географическими топонимами (гигронимами, хоронимами, ойконимами) (рис. 1, 2) [12–15].

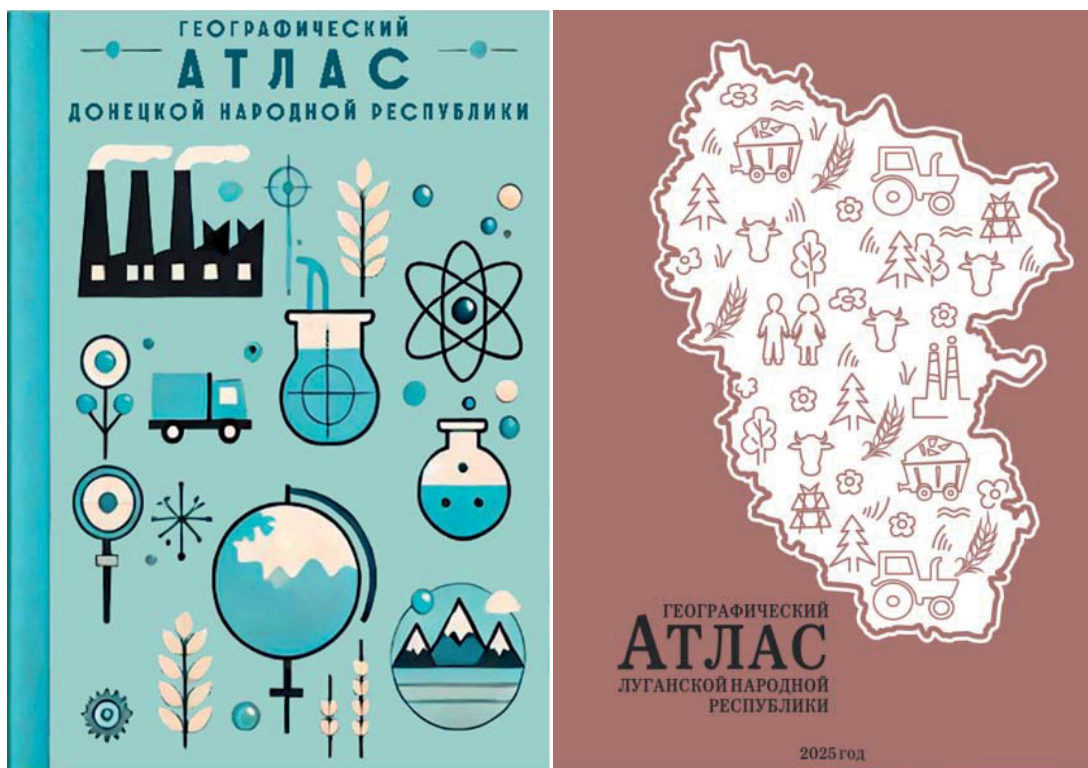

Рис. 1. Обложки школьных атласов Донецкой и Луганской народных республик (студенческая работа) (цвет онлайн)
 Fig. 1. Covers of school atlases of the Donetsk and Lugansk People's Republics (student work) (color online)

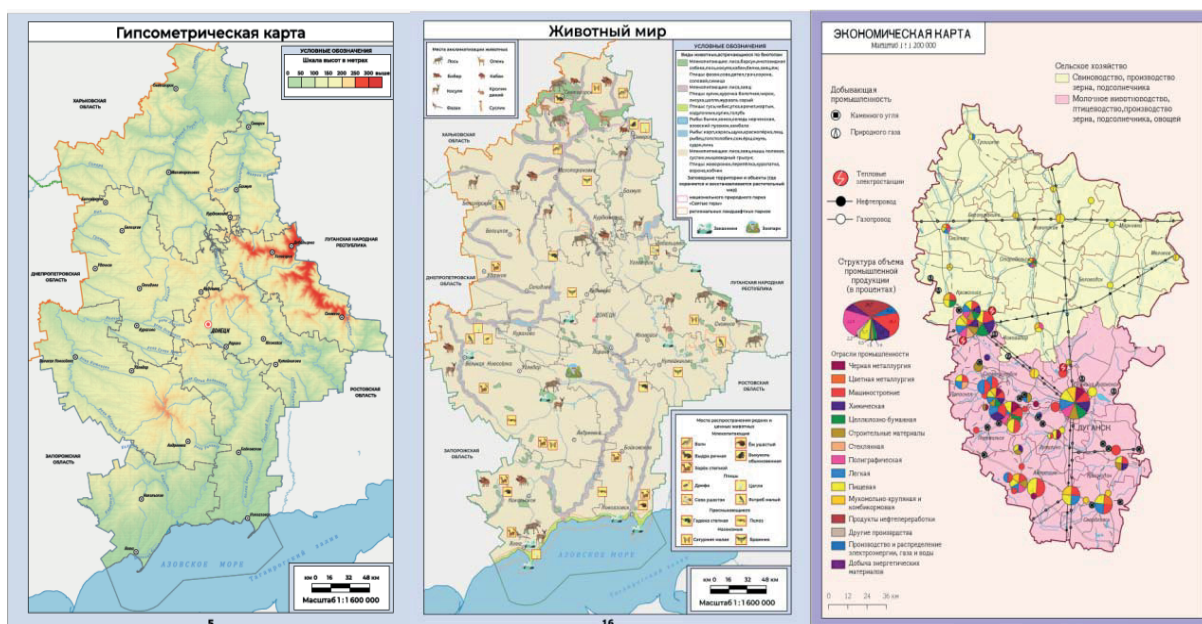

Рис. 2. Некоторые тематические карты Донецкой и Луганской народных республик, представленные в атласах (студенческая работа) (цвет онлайн)
 Fig. 2. Selected thematic maps of the Donetsk and Lugansk People's Republics from atlases (student work) (color online)

Отдельное внимание было решено сконцентрировать на последнем пункте проекта – «...стать информационным и визуальными сопровождением в организации и проведении мероприятий к 80-летию Великой Победы и 82-й годовщине освобождения Луганска (Ворошиловграда) и Донбасса от оккупации фашистскими захватчиками и многое другое». На это и был направлен третий этап работы.

Студенты, объединенные в малые рабочие группы, подготовили небольшие видеосюжеты, в которых постарались не только раскрыть общую идею проекта, но и подготовить историко-патриотический обзор военных действий на территориях Луганской и Донецкой народных республик во время Великой Отечественной Войны. Защиту проектных работ в формате открытого занятия-презентации приурочили к 82-летней годовщине освобождения Ворошиловграда (современный Луганск) войсками Юго-Западного фронта РККА Вооруженных сил СССР от немецко-фашистских захватчиков, произошедшего 14 февраля 1943 года. В своих видеоработах авторы постарались отразить масштаб и значимость операций, которые ценой своих жизней сумели осуществить бойцы советской освободительной армии. Важным воспитательным и патриотическим элементом проекта стал просветительский аспект, заключающийся в распространении информации в понятной и привычной современному обществу форме коротких видео. В завершении защиты со всеми студентами была проведена рефлексия в формате небольшой викторины-квиза, результаты которой выявили большую заинтересованность зрителей в проекте, а также повышенное внимание к деталям. Отдельно стоит отметить, что сценарий и сюжетные линии проектов также полностью разрабатывались участниками малых рабочих групп в рамках самостоятельной работы.

Для дальнейшего продвижения идей проекта, а также в ознаменование празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне видеоролики были размещены в популярной российской социальной сети ВКонтакте. Меньше чем за неделю просмотры достигли более 1000 охватов, а также получили обратную связь от зрителей.

Транслируемый опыт, представленный в исследовании, можно определить как проектную работу в виде НИОКР, выполненную

малыми группами, несущую прикладное значение и транслирующую исследовательско-информационный посыл.

С учебно-методической стороны проектная работа соответствует компетентностному подходу, представленному в ООП направления подготовки бакалавриата 05.03.03 «Картография и геоинформатика», профиль «Геоинформатика». Одна из областей профессиональной деятельности, сформулированная как «сфера создания картографических произведений и геоинформационных систем на основе сбора, систематизации и обработки пространственной информации, тематической интерпретации результатов съемок местности, материалов дистанционного зондирования, статистических данных и других источников», отвечает производственному типу профессиональных задач, охватывая «создание картографических произведений (в том числе карт, атласов, иллюстраций и пр.) для просветительских, научно-исследовательских, образовательных и прочих целей», полностью соответствует заявленным целям проектной работы [16].

Рабочая программа дисциплины, в рамках которой проходила реализация проекта («Оформление компьютерных и электронных карт»), представляет несколько профессиональных компетенций (ПК-5 и ПК-9), которые должны быть достигнуты в ходе ее освоения [17, 18]. В частности, компетенция ПК-9 определяет необходимость с помощью геоинформационных технологий создавать новые типы картографических материалов, грамотно использовать изобразительные средства, доступные в геоинформационных программах и графических редакторах для подбора оптимальных средств картографического изображения, а также необходимость наработки художественного вкуса для составления эстетически привлекательных картографических произведений. Все это было подтверждено материалами, подготовленными в ходе реализации и представления проекта. Универсальные и общепрофессиональные компетенции рабочей программой дисциплины не предусмотрены, однако в рамках ООП направления подготовки задачам рассмотренного проекта полностью соответствуют УК-2 – «способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых

норм, имеющихся ресурсов и ограничений», УК-3 – «способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде» и УК-5 – «способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» [16].

Результаты проведенного исследования убедительно доказывают, что проектная деятельность является высокоэффективным инструментом как для проведения промежуточной аттестации, так и для оценки сформированности компетенций у студентов. Практически это было подтверждено успешной реализацией многоэтапного гражданско-патриотического проекта по созданию школьных атласов для новых регионов России. В ходе работы студенты не только продемонстрировали владение профессиональными навыками геоинформационного картографирования и дизайна (что соответствует требованиям ПК-9 рабочей программы дисциплины), но и развили важные универсальные компетенции, такие как командное взаимодействие, делегирование обязанностей, ответственность (УК-3) и знание социально-исторического контекста (УК-5). Защита проектов в формате открытой презентации с последующей рефлексией выступила объективным элементом оценки, выявившим глубокое усвоение материала и высокую личную вовлеченность участников. Таким образом, представленный педагогический эксперимент служит доказательством того, что комплексная проектная работа позволяет не только провести оценку учебных достижений, но и целостно сформировать профессионально и граждански зрелую личность будущего специалиста.

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы в первую очередь выразить гордость за активную гражданскую позицию студентов-картографов, их профессионализм, креативность и стремление к достижению иногда достаточно сложных в исполнении целей. Проектная работа и, в особенности, ее защита не перестают доказывать свою эффективность в формировании самостоятельности студентов и их готовности к переходу к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Молочко А. В. Опыт адаптации мейнстримовых мероприятий в организацию внеаудиторной деятельности студентов (на примере создания, подготовки и реализации интеллектуально-развлекательной игры «ГеоКвиз») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 458–464. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-458-464>, EDN: WHVIZG
2. Молочко А. В. Видеоматериалы в образовательном процессе: опыт апробации и использования (на примере естественнонаучных дисциплин) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 472–476. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-472-476>, EDN: DLSXNC
3. Валеев А. С., Махмутов М. М., Байгутлин Р. Р. Роль и потенциал проектного подхода в обеспечении эффективности профессиональной подготовки студентов вузов // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 7-4. С. 58–62. EDN: XBMMMP
4. Суйкова О. А. Проектное управление в образовании. Челябинск : ГБУ ДПО ЧИРПО, 2020. 80 с. EDN: MGKDGD
5. Игнатова И. Б., Сушкова Л. Н. Проектные технологии как метод обучения: историко-педагогический анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 164–167. EDN: NQVDNX
6. Решетка В. В. Проектный метод обучения как средство реализации практико-ориентированной технологии // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 83–86. EDN: RAGXLR
7. Жигалова О. П. Проектно-технологический подход обучения как основа подготовки учителя к реализации профессиональной деятельности в информационном обществе // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/55PDMN617.pdf> (дата обращения: 17.10.2025). EDN: YRRTSN
8. Долганов Д. Н. Проблемы и перспективы проектного обучения // Вестник экспериментального образования. 2021. № 2 (27). С. 39–47. EDN: SNEZJF
9. Затонская А. В. Школьная и краеведческая картография (на примере атласов Донецкой и Луганской народных республик): картосемиотический и оформительский аспекты // Грозненский естественнонаучный бюллетень. 2025. Т. 10, № 2 (40). С. 24–30. <https://doi.org/10.25744/genb.2025.40.2.004>, EDN: PFOZLX
10. Сваткова Т. Г. Атласная картография : учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2002. 203 с.

11. Макаренко А. А., Загребин Г. И. Атласное картографирование : учебное пособие. М. : МИИГАиК, 2018. 56 с.
12. Прохорова Е. А. Социально-экономические карты : учебное пособие. М. : КДУ, 2010. 424 с. EDN: QKJNOH
13. Лютый А. А. Язык карты: сущность, система, функции. Издание 2-е, испр. М. : ГЕОС, 2002. 333 с.
14. Верещака Т. В., Ковалева О. В. Изображение рельефа на картах: теория и методы (оформительский аспект). М. : Научный мир, 2016. 181 с. EDN: URWQJA
15. Божилкина Е. А. Географическое картографирование: карты природы : учебное пособие. М. : КДУ, 2010. 316 с.
16. Основная образовательная программа высшего образования направления подготовки бакалавриата 05.03.03 «Картография и геоинформатика». URL: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/op/05_03_03_kartografiya_i_geoinformatika_profil_geoinformatika_god_nabora_2023.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
17. Рабочий учебный план по программе бакалавриата 05.03.03 «Картография и геоинформатика». URL: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/plans/05.03.03_-_kartografiya_i_geoinformatika_2023.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
18. Рабочая программа дисциплины «Оформление компьютерных и электронных карт» направления подготовки 05.03.03 «Картография и геоинформатика». URL: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/programs/2023/b1.v.10_oformlenie_kompyuternyh_elektronnyh_kart_0.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
19. *obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2021, no. 7-4, pp. 58–62 (in Russian). EDN: XBMMMP
4. Suikova O. A. *Proektnoe upravlenie v obrazovanii* [Project management in education]. Chelyabinsk, Chelyabinsk Institute for Development of Professional Education Publ., 2020. 80 p. (in Russian). EDN: MGKGDG
5. Ignatova I. B., Sushkova L. N. Project technologies as a teaching method: Historical and pedagogical analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no. 1, pp. 164–167 (in Russian). EDN: NQVDNX
6. Reshetka V. V. Project-based teaching method as a means of implementing practice-oriented technology. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 2013, no. 2, pp. 83–86 (in Russian). EDN: RAGXLR
7. Zhigalova O. P. Project-technological approach to learning as a basis for teacher training for professional activities in the information society. *Internet-zhurnal "Mir nauki"* [Online Journal "World of Science"], 2017, vol. 5, no. 6 (in Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/55PDMN617.pdf> (accessed October 17, 2025). EDN: YRRTSN
8. Dolganov D. N. Problems and prospects of project-based learning. *Vestnik eksperimentalnogo obrazovaniya* [Bulletin of Experimental Education], 2021, no. 2 (27), pp. 39–47 (in Russian). EDN: SNEZJF
9. Zatonskaya A. V. School and local history cartography (on the example of atlases of the Donetsk and Lugansk People's Republics): Cartosemiotic and design aspects. *Groznskiy estestvennonauchnyy byulleten* [Grozny Natural Science Bulletin], 2025, vol. 10, no. 2 (40), pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.25744/genb.2025.40.2.004>, EDN: PFOZLX
10. Svatkova T. G. *Atlasnaya kartografiya: uchebnoe posobie* [Atlas cartography: A tutorial]. Moscow, Aspect Press, 2002. 203 p. (in Russian).
11. Makarenko A. A., Zagrebina G. I. *Atlasnoe kartografirovanie: uchebnoe posobie* [Atlas mapping: A tutorial]. Moscow, Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK) Publ., 2018. 56 p. (in Russian).
12. Prokhorova E. A. *Sotsialno-ekonomicheskie karty: uchebnoe posobie* [Socio-economic maps: A teaching aid]. Moscow, KDU, 2010. 424 p. (in Russian). EDN: QKJNOH
13. Lyuty A. A. *Yazyk karty: sushchnost, sistema, funktsii. Izdanie 2-e, ispravlennoe* [Map language: Essence, system, functions. 2nd edition, corrected]. Moscow, GEOS, 2002. 333 p. (in Russian).
14. Vereshchaka T. V., Kovaleva O. V. *Izobrazhenie relefa na kartakh: teoriya i metody (oformitelskiy aspekt)* [Relief representation on maps: Theory and methods (design aspect)]. Moscow, Nauchnyy mir, 2016. 181 p. (in Russian). EDN: URWQJA

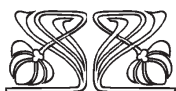
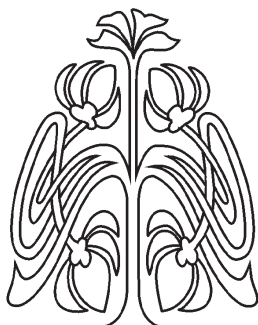
References

1. Molochko A. V. Experience of adaptation of mainstream events in the organization of students' extracurricular activities (the case study of creating, training and implementing an intelligent-entertaining game "Geoquiz"). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 458–464 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-458-464>, EDN: WHVIZG
2. Molochko A. V. Video materials in the educational process: experience of approbation and use (the case of natural science disciplines). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 472–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-472-476>, EDN: DLSXNC
3. Valeev A. S., Makhmutov M. M., Baigutlin R. R. The role and potential of the project approach in ensuring the effectiveness of professional training of university students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo*

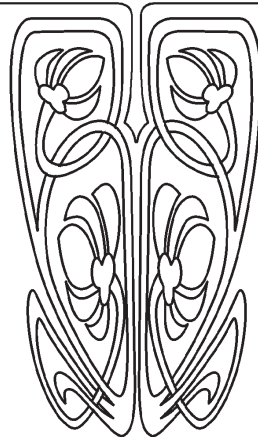

15. Bozhilina E. A. *Geograficheskoe kartografirovaniye: karty prirody: uchebnoye posobie* [Geographical mapping: Nature maps: A tutorial]. Moscow, KDU, 2010. 316 p. (in Russian).
16. *Osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya napravleniya podgotovki bakalavriata 05.03.03 "Kartografiya i geoinformatika"* (Main educational program of higher education for the bachelor's degree program 05.03.03 "Cartography and Geoinformatics") (in Russian). Available at: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/op/05_03_03_kartografiya_i_geoinformatika_profil_geoinformatika_god_nabora_2023.pdf (accessed November 1, 2025).
17. *Rabochiy uchebnyy plan po programme bakalavriata 05.03.03 "Kartografiya i geoinformatika"* (Working curriculum for the bachelor's degree program 05.03.03 "Cartography and Geoinformatics") (in Russian). Available at: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/plans/05.03.03_-_kartografiya_i_geoinformatika_2023.pdf (accessed November 1, 2025).
18. *Rabochaya programma distsipliny "Oformleniye kompyuternykh i elektronnykh kart" napravleniya podgotovki 05.03.03 "Kartografiya i geoinformatika"* (Syllabus of the discipline "Design of computer and electronic maps" for the degree program 05.03.03 "Cartography and Geoinformatics") (in Russian). Available at: https://old.sgu.ru/sites/default/files/education/programs/2023/b1.v.10_oformlenie_kompyuternykh_elektronnykh_kart_0.pdf (accessed November 1, 2025).

Поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2026; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 08.02.2026; accepted for publication 12.03.2026

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014

Оформить подписку на печатную версию

можно в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Электронная версия журнала находится

в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>

ISSN 1819-7671

26002

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026.
Том 26, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

